

Ретро Спектива

Историко-архивный журнал

2012
№ 2

Повседневная
жизнь Перми
и пермяков
в 1930–1960-е
ГОДЫ стр. 33

Константин
Галаншин:
«...Это лучшие
годы моей
жизни» стр. 3

Лица гражданской
войны стр. 30

«РЕТРОспектива»
Историко-архивный журнал
Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, г. Москва.
Свидетельство ПИ № ФС77-35378
от 18 февраля 2009 г.
Право на издание и распространение
историко-архивного журнала «Ретроспектива»
безвозмездно передано ООО «Издательский дом
Бывальцева» ООО «Издательство «Вся Пермь»

№ 2, 2012 год

НОМЕР ПОДГОТОВЛЕН
ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЯ ПЕРМЬ»
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ,
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
ПЕРМСКОГО КРАЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Баядина Нина Петровна,
руководитель отдела по связям с
общественностью краевого Законодательного
собрания, кандидат исторических наук
Белавин Андрей Михайлович, проректор по
научной работе и внешним связям Пермского
государственного педагогического университета,
доктор исторических наук, профессор
Кириянов Игорь Константинович,
Председатель Общественной палаты Пермского
края,
декан историко-политологического факультета
ПГНИУ,
доктор исторических наук, профессор
Копылов Николай Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
Всемирной
и Отечественной истории МГИМО
(У) МИД РФ (г. Москва)
Лейбович Олег Леонидович, Пермский
государственный институт искусства и
культуры, доктор исторических наук, профессор
Лобанова Наталья Порфирьевна, директор
ГОУ «Государственный архив Пермского края»
Меркушева Елена Николаевна,
заместитель директора по науке ГУК
«Пермский краеведческий музей»
Мохов Виктор Павлович,
заведующий кафедрой государственного
управления и истории ПНИПУ,
доктор исторических наук, профессор
Нечаев Михаил Геннадьевич,
ПНИПУ, кандидат исторических наук, доцент

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Алексей Стаценко
тел. 8-912-980-56-62
e-mail: retrospektiva-red@yandex.ru
ДИРЕКТОР:
Дмитрий Лобанов
тел. 8-912-789-11-43
e-mail: retrospektiva_rd@mail.ru
ВЕРСТКА:
Валерия Зильберман
КОРРЕКТОР:
Ирина Филиппова

Редакция выражает благодарность
Государственному архиву Пермского края,
Пермскому краеведческому музею, Пермскому
государственному архиву новейшей истории,
Верещагинскому краеведческому музею,
Чернушенскому краеведческому музею
им. В. Г. Хлопонина
за предоставленные материалы

СОДЕРЖАНИЕ

Татьяна Демиденко.
«ГАЛАНШИНСКИЙ» СТИЛЬ ЖИЗНИ..... 4

Анна Кимерлинг.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА.
НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ
СОВЕТСКИМ ПРЕДПРИЯТИЕМ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ 13

Александр Чашухин.
КОГДА ВЫГНАЛИ БУРЖУЕВ
И КТО ПРИДУМАЛ СТАЛИНСКУЮ
КОНСТИТУЦИЮ? 17

Алексей Глушаев.
«У НАС ВЕДЬ ТАК ПОВЕЛОСЬ,
В КАЖДОЙ ДЕРЕВНЕ СВОЙ ПРЕСТОЛ» 23

ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.
ФОТОГРАФИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
1918–1919 ГОДОВ ИЗ ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА В ПРАГЕ..... 30

Валерия Зильберман.
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРМИ
И ПЕРМЯКОВ В 1930–1960-е ГОДЫ 33

Андрей Бушмаков.
СВЕЖО ПРИДАНОЕ, ДА МЕРИТСЯ С ТРУДОМ..... 43

Лев Перескоков.
ЧЕЛОВЕК «ЯВНО НЕ ИЗ НАШЕЙ СРЕДЫ».
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ГЛАЗАМИ ПЕРМЯКОВ 47

Алексей Стаценко.
СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ – ВЕРЕЩАГИНО 55

Юлия Кашаева.
ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
НА ПЛАНАХ ПЕРМИ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ..... 68

Сергей Бородулин.
КРЕЩЕННЫЕ ПРЕДКИ.
415 ЛЕТ БАБИНОВСКОМУ ТРАКТУ.
ЯЙВИНСКИЕ ОКРЕСТНОСТИ В СКАЗАНИЯХ
И ОПИСАНИЯХ..... 73

ЛЮДИ XX ВЕКА

К сожалению, сегодняшним пермякам фамилия Галаншин говорит очень мало. Разве что люди старшего поколения с трудом вспоминают: да, был такой руководитель, то ли председатель облисполкома, то ли партийный деятель. Константин Иванович Галаншин 17 лет проработал на руководящих должностях областного уровня. С 1953 по 1960 годы в качестве секретаря Пермского обкома КПСС, курировавшего основные направления: работу промышленности, транспорта, связи и строительства. А с 1960 по 1968 год — в качестве первого секретаря обкома партии, то есть фактического «хозяина» Пермской области.

Именно на этот период приходятся важнейшие переломные события в жизни страны: XX съезд партии и разоблачение «культы личности», хрущевские экономические новации и начало брежневского «застоя». Именно в это время Пермь и Пермская область из жалкого придатка «старшего уральского брата» превращаются в самостоятельное и самоценное явление и, начиная дышать ему в затылок, обходят по многим показателям и сам Свердловск и Свердловскую область. В Прикамье возводятся две мощнейшие гидроэлектростанции, строятся новые предприятия, на десятилетия определившие промышленное лицо региона. Радикально начинает меняться сама Пермь, превращаясь из конгломерата барачных при заводских поселков в современный индустриальный центр. Именно при Галаншине разрабатывается Генеральный план развития Перми, самый масштабный за всю историю города, по которому Пермь строилась и развивалась практически до конца 1980-х годов.

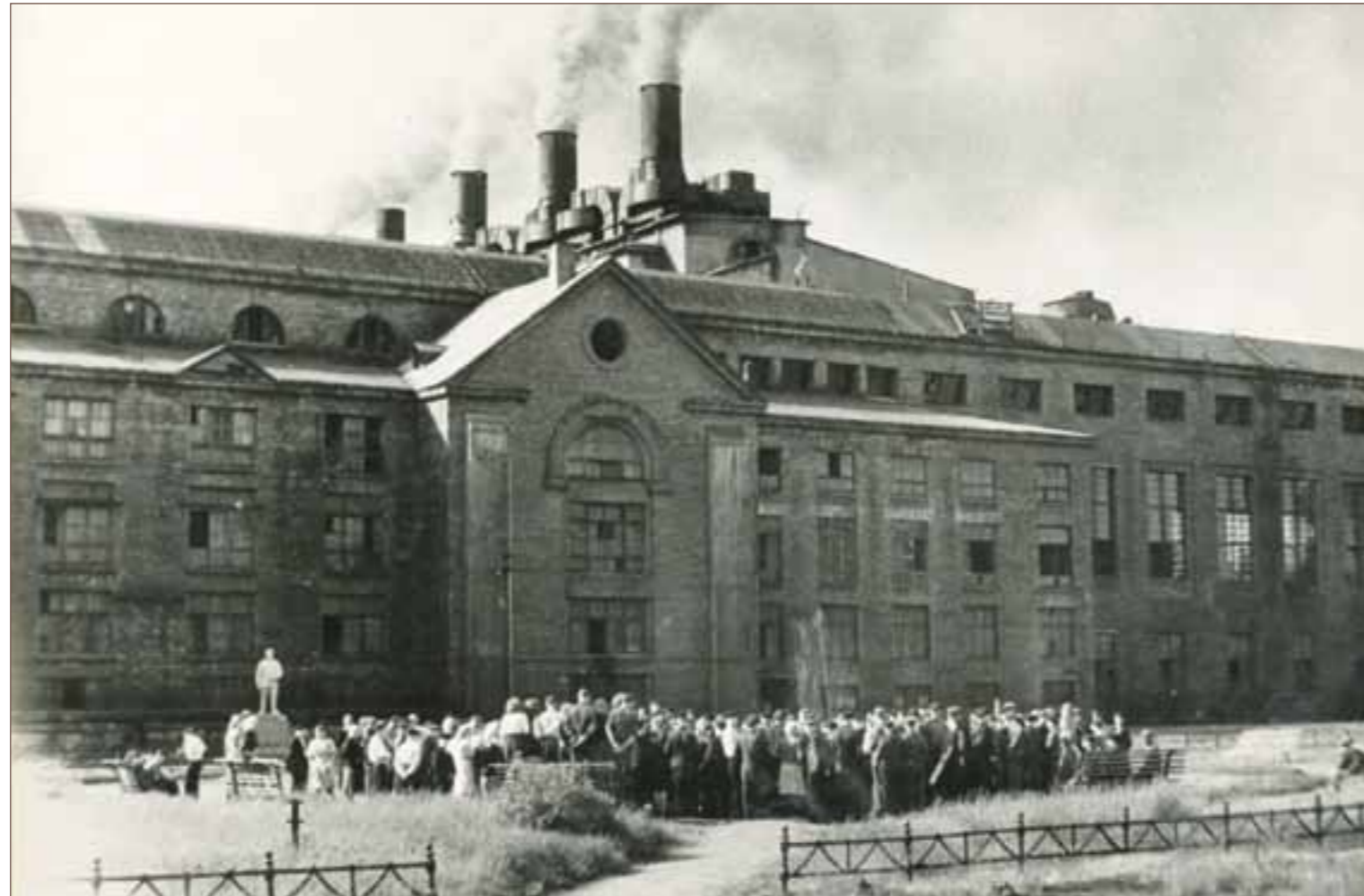
Сам Константин Иванович, покинув Прикамье в 1968 году, вспоминал о своем «Пермском периоде» как о лучших годах своей жизни.

«ГАЛАНШИНСКИЙ» СТИЛЬ ЖИЗНИ

В 2000-е годы появились три книги, в которых ключевой фигурой стал Константин Галаншин (1912–2011). Первая с названием «Вчера, сегодня, завтра» издана в 2000 году в Санкт-Петербурге. Это книга-воспоминание, где бывший министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР К.И. Галаншин рассказывает о своем непростом жизненном пути. Две другие изданы в Перми с одинаковым названием «Константин Галаншин: «Это лучшие годы моей жизни»». Первая вышла в серии «Пермский край: история в судьбах» в 2011 году, вторая книга — значительно дополненное переиздание первой, она стала юбилейным изданием, так как вышла в год столетия со дня рождения Константина Ивановича в 2012 году. Галаншин не дождал до ста лет 70 дней. Он готовился торжественно отметить столетний юбилей и даже составил список приглашенных. Судьба подарила ему редкий дар — сохранность ума и памяти. Константин Иванович — яркая личность, борец, пассионарий. Такие люди в любую эпоху в любой стране и при любой профессии становятся вождями, руководителями. Галаншин успешно прошел жизненный путь от рядового электрика до министра СССР. Именно этим нам интересен «галаншинский» стиль жизни.

Так почему же К.И. Галаншин назвал пермский период лучшими годами своей жизни? Попробуем в этом разобраться.

В Молотов (Пермь) Константин Галаншин, еще тогда неизвестный молодой специалист-энергетик, приехал в трудный военный 1942 год. За его плечами был Уральский политехнический институт и работа инженером службы релейной защиты и автоматики в системе Уралэнерго в Свердловске. В то время решением правительства Уральская энергетическая система была разделена на Молотовскую, Свердловскую и Челябинскую.

Летом 1942 года К.И. Галаншин был назначен заместителем начальника службы релейной защиты и автоматики Молотовэнерго, начальником в то время был Борис

Николаевич Потехин, до этого работавший заместителем начальника релейной службы Уралэнерго.

Галаншин и Потехин по прибытии в Молотов сначала жили в гостинице «Центральная», а когда приехали семьи, их поселили в маленьком щитовом домике без каких-либо удобств. Зимой стены домика промерзали так, что толщина льда в комнате достигала пяти-шести сантиметров.

Молотов в 1940-е годы был еще глубоко провинциальным городом. С того времени, когда Пермь была центром Пермской губернии, мало что изменилось, кроме названия. Но имя председателя Совнаркома СССР не прибавило

привилегий или инвестиций в развитие областного центра.

Галаншины увидели улицы с грунтовыми дорогами и деревянными тротуарами, деревянные, нередко обветшавшие дома. Санитарное состояние городских улиц было плачевным, и только суровость уральской зимы спасала от эпи-

смерть. Ангелина плакала и говорила, что если бы не дочь — она бы жить не стала.

Но надо было жить, работать и устраиваться на новом месте. Константин Галаншин все годы войны провел в командировках, обеспечивая надежность работы электростанций и электросетей Молотовской области. Общение с женой и дочерью было сведено до минимума.

Ангелина работала начальником цеха регенерации электрических ламп, организованном на заводе «Урал». В стране был дефицит этих ламп, поэтому повсюду собирали перегоревшие электрические лампочки и привозили в этот цех, где им давали вторую жизнь. Ангелине пришлось освоить вакуумную технику, наладить старинное оборудование, которое то и дело выходило из строя. Работы было много, и Ангелина тоже мало бывала дома.

Маленькая Инна, постоянно голодная, сидела одна в ледяной комнате, так как выйти на улицу было просто не в чем. Позднее у девочки обнаружили туберкулез, и, чтобы спасти ребенка, Ангелина решила стать донором и подкормить ее: в донорском пайке были какао и масло. Но при рентгеновском исследовании у самой Ангелины обнаружили каверну в легких. Это была катастрофа. Выручили друзья, которые, узнав о проблемах семьи Галаншиных, подняли все силы на спасение мамы и дочки.

Кизеловская ГРЭС.
Митинг в честь 25-летия станции.
1949 год. Фото из
фондов ПермГАНИ

демических вспышек. Город был переполнен эвакуированными. За время войны городское население увеличилось вдвое. На территории города были размещены 27 эвакуированных предприятий, Ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова, военные заведения, госпитали.

Галаншины приехали в Молотов, пережив свою первую потерю. В Свердловске из-за отсутствия лекарств умер их маленький сын. Родители тяжело перенесли эту

смерть. Ангелина плакала и говорила, что если бы не дочь — она бы жить не стала.

Но надо было жить, работать и устраиваться на новом месте. Константин Галаншин все годы войны провел в командировках, обеспечивая надежность работы электростанций и электросетей Молотовской области. Общение с женой и дочерью было сведено до минимума.

Ангелина работала начальником цеха регенерации электрических ламп, организованном на заводе «Урал». В стране был дефицит этих ламп, поэтому повсюду собирали перегоревшие электрические лампочки и привозили в этот цех, где им давали вторую жизнь. Ангелине пришлось освоить вакуумную технику, наладить старинное оборудование, которое то и дело выходило из строя. Работы было много, и Ангелина тоже мало бывала дома.

Маленькая Инна, постоянно голодная, сидела одна в ледяной комнате, так как выйти на улицу было просто не в чем. Позднее у девочки обнаружили туберкулез, и, чтобы спасти ребенка, Ангелина решила стать донором и подкормить ее: в донорском пайке были какао и масло. Но при рентгеновском исследовании у самой Ангелины обнаружили каверну в легких. Это была катастрофа. Выручили друзья, которые, узнав о проблемах семьи Галаншиных, подняли все силы на спасение мамы и дочки.

«Наша жизнь в Молотове не скажу, что была полна лишений — это было бы, наверно, слишком сильно, — так жило подавляющее большинство людей в тылу, но крайне не обустроена и голодна», — напишет Константин Иванович в воспоминаниях.

За годы войны Константин Галаншин потерял мать, бабушку, всех своих дядьев и теток. Известия о их смерти приходили через несколько месяцев, и он не смог никого из них проводить в последний путь.

9 мая 1945 года Галаншины проснулись в 4 часа утра, когда радио передало сообщение о капитуляции Германии и конце войны. Был теплый и солнечный день. Большинство предприятий не работали, народ гулял. Константин Иванович в ночь на 10 мая дежурил в управлении Молотовэнерго и отметил, что электрическая нагрузка в системе снизилась как никогда. За всю ночь не было ни одного звонка, все праздновали Победу.

Первый мирный отпуск в августе 1945 года Галаншины провели всей семьей вместе в поселке Зюкайка Верещагинского района, где Молотовэнерго имел свой совхоз «Уралец». Там же был пионерский лагерь, в котором отдыхала дочка. Впоследствии Инна Константиновна вспоминала редкие моменты жизни, проведенные вместе с родителями, как искры счастья. Такой счастливой искоркой был этот отпуск в Зюкайке: «великолепная погода, дивная чистая речка, малина, которую собирали прямо в рот, высоченная трава, папина печурка, которую он сделал для мамы, мое плавание на папиной спине и главное — счастливые и влюбленные друг в друга папа и мама». В январе 1946 года Константин и Ангелина Галаншины были награждены медалями «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В 1947 году Константина Ивановича назначают директором Кизеловской ГРЭС в городе Губаха. Эта станция была построена первой по плану ГОЭЛРО и пущена в эксплуатацию в 1924 году. К.И. Галаншин приехал на станцию в октябре и сразу попал в сложную ситуацию, связанную с резким похолоданием и плохой подготовкой к зиме. В результате оказалась размороженной система центрального отопления в поселке ГРЭС: «...начало моей хозяйственной деятельности было тяжелым, и я обрел довольно твердую почву под ногами далеко не сразу», вспоминал Галаншин. В этой сложнейшей обстановке проявились воля и твердый характер Константина Ивановича. Молодой директор проводит капитальный ремонт всего оборудования станции, расчистку завалов на территории, поднимает вопросы жилищного строительства, привлекая к решению этих задач местную партийную организацию. Секретарем парторганизации был Сергей

Константинович Парыгин, интеллигентный, образованный, замечательный человек. Семьи Галаншиных и Парыгиных, подружившись в Губахе, до конца жизни сохранили дружеские отношения.

Экология города Губахи была тяжелой. Остряки, вспоминает Галаншин, называли Губаху «Губихой» и для этого были основания: производственные выбросы газа, пара и сажи до последней степени загрязняли воздух. Ангелина заболела бронхиальной астмой. Впоследствии в своих воспоминаниях Константин Иванович напишет: «Считаю, что мой основной личный вклад в губахинские дела за короткий срок пребывания на посту директора Кизеловской ГРЭС, прежде всего, состоит в том, что именно в то время коллектив электростанции приступил к практической реализации решения о переносе Нижней Губахи из зоны санитарной вредности и строительстве Новой Губахи на левом берегу реки Косыва за Крестовой горой». В 1949 году коллектив Кизеловской ГРЭС отметил 25-летие станции. У К.И. Галаншина на память об этом сохранился юбилейный блокнот, который изготовили специально к этому празднику. Большую группу работников станции, в том числе и Константина Ивановича, Министерство электростанций наградило знаком «Отличник социалистического соревнования министерства».

Г.Н. Зильберман, бывший коллега Галаншина по работе в управлении Молотовэнерго, в бытность Константина Ивановича директором станции работал начальником технического отдела и заместителем главного инженера Молотовэнерго. Он часто бывал на Кизеловской ГРЭС и имел возможность видеть, что с приходом Галаншина многое здесь стало меняться к лучшему. Директор имел большой авторитет у коллектива станции: «Он всегда был очень щепетилен в вопросах честности. Никогда никакого повода не давал обвинить себя в недобросовестности, неаккуратности. Тогда все жили трудно, многого не хватало, некоторые поддавались соблазнам. Но у него это полностью исключалось в силу

его воспитания, в силу его внутренних качеств. Поэтому к нему относились с большим уважением. Его авторитет был высоким не только в коллективе станции, но во всей системе его хорошо знали».

Аппарат управления Молотовэнерго. К. И. Галаншин во втором ряду пятый слева. 1947 год. Фото из фондов ПермГАНИ

его воспитания, в силу его внутренних качеств. Поэтому к нему относились с большим уважением. Его авторитет был высоким не только в коллективе станции, но во всей системе его хорошо знали».

В феврале 1948 года в Губахе у Галаншиных родилась вторая дочь, Ирина. Забот в семье прибавилось.

В начале 1950 года Константина Ивановича назначили директором более крупной Березниковской ТЭЦ №4, но в этой должности он проработал менее года. Его избрали в состав пленума и членом бюро Березниковского горкома партии. В июне 1950 года на пленуме Березников-

ского горкома Константина Ивановича избрали первым секретарем горкома КПСС. С этого момента начинается его партийная карьера.

Партийный актив города и хозяйственные руководители приняли его хорошо. Со всеми у него сложились добрые деловые отношения «без фамильярности, но и без излишней формальности».

В этот период шло строительство 1-го калийного и расширение азотно-тукового комбинатов, сооружение ново-содового и реконструкция старого содового заводов. Город был большой стройкой. В начале 1950-х развернулось со-

Аппарат Березниковского горкома ВКП(б). Во втором ряду пятый слева К.И. Галаншин. Фото из фондов ПермГАНИ

оружение Камской ГЭС. Водохранилище, создаваемое плотиной, захватывало большие территории, на которых располагались крупные рабочие поселки. Большинство жителей имели свои добротные дома, приусадебные участки. Работа по переносу жилья из зоны затопления и созданию восточнее города новых поселков оказалась чрезвычайно трудоемкой.

В Березниках у Галаншина произошел первый сбой со здоровьем, последствия которого отразились на всей последующей жизни. На городской партийной конференции 2 июня 1951 года после отчета перед делегатами Константин Иванович почувствовал себя плохо. Среди делегатов присутствовал главный хирург городской больницы Александр Павлович Носков. С его помощью Галаншина госпитализировали. Диагноз — прободение язвы желудка. Потребовалась срочная операция, которая длилась более четырех часов.

Выздоровление шло медленно и непредсказуемо. Ангелина не отходила от постели мужа. Инна Константиновна вспоминает, что, когда мама в первый раз пришла домой из больницы, она «с изумлением увидела в дивных волосах мамы широкую седую прядь». Ангелина, увидев своих девочек, которые были в полном порядке, и дом прибран, поняла, какой самостоятельной стала старшая.

Жизнь входила в свою колею. Константин Иванович поправился, но долгие годы Ангелина Александровна продолжала следить за его питанием и здоровьем. Она была для него добрым ангелом-хранителем всю жизнь, незаметно неся свою службу около мужа. И именно эта поддержка сделала его дом крепостью, где все было подчинено работе.

В 1952 году К.И. Галаншин был делегатом XIX съезда ВКП(б)¹, в работе которого последний раз принимал участие И.В. Сталин. Первые впечатления всегда самые яркие и запоминающиеся. Такими они были и у Константина Ивановича, впервые попавшего на такой солидный форум. Съезд проходил в Большом Кремлевском двор-

це. Галаншин вспоминал: «Тогда свободного доступа туда не было, делегаты съезда шли на заседания по территории Кремля мимо сплошной шпалеры солдат. Кремль и особенно Большой Кремлевский дворец произвели на меня неизгладимое впечатление. Особенно понравился своим великолепием Георгиевский зал, Грановитая палата, Золотые сени, Владимирский зал. Посмотрели мы все, что было можно, включая Оружейную палату и царские теремные покои. Позднее в Кремле я побывал везде многократно, но уже такого впечатления, как первый раз, не было».

Галаншин работал много и с увлечением, «вошел во вкус» партийной деятельности. Хорошо прошел его отчет о работе на бюро обкома партии, рассмотрение вопросов о ходе строительства магниевого и калийного комбинатов, о воспитании коммунистов на партийных поручениях в парторганизации азотно-тукового завода.

В Березниках тогда сложился крепкий тандем двух руководителей Галаншин — Мейтарджев, который дал хороший импульс развитию города. Шаварш Григорьевич Мейтарджев работал в Березниках председателем горисполкома. Вместе с ним Галаншину удалось добиться решения Совета Министров СССР о городской теплофикации: «Березники, вероятно, были одним из первых крупных городов в стране, который тогда перешел на централизованное теплоснабжение от ТЭЦ №2, что позволило очистить атмосферу над городом и закрыть многие мелкие котельные установки. Это была большая стройка, помню, что на магистральный водопровод было выделено 5 тыс. тонн стальных труб». Впоследствии Галаншин и Мейтарджев стали друзьями. Константин Иванович умел дружить. Как отмечает в своих воспоминаниях Инна Константиновна, среди его друзей не было «нужных людей» и, подружившись однажды, он оставался другом человека на всю жизнь. Он интересовался переменами в жизни своих друзей, постоянно обменивался новостями. Многие из них ушли из жизни раньше Кон-

стантина Ивановича, и каждую потерю он искренне переживал. Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 года и изменения в высшем руководстве страны не отразились на судьбе Галаншина, хотя, безусловно, не оставили его равнодушным. «Во время похорон Сталина, — вспоминал Константин Иванович, — тысячи березниковцев стихийно собрались на центральной площади города и слушали по радио траурный митинг в Москве. Позднее стало известно, что прощание со Сталиным в Москве обошлось без жертв, так как, видимо, не ожидали такого наплыва людей».

К.И. Галаншин с дочерью Ириной. Город Березники, август 1950 года. Фото из фондов ПермГАНИ

стантина Ивановича, и каждую потерю он искренне переживал.

Смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 года и изменения в высшем руководстве страны не отразились на судьбе Галаншина, хотя, безусловно, не оставили его равнодушным. «Во время похорон Сталина, — вспоминал Константин Иванович, — тысячи березниковцев стихийно собрались на центральной площади города и слушали по радио траурный митинг в Москве. Позднее стало известно, что прощание со Сталиным в Москве обошлось без жертв, так как, видимо, не ожидали такого наплыва людей».

Березники для Галаншина стали стартовой площадкой, с которой пошло его продвижение на большую партийную работу. В ноябре 1953 года пленум Пермского обкома партии избрал К.И. Галаншина секретарем обкома КПСС.

Семья Галаншиных снова в сборах. Снова переезд. Ангелина Александровна, пожалуй, первый раз за всю их кочевую жизнь порадовалась новому назначению

Митинг, посвященный закладке первого кубометра бетона в сооружение Воткинской ГЭС, выступает секретарь обкома партии К.И. Галаншин. Фото из фондов ПермГАНИ

мужа. Впереди Молотов. Можно встретиться с друзьями, побродить по знакомым улицам и главное — это театр. Галаншины были заядлыми театралами: «Мы знали всех артистов, ходили «на них», ждали их, любили их». Это была их общая страсть. Константин Иванович особенно любил оперные постановки. Впоследствии руководством театра оперы и балета ему был вручен бессрочный пропуск на право входа в здание театра. Два места — № 7 и 8 в первом ряду всегда ждали своих благодарных зрителей. Он любил приходить в театр с женой, иногда бывал с дочерью. Но чаще просто

приходил после рабочего дня, порой в середине спектакля, и с упоением слушал знакомую музыку.

Период вступления К.И. Галаншина на новую должность совпал с проверкой работы обкома партии бригадой ЦК КПСС, и аппарат обкома был занят подготовкой материалов к отчетному докладу первого секретаря Ф.М. Прасса в ЦК. Весь состав обкома партии был приглашен 4 января 1954 года на заседание секретариата ЦК КПСС на Старую площадь. Здесь состоялась первая, но не последняя встреча Константина Ивановича с Н.С. Хрущевым, которого на сентябрьском

пленуме в 1953 году избрали секретарем ЦК КПСС. По результатам проверки Ф.М. Прасса освободили от занимаемой должности. На пленуме Молотовского обкома КПСС 15 января 1954 года на пост первого секретаря обкома партии был избран Александр Иванович Струев. В обкоме быстро оценили ум, трудолюбие и энергию нового секретаря. Под его руководством Галаншин работал более четырех лет: «Мы с А.И. не только успешно трудились вместе, хорошо понимая друг друга, но и с удовольствием вместе проводили свободное время. А.И. в любой компании всегда находился в центре внимания. Его шутки и прибаутки были остры и злободневны». Однажды, когда Галаншин был в гостях у Струева, тот показал Константину Ивановичу старую деревянную шкатулку, на крышке которой было вырезано: «Завет сыну от отца. А.И. Струеву. Не верь ни в какое счастье, все в самом себе, и горе может послужить в пользу человеку, если он хорошенько поразмыслит. Счастье выдумано умным человеком для утешения глупцов. Люби правду и книги, презирай зло. Этим достигнешь совершенства. г. Вятка, февраль 25, 1917 г.».

Секретарь обкома партии К.И. Галаншин отвечал за работу промышленности, транспорта, связи и строительства. Он много ездил по городам и районам области, знакомился с предприятиями и стройками. Завершение строительства Камской ГЭС стало его главной заботой. Начальником строительства был Иван Иванович Наймушин, впоследствии ставший известной фигурой в стране, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Константин Иванович вспоминает, что это была интересная и во многих отношениях по тем временам уникальная стройка: «Ее уникальность заключалась в том, что гидрозел не имеет здания машинного зала. 24 агрегата установлены непосредственно в теле плотины под водосливом и поэтому ГЭС называется водосливной. Общая мощность ее 500 тыс. кВт.... Особенно интересен и необычен шлюз. Он расположен на левом берегу Камы, состо-

ит из двух ниток по шесть камер в каждой. Стены шлюза выполнены из стального шпунта. Наполнение камер водой производится с помощью клинкетов, то есть затворов в самих воротах шлюзовых камер. Эти ворота не створчатые, а откатные, а самое главное заключается в том, что проводка плотов с древесины через шлюз производится не судами, а электровозами. Это сделано для того, чтобы полностью использовать акваторию камер шлюза. Управление шлюзом автоматизировано и производится из центральной башни. В 1984 году я проплыл практически через все шлюзы на Волге, Дону, на каналах, но таких шлюзов, как на Камском гидроузле, не видел нигде».

За строительство Камской ГЭС были награждены правительственными наградами 644 человека, Константин Иванович получил свой первый орден Трудового Красного Знамени.

Следующим детищем Галаншина стала Воткинская ГЭС, на строительстве которой он был многократно. В 1955 году при первом посещении строительной площадки на ней стояли только столбики, фиксирующие створ будущей плотины. Строительство шло быстрыми темпами. Активно применялись новые строительные материалы и технологии. В декабре 1961 года, практически через четыре года после укладки первого бетона, два агрегата Воткинской ГЭС начали выработку электроэнергии. В конце 1963 года начал действовать последний по счету десятый агрегат. Мощность Воткинской ГЭС составила 1 млн. кВт, вдвое больше, чем Камской ГЭС.

В связи с переездом в Молотов жизнь семьи Галаншиных значительно улучшилась. Инна окончила школу и поступила учиться в Ленинградский политехнический институт им М.И. Калинина. В 1954 году Константин Иванович вместе с женой и Ириной после отдыха в Гаграх заезжали к ней в Ленинград. Это было первое посещение Ленинграда, которое произвело большое впечатление на всю семью. Впоследствии, вспоминает Инна Константиновна, отец навещал ее

довольно часто, и каждый его приезд становился праздником. Константин Иванович любил общаться со старшей дочерью, которая повторилась в его любимой профессии. Инна стала энергетиком. Кроме того, он в своем общении с ней привил ей любовь к искусству и особенно к поэзии. Надо сказать, что в семье Галаншиных было всегда трепетное отношение к творчеству Пушкина. «Евгения Онегина» отец с дочерью знали наизусть.

Константин Иванович вспоминает свое первое посещение обкомовской дачи весной 1954 года: «Дачи обкома партии и облисполкома находились в Верхнее-Муллинском районе, недалеко от города, на взгорье у речки Мулянки, на опушке хвойного леса. Место это было очень живописным, пока километрах в трех от него не начал работать нефтеперерабатывающий завод, после чего картина, конечно, изменилась: испортился воздух, загрязнили нефтью чудесную речку Мулянку. Тем не менее, на этих дачах мы прожили пятнадцать летних сезонов, до середины 1968 года, и я вспоминаю о них с хорошим чувством, хотя дачи и были примитивны, без водопровода и канализации. Здесь в свободное время, обычно поздно вечером, мы с Ангелиной часто гуляли по лесу, а по выходным дням играли с товарищами в волейбол, пинг-понг, бадминтон».

К. И. Галаншин и Б.В. Коноплев, 1960-е годы

Запоминающимися для Константина Ивановича стали первые зарубежные поездки. В 1956 году он провел отпуск на чехословацком курорте в Карловых-Варах. В 1957 году вместе с женой съездили в отпуск в Албанию по приглашению Албанской партии труда, а в 1958 году по поручению ЦК КПСС посетил Всемирную выставку в Брюсселе. Очень интересной была поездка по приглашению

Ангелина Александровна и Константин Иванович Галаншины. Фото из фондов ПермГАНИ

Космонавты после приземления на пермской земле. Слева направо П.И. Беляев, К.И. Галаншин, А.А. Леонов. Март 1965 года. Фото из фондов ПермГАНИ

Секретарь ЦК КПСС Д.Ф. Устинов прикрепляет орден Ленина к знамени Пермской области на торжественном заседании 26 мая 1967 года. Фото из фондов ПермГАНИ

ЦК компартии Франции и газеты «Юманите»...

В политической жизни главным событием 1950-х стал XX съезд партии. Галаншин к тому времени был уже вторым секретарем обкома КПСС и на очередной партийной конференции был избран делегатом съезда. Съезд проходил в Большом Кремлевском дворце. Отчетный доклад Н.С. Хрущева длился более шести часов. Но самым главным, конечно, стал доклад «О культуре личности и его последствиях», сделанный Хрущевым на закрытом заседании 25 февраля 1956 года. Высоко было напряжение в зале. Константин Иванович вспоминает, что во время доклада стояла абсолютная тишина: *«Аудитория совершенно не была готова к такому докладу и оказалась практически в состоянии шока. Аплодисменты раздались только после какой-то паузы»*. Потрясение было таким, что не хотелось разговаривать, как обычно, что-то обсуждать. Галаншин жил в «Гранд-отеле» вместе с Б.В. Коноплевым, который тогда работал первым секретарем Молотовского горкома партии. Оба были подавлены всем услышанным.

По возвращении последовала серия выступлений на партийных собраниях предприятий и учреждений. Было множество вопросов. Накал страстей был высоким. Доклад Хрущева тогда привел в возбужденное состояние не только население

нашей страны, но и зарубежье. До сих пор он остается ключевым событием середины прошлого века.

Интересен такой факт. В 2006 году исполнилось 50 лет этому событию. Один из Санкт-Петербургских телеканалов делал фильм о XX съезде партии. К тому времени одним из немногих живых свидетелей и участников происходящего в феврале 1956 года был Константин Иванович. Его пригласили в Кремль для съемок. Он дал согласие. Галаншину в то время было уже 94 года. Вместе с дочерью Галаншин прошел по Красной площади до Спасских ворот и затем до Кремлевского дворца. Во дворце он прошел по коридорам и залам дворца. Был поражен богатством и величием убранства, сказав, что тогда, в 1956 году, здесь было много скромнее. Он вспоминал и рассказывал о днях, проведенных на съезде. При этом Константин Иванович не производил впечатление глубокого старца, рассказывающего небылицы. Это был снова государственный деятель, собранный, подтянутый. Он очень четко и конкретно отвечал на вопросы журналиста, и даже вопросы с подтекстом не вывели его из этого состояния.

В 1960 году на областной партийной конференции К.И. Галаншина избрали первым секретарем Пермского обкома КПСС. Увеличился груз ответственности. Экономика, торговля, бытовое обслужи-

вание, сельское хозяйство — все требовало внимания, и в любом вопросе последнее слово за ним. Много приходилось выступать на собраниях, совещаниях, встречах. Каждый выход на аудиторию требовал тщательной подготовки. Безусловно, аппарат готовил информационный материал к докладам, но дословно редактировал каждое свое выступление Константин Иванович сам. К.И. Галаншин требовал от сотрудников аппарата четкого составления документов. Был недоволен, когда в тексте было много ненужных лишних слов. Заседания бюро и секретариата обкома, где обсуждались самые важные текущие вопросы, готовились тщательно. К.И. Галаншин был строг, но внимателен, похвалок не давал, но и в помощи никогда не отказывал. Он умел признавать свои ошибки, мог принять возражения и пересмотреть ранее принятое решение. Его коллеги называли это «галаншинским» стилем работы.

В эти годы у него было несколько особенно ответственных выступле-

Аппарат Пермского обкома КПСС. Фотография на память. К. И. Галаншин в первом ряду пятый слева. Июль 1968 года. Фото из фондов ПермГАНИ

ний. Одно из них состоялось 21 июня 1960 года на объединенной сессии Уральского филиала Академии наук СССР (УФАН) и Пермского совнархоза по изучению производительных сил области. Он выступил с основным докладом «Перспективы развития народного хозяйства Пермской области в свете решений XXI съезда КПСС». Сессия проводилась в Перми в театре оперы и балета.

В марте 1963 года К.И. Галаншин выступил на Бюро ЦК КПСС по вопросу о развитии целлюлозно-бумажной промышленности Пермского края. В этом же году на Пленуме ЦК КПСС Константин Иванович выступил в прениях по докладу Н.С. Хрущева «Ускоренное развитие химической промышленности — важнейшее условие подъема сельскохозяйственного производства и роста благосостояния народа».

В декабре 1965 года Галаншин на седьмой сессии Верховного Совета впервые выступил на заседании Совета Союза с речью, в

которой доложил об итогах выполнения областью семилетнего плана². В апреле 1966 года на XXIII съезде КПСС Константин Иванович в выступлении в прениях по отчетному докладу ЦК рассказал о положительном опыте по переводу рабочих и служащих предприятий Прикамья на пятидневную рабочую неделю³.

Константин Иванович не был чинущей, он обладал прекрасным чувством юмора и мог нестандартную ситуацию превратить в шутку. Г.В. Лаптев, который в бытность Галаншина работал инструктором обкома партии, впоследствии секретарем обкома КПСС, вспоминал о своем первом дежурстве в приемной. Ему очень захотелось посмотреть кабинет первого секретаря. Дело было в выходной день. Хозяина кабинета не было, и Григорий Васильевич решил полюбопытствовать. Зашел, осмотрелся, подошел к рабочему столу, сел в кресло первого секретаря. В этот момент открывается дверь, и входит Константин Иванович.

К.И. Галаншин, 1968 год

Можно понять состояние молодого инструктора, который не знал, что делать. Галаншин спрашивает: «Ну как? Понравилось? Но здесь еще и работат надо». Так, с шуткой, без последствий завершилась экскурсия дежурного.

Галаншин обладал феноменальной памятью. Он до конца своих дней помнил многочисленные объекты и предприятия, их основные проблемы, всех директоров и главных инженеров, массу событий, фактов и их точные даты. А также имена и фамилии многих людей, с которыми ему приходилось работать. Он знал дни рождения всех, с кем переписывался и общался, и каждый раз в начале года составлял список людей для поздравлений с днем рождения и общегосударственными праздниками. Список этот был невероятно длинным.

Будучи очень немолодым, он любил, вспоминают домашние, «поиграть» в вопросоманию, задавая своим внукам вопросы: «Что означает дефиниция? А имманентный? А фурия? Одиозный? Когда де Голль ушел с поста президента Франции и почему? За сколько лет из Байкала вытечет вся вода, если перекрыть приток в озеро, при известном начальном объеме накопленной воды и заданной скорости течения Ангары?». Вопросы были самыми неожиданными и порой вводили в ступор внуков, обучающихся в столичных вузах. Но дед,

развивая этим самым у них память и мышление, не останавливался в своих «играх». И только однажды он получил отпор от своего правнука: «Знаешь, дед, давай меняться: сегодня вопросы будешь задавать не ты — нам, а мы — тебе. Я — первый», и стал спрашивать, что такое файл, сайт, байт и т.д. Пришлось в тот вечер деду признать свое поражение.

Константин Иванович очень много читал. В его домашней библиотеке в Москве было более десяти тысяч книг. Эту библиотеку он собирал всю свою жизнь. Интересно то, что каждую из приобретенных книг он прочитывал и не по одному разу. Ангелина Александровна сетовала, собираясь в очередной переезд, что ничего, кроме книг, Галаншин не нажил.

1950-е и 1960-е годы обозначились в жизни К.И. Галаншина как самые яркие и насыщенные событиями. Была среди них и космическая страничка. В марте 1965 года Константин Иванович принял на себя руководство по спасению космонавтов П.И. Беляева и А.А. Леонова, которые приземлились на территории Пермской области. Розыск космонавтов в зимней тайге и их дальнейшее перемещение на Байконур остались в памяти у всех участников происходящего. В 1966 году на XXIII съезде КПСС Галаншин познакомился с Юрием Алексеевичем Гагариным, первым космонавтом планеты. На память об этом у него сохранился небольшой фотоальбом с портретами космонавтов и дарственной надписью Ю.А. Гагарина.

Как и любой руководитель, К.И. Галаншин не был застрахован от ошибок и неудач. С горечью он вспоминал об аварии на крупнейшей в Кизеловском бассейне шахте им. В.И. Ленина в 1955 году, последствием которой стала гибель 43 человек. Катастрофу на заключительном этапе строительства Воткинской ГЭС в апреле 1963 года Галаншин пережил тоже очень тяжело.

Галаншин в гостях у пермяков. Слева направо С.И. Каширин, Ю.В. Петров, К.И. Галаншин, Б.В. Коноплев, Г.В. Лаптев. 2000 год. Фото из фондов ПермГАНИ

В 1960-е годы Пермская область по объему промышленного производства вышла в первую десятку областей, краев и автономных республик РСФСР. За период семилетки (1958–1965) в области было построено и введено в эксплуатацию 28 промышленных предприятий. Получила мощное развитие целлюлозно-бумажная промышленность. К 1963 году Пермская область производила 60% типографской и 20% газетной бумаги, вырабатываемой в стране. Небывальными до этого темпами развернулось жилищное строительство. Сегодня можно иронизировать по поводу «хрущевок», но те, кто из барачных переезжал в благоустроенное жилье, были по-настоящему счастливы. И таких счастливых семей в то время было более 200 тысяч.

Строительство дорог, газификация области, появление новых высших учебных заведений, школ, больниц, благоустройство областного центра. Сложно перечислить все успехи области, достигнутые в 1960-е годы в небольшой статье. Апофеозом этого успеха стало награждение области орденом Ленина. Указ Президиума Верховного Совета СССР датирован

28 января 1967 года. Константин Иванович в пермский период своей жизни был дважды награжден орденом Ленина.

3 июля 1968 года Константин Иванович получил новое назначение — Указом Президиума Верховного Совета СССР он был назначен министром целлюлозно-бумажной промышленности СССР.

Покинув Пермь, К.И. Галаншин никогда не расставался с Пермским краем. До последних дней жизни шла активная переписка и телефонные переговоры с пермскими друзьями и коллегами. Его интересовало все, что происходит в Прикамье, ведь здесь прошли лучшие его годы. Здесь, на пермской земле, он состоялся как руководитель государственного масштаба.

К.И. Галаншин человек харизматичный. Природа наделила его острым аналитическим умом, высоким интеллектом. Не обидела его и внешними данными. Природные данные, помноженные на жажду знаний, начитанность, позитивный настрой и создали гармоничного человека. В этом и заключается «галаншинский» стиль жизни.

Татьяна ДЕМИДЕНКО, ГКБУ «ПермГАНИ»

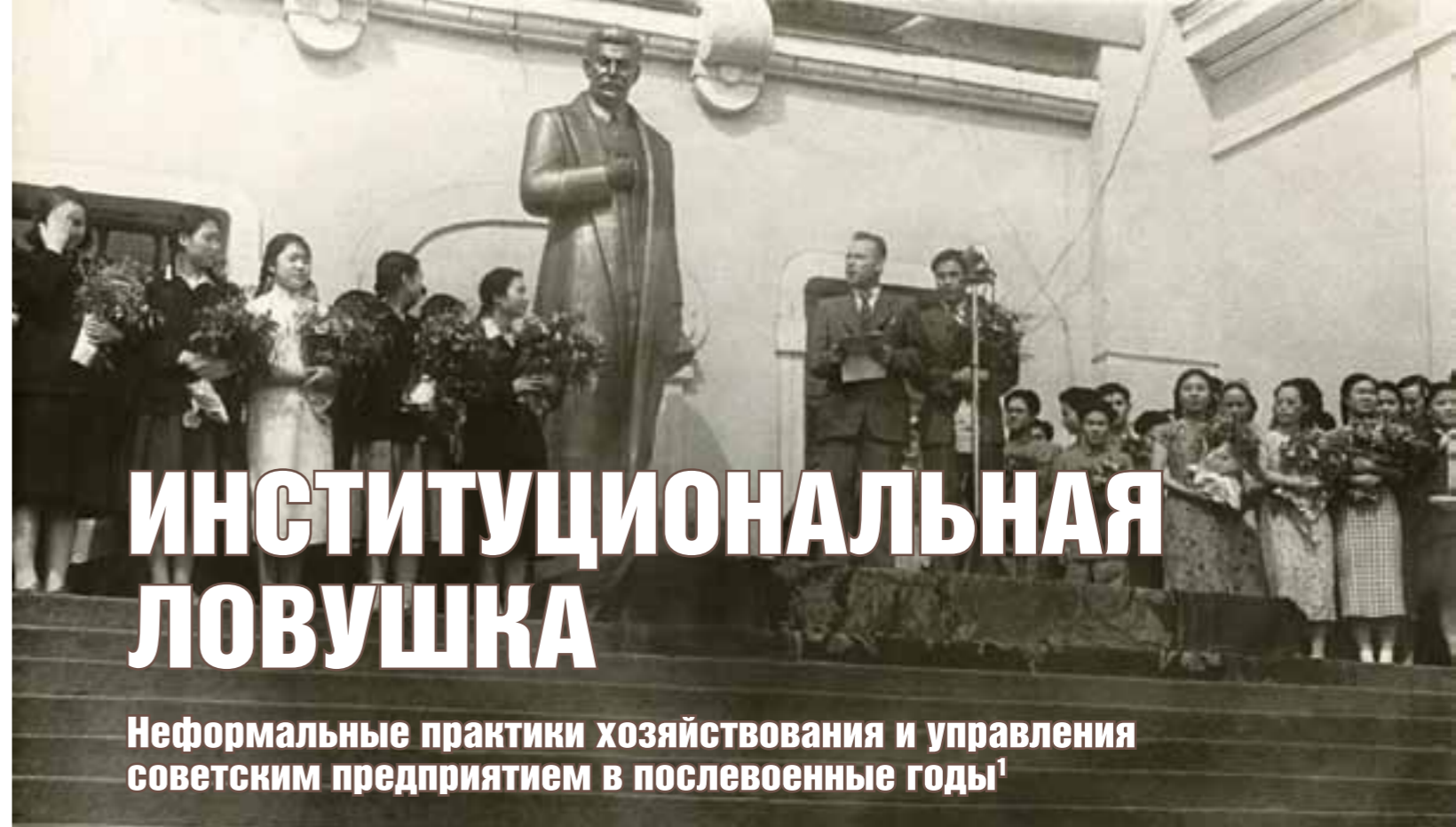
ного Совета СССР с шестого по десятый созыв включительно.

³ На XXIII съезде КПСС К.И. Галаншин был избран в состав Президиума съез-

да и членом ЦК КПСС. Членом ЦК КПСС Галаншин избирался с 1961 по 1981 гг.

¹ К.И. Галаншин был делегатом семи съездов партии, начиная с XIX в 1952 г. и кончая XXV в 1976 г.

² К.И. Галаншин был депутатом Верхов-

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

Неформальные практики хозяйствования и управления советским предприятием в послевоенные годы¹

Неформальные практики, применяемые руководителями различного уровня, были повсеместным явлением в советской экономической системе. Лишь некоторые из них позволяли обогатиться им лично, другие чаще обеспечивали более-менее эффективное функционирование предприятия. Плановая экономика позволяла мобилизовать огромные ресурсы, но она порождала проблему неэффективности. Любой управленец оказывался зажатым между имеющимися правилами и качественной результативностью. Чтобы быть эффективным, он вынужден был эти правила нарушать. Дуглас Норт называл такую ситуацию институциональной ловушкой. Институты задают правила игры, позволяющие избежать издержек, но в то же время они снижают возможность новаций и маневра.

В СССР на бытовом уровне проблема преодоления институциональных ляпов часто решалась через систему блата. Организации тоже брали эту систему на вооружение. Однако неформальные практики и отношения приводили к риску быть схваченными за руку, ведь все это делалось с нарушением законов. В Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ) был обнаружен интересный документ — «Докладная

записка» прокурора Молотовской области Д. Куляпина на имя секретаря Молотовского обкома ВКП(б) К. Хмелевского от 15 марта 1949 года. Эта секретная записка содержала материалы по делу №46-83 о злоупотреблениях директора Молотовского Бактериологического института А.М. Глебовой и главного бухгалтера подсобного хозяйства, состоящего в ведении этого института, Н.С. Мишина. Содержание записки наглядно раскрывает способы функционирования неформальных хозяйственных практик, нарушающих закон.

Законодательство СССР было таково, что строгое следование его букве быстро сводило на нет многие начинания руководства. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.02.1941 «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» гласил:

«Интересы социалистического хозяйства требуют точного учета и планового перераспределения всего имеющегося на предприятиях «излишнего», неиспользуемого оборудования и материалов. Между тем на ряде предприятий промышленности и транспорта имеет место разбазаривание оборудования и материалов путем их продажи и обмена с другими предприятиями. В то вре-

мя как государство отпускает предприятиям для определенных целей оборудование и материалы, руководители предприятий самовольно и незаконно распоряжаются ими, продают, обменивают и отпускают на сторону. Учитывая, что продажа так называемого демонтируемого и излишнего оборудования, как показал опыт, является на деле ничем иным, как замаскированным расхищением социалистической собственности, Президиум Верховного Совета СССР указывает:

1. Запретить предприятиям продажу, обмен и отпуск на сторону оборудования, а также материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными.

2. Установить, что продажа, обмен, отпуск на сторону оборудования и материалов, оказавшихся излишними и неиспользованными, а также незаконное приобретение их являются преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности, ввиду чего лица, виновные в этих преступлениях, должны предаваться суду и по приговору суда подвергаться тюремному заключению сроком от 2 до 5 лет.

3. Установить, что все имеющиеся на предприятиях излишки оборудования, а также материалы, оказавшиеся излишними и неиспользованными, подлежат специ-

альному учету и перераспределению в порядке, определяемом Советом Народных Комиссаров СССР.

4. Поручить Прокурору СССР обеспечить неуклонное проведение в жизнь настоящего Указа.

5. Считать утратившими силу:

а) Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 декабря 1927 года «О порядке возмездной и безвозмездной передачи имущества государственных учреждений и предприятий другим государственным учреждениям и предприятиям» (СЗ СССР, 1928, №2, ст. 13; 1930, №48, ст. 500);

б) Постановление СНК СССР от 10 марта 1931 г. за №200 «О сдаче Реммаштресту демонтированного оборудования» (СЗ СССР, 1931, №26, ст. 208; 1933, №26, ст. 156);

в) Постановление СНК СССР от 15 ноября 1933 г. за №2482 «Об изменении порядка реализации оборудования и излишних неликвидных материалов» (СЗ СССР, 1933, №69, ст. 411);

г) Постановление СНК СССР от 7 января 1934 г. за №26 «Об изменении Постановления СНК Союза ССР от 15 ноября 1933 года «Об изменении порядка реализации оборудования и излишних неликвидных материалов» (СЗ СССР, 1934, №6, ст. 45)»².

Этот Указ отменял все предыдущие постановления, дающие некоторую свободу распоряжения имуществом предприятий, и вводил уголовное наказание за подобные «вольности». В то же время на некоторые необходимые приобретения для предприятия не предусматривалось ни средств, ни фондов. Формальным путем проблему решить было невозможно. Институциональная ловушка налицо.

Весной 1948 года Бактериологическому институту понадобился водонагревательный котел, но деньги на него в бюджете организации запланированы не были, и директор института Глебова поступила привычным неформальным образом — произвела обмен «ненужных» лошадей на «нужный» котел: «В апреле 1948 г. Молотовский паровозоремонтный завод продал институту котел паровозного типа серии Р №704, оценив его в 10 000 рублей. Институт отпустил паровозоремонтному заводу из числа им-

мунизационного фонда 6 лошадей стоимостью 10 000 рублей. Расчеты учинены помимо банка, путем обмена счетами на равные суммы: с тем, чтобы скрыть незаконную операцию с обменом котла и лошадей, начальник паровозоремонтного завода Исаев и зам. директора института Букринский, с ведома Глебовой, заключил 30 апреля 1948 г. договор на ремонт котла институту за 10 000 рублей, тогда как никакого котла завод не ремонтировал, а продал его институту»³. Налицо состав нарушения Указа от 10 февраля 1941 года. Однако поступить иначе Глебова вряд ли могла. Оставить предприятие без тепла было невозможно и даже преступно с ее стороны. И директор института имела основания не бояться правосудия, так как перед этим она долго выстраивала «правильные» отношения с партийными и правоохранительными органами.

Чтобы система хозяйства функционировала, а начальники оставались вне действия советских законов, руководители формировали сеть личных контактов, обслуживая вне планов и ордеров представителей исполнительной, правоохранительной и партийной власти. Вполне характерный пример имел место на швейной фабрике №1 Молотовского Горлагпрома: «как правило, без ордеров шли руководящему составу... в том числе зам. председателя Горисполкома по местной промышленности... 10 предметов на 3178 рублей,... председателю горисполкома... 5 предметов на 3178 руб...». Та же швейная фабрика помогла работникам горкома партии сохранить деньги во время денежной реформы 1947 года: «Узнав о проведении денежной реформы, они собрали по списку с 63 человек деньги в сумме 56 638 руб. 70 коп., и скупили на фабрике шерстяные ткани на пальто и костюмы, в количестве 85 отрезков, оформив их заказами на пошив...»⁴. Неудивительно, что первые сигналы о данных действиях во время реформы не повлекли за собой никаких последствий, ведь структура защищает сама себя: за директора швейной фабрики тогда заступался городской прокурор.

Город Молотов, 1950-е годы.
Фото из фондов ПКМ

Директор Бактериологического института Глебова тоже знала неформальные правила игры, к тому же в ее распоряжении находились самые ценные для того времени ресурсы — продукты питания в подсобном хозяйстве. За разного рода услуги она расплачивалась фондовыми продуктами, фуражом и материальными ценностями. Например, бартером было выделено: «Зюкайскому мехзаводу за эксплуатацию нефтяного двигателя в подсобном хозяйстве: соломы 1600 кг, ячменя 50 кг, овса 3614 кг, муки ржаной 13 кг, мяса 76 кг, масла и сала 29 кг»⁵. Продукты в послевоенные годы были своеобразной валютой, точнее, всеобщим эквивалентом. Карточная система была отменена, но это практически не повлияло на проблему дефицита. Тот, кто мог распоряжаться продуктами, имел неформальную власть.

А.М. Глебова в полной мере пользовалась продуктами ресурсами для блага предприятия. Надо было сделать ремонт — бартер помогал получить расходные материалы и оплатить работу ремонтной бригады.

«19.03.48 г. помимо бухгалтерского учета по указанию Глебовой, кладовщиком института Деруновым отпущено У.В.С.Р. №34 одна тонна овса, а взамен этого в июне 1948 г. получено институтом от У.В.С.Р. №34 три тонны алебастра, обменных счетов не оформлено, овес на сумму 2000 рублей в расход не списан и алебастр на сумму 390 руб. не оприходован...»

По трудовому соглашению с бригадиром Сидоренко от 25.06.48 г. за постройку зерносушилки отпущено с подсобного хозяйства за наличный расчет по госценам 1 тонна ржаной муки и 400 кг пшеничной муки. По трудовому соглашению от 21.05.48 г. бригаде плотников Малышева за постройку веранды с подсобного хозяйства продано по госценам с доставкой в город Верещагино 300 кг ржаной муки...

Сылвенскому стекловому заводу по распоряжению Глебовой за изготовление стекольных изделий вне плана отпущено в 1946 году 4 фондовых лошади, из коих 3 лошади по настоящее время находятся в экс-

плуатации у завода без оплаты... По соглашению с объединением «Молотовнефть» от 19.06.1948 г. за перевозку 500 кубометров круглого леса, директор подсобного хозяйства Дудин и гл. бухгалтер Мишин, с разрешения Глебовой, предоставили без оплаты 2 тонны овса, обеспечивали на все время перевозки леса горючим одну 3-тонную автомашину и обеспечивали бесплатно питанием шофера и грузчиков»⁶. Зачастую рабочим платили спиртом: «20 литров выдаю рабочим подсобного хозяйства, а по акту... списано на иммунизацию скота... 10 литров спирта... передала работнику... Тхиладзе, получила от последнего 6 тонн цемента без всяких документов»⁷.

Разумеется, допуская подобные нарушения в интересах предприятия, руководители не забывали и себя. Например: «с подсобного хозяйства... в течение 1947 г. неоднократно отвозилось в Молотов по 30–50 кг муки директору Глебовой и ее заместителю Букринскому, а также отвозилось масло, сливки в пределах 4–5 кг бесплатно»⁸. Водопровод в квартире и гараж во дворе Анна Глебова также построила за деньги института.

Неформальные хозяйственные процедуры помогали во многих делах. Как известно, места в московских гостиницах были далеко не всегда, тем более в военные и послевоенные годы. И Анна Глебова по-своему решила данную проблему: «на содержание в г. Москве представителя Шипициной за счет вакантной должности зав. медснабжением за период с 20.11.43 г. по ноябрь 1947 года выплачено 30 870 руб... фактически Шипициной деньги выплачивались за то, что она, проживая в Москве, имеет квартиру, которую предоставляла приезжающим в Москву работникам бакинститута»⁹. Вообще говоря, в решении неформальных вопросов руководителям часто приходилось быть изобретательными, придумывать собственные эффективные способы работы.

Очень важно в такой схеме обеспечить лояльность собственных сотрудников. Здесь есть варианты: брать на работу родственников и

друзей или одаривать «чужих» материально и формировать чувство корпоративной солидарности. Анна Глебова успешно использовала все варианты. Во-первых, в ее подчинении работали ее муж и сын. Во-вторых, она доплачивала за лояльность: «Работникам бухгалтерии института за составление годового отчета в 1947 году незаконно выплачено 3980 и за составление промфинплана в 1948 году — 3875 рублей. Работникам бухгалтерии за составление годового отчета в 1946 году с санкции Глебовой выплачено 2094 рубля... Всего произведено таких воспрещенных выплат за работы, входящие в круг обязанностей работников бухгалтерии, 10 801 руб. 64 коп.»¹⁰. Другие получали доплату продуктами. В-третьих, А. Глебова работала над корпоративной культурой сотрудников: «по случаю международного женского дня 8 марта 48 г. израсходовано 4915 руб., по случаю дня 1 мая 48 г. премировано служащими, выписанными со склада на отдел, как спецодежда, на сумму 2400 рублей, по случаю праздника Октябрьской Социалистической революции в 1947 г. израсходовано на премирование 6779 рублей... Летом 1947 г. Глебова, без разрешения Облздраотдела и Обкома Союза Медсантруда, при подсобном хозяйстве института организовала дом отдыха... в дом отдыха направлялись работники института и подсобного хозяйства, стоимость путевок Глебовой была установлена только лишь 30 рублей в месяц. Для питания отдыхающих в подсобном хозяйстве было забито 6 коров и 8 свиней, а также израсходовано большое количество молочных продуктов и масла... Спирт также выдавался работникам бакинститута от 200 до 500 грамм к праздникам»¹¹.

Применялся и традиционный способ задабривать ревизоров едой, выпивкой и подарками в дорогу: «В июне 1947 г. в подсобном хозяйстве института в течение двух недель проводилась ревизия ревизором Министерства здравоохранения РСФСР Песочинским Д.Д., последний по результатам ревизии акта не составил. При отъезде Песочинского в Москву... заготовили ему посылку, по утверждению лиц, изготовлявших ящик для посылки емкостью 30–35 кг, в который вложено было масло и сало»¹². Вписываться в коррупционную систему — также было необходимой неформальной нормой ведения хозяйства.

В числе нарушений Указа от 10 февраля 1941 года выделяется одно: «Из числа иммунизационного фонда с мая 1948 г. находится в эксплуатации одна лошадь в детдоме №11, без оплаты до настоящего времени»¹³. За лошадь бактериологический институт не получил ничего взамен. Судя по всему, это была безвозмездная помощь детям, но и она была произведена в неформальной, да еще и нарушающей закон форме¹⁴.

Советская хозяйственная система действовала весьма своеобразно. Она была полна приписками в официальных отчетах, результаты выполнения планов завышались, пропаганда и реальность сильно отличались друг от друга. Действовать только в рамках формальных процедур было невозможно. Более или менее эффективно функционировала эта система только при наличии неформальных способов ведения хозяйственной деятельности и высокой изобретательности руководителей. В то же время эти неформальные практики нарушали советские законы. Приходилось создавать систему «правильных» связей, вписываться в коррупционные схемы. Собственное обогащение и нормальная работа предприятия в условиях плановой экономики тесно переплетались и реализовывались различными неформальными способами.

Анна КИМЕРЛИНГ,
кандидат исторических наук,
зав. лабораторией изучения истории
советской повседневности НИУ ВШЭ

Город Молотов, начало 1950-х годов. Фото из фондов ПКМ

«В советских школах дети были как инкубаторы. У них все было одинаковое». Фразы, подобные этой, есть в «копилке» любого преподавателя. Время от времени они попадают в Интернет. Так, 14 июня этого года в журнале «Дилетант» были опубликованы записи одного из авторов «ЖЖ» о «ляпах», сделанных выпускниками школ на ЕГЭ по истории¹. Среди отобранных вполне интеллигентных комментариев к этой подборке кто-то обвинил во всем школу и единый госэкзамен, кто-то сетовал на Интернет, кому-то было просто весело и интересно. Между тем большинство не обратило внимания на одну из главных мыслей, которую пытались донести до читателя блоггер и цитирующий его журналист. За подобными ошибками легко можно обнаружить язык эпохи. Ведь школьники волей-неволей описывают прошлое посредством доступных и понятных им слов и выражений. Оговорки в этом смысле являются всегда историчными. Можно согласиться с авторами, что еще год назад сложно было представить фразу: «При Иване Грозном впервые на Руси начались митинги протеста». Советский же школьник, которого современные выпускники называют «инкубатором», вряд ли использовал бы в своих ответах следующие формулировки: «Иван Грозный убил многих влиятельных бизнесменов, мешавших ему управлять государством» или «В семнадцатом веке случился соляной бунт и медийный бунт во главе со Степаном Разиным»². И так, ошибки всегда историчны. В них мы видим, как получаемые школьные знания причудливо преломляются в жизненном мире ученика.

Несколько лет назад либеральная общественность подвергла острой критике один из учебников истории, в котором Сталин был назван «эффективным менеджером». Не отрицая справедливости этих возмущений, следует все же отметить, что в силу разных причин существует огромная дистанция между текстом параграфа и знаниями, осевшими в голове современного ученика. Впрочем, почему только современного? По-

КОГДА ВЫГНАЛИ БУРЖУЕВ И КТО ПРИДУМАЛ СТАЛИНСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ?

Исторические знания школьников послевоенной эпохи

Фото из фондов ПКМ

¹ Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.
² Указ президиума Верховного Совета СССР от 10.02.1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов, и об ответственности по суду за эти незаконные действия» //www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4305.htm
³ Докладная записка прокурора Молотовской области Куляпина от 15.03.1949//

ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 131. Л. 57.
⁴ В Молотовский обком от начальника управления милиции г. Молотова/ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 16. Д. 217. Л. 135–136.
⁵ Докладная записка прокурора Молотовской области Куляпина от 15.03.1949// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 15. Д. 131. Л. 57–58.
⁶ Там же. Л. 57.
⁷ Там же. Л. 61.
⁸ Там же. Л. 61.
⁹ Там же. Л. 59.

¹⁰ Там же. Л. 59–60.
¹¹ Там же. Л. 60–61.
¹² Там же. Л. 60.
¹³ Там же. Л. 57.
¹⁴ А.М. Глебова в результате этого следствия была снята с занимаемой должности, ее не смогли защитить тогда даже министерские заступники. Однако уголовного преследования все-таки не последовало, что свидетельствует о высокой эффективности ее социальных и хозяйственных неформальных практик.

смотрим на то, как школьники самой что ни на есть эпохи «эффективного менеджмента» усваивали основы сталинизма.

В 1949–1950 учебном году облоно по инициативе областного комитета партии затеяло проверку качества и состояния преподавания двух предметов, ответственных за идеологию: истории и Конституции СССР. По итогам этой проверки планировалось провести заседание бюро обкома. В школы области отправились проверяющие: инспекторы облоно, уполномоченные учителя школ города Молотова. Сидели на уроках, беседовали с учителями, задавали вопросы учащимся, проверяли оснащенность школ наглядными пособиями и укомплектованность местных библиотек учебной и художественной литературой. Составленные рукописные отчеты потом прилагались к материалам проверки. Их прочтение может удивить современного читателя, который ставит знак равенства между идеологией и представлениями поколения, выросшего в сталинскую эпоху.

«Елена Глинская была очень широкая и бояре ее боялись»³. Быть может, это наивно-отрицательное отношение к полноте сформировалось не без влияния визуальных образов, живших в советских кинофильмах и карикатурах? Ведь буржуй, помещик и поп неизменно с 1920-х годов наделялись излишним весом. Но это только догадки. Гораздо больше информации нам дают «ляпы», в которых можно обнаружить логику школьников сталинской эпохи. Так, оторопевший проверяющий, сидя на уроке по Конституции СССР, на вопрос о двух формах социалистической собственности услышал ответ следующего содержания: «В Советском Союзе имеется две формы собственности. Одна государственная, а другая колхозно-кооперативная. В государственной собственности избираются директора. Например: на фабриках, заводах, МТС. На фабриках работают рабочие, над ними распоряжаются директора... Затем крестьяне стали объединяться в колхозы. Эти крестьяне объединились в колхозы для того, чтобы

им было жить веселей»⁴. Можно предположить, что представитель облоно обращал внимание на наиболее «яркие» по своей неправильности или наивности ответы. Конечно, директора предприятий не «избирались» и не могли быть «в государственной собственности». В соответствии с правилами русского языка они не могли распоряжаться «над рабочими». Колхозы появились не из-за того, что крестьянам вдруг стало скучно и захотелось колхозного веселья. Между тем ответ в чем-то был правильным. В Советском Союзе действительно официально было две формы собственности. То, что в МТС и на заводах главные — директора, а в колхозах — председатели, об этом школьникам было известно. Веселых колхозников, которые с песней на устах наполняют закрома Родины, учащиеся видели на экранах кинопередвижек.

С этой точки зрения возмущительный ответ семиклассника Юсьвенской средней школы тоже имел свою логику. На вопрос: «Какие изменения произошли в жизни СССР с 1924 по 1936 год в области промышленности, сельского хозяйства и торговли?» он ответил следующее: «В 1924 году еще была эксплуатация человека человеком. Были еще спекулянты, кулаки, помещики и другие. Они эксплуатировали рабочих и крестьян. Фабрики и заводы были в руках капиталистов. А в 1936 году эти помещики, капиталисты и кулаки были уничтожены и выгнаны из Советского государства. Фабрики и заводы, воздушный и водный транспорт, банки — было отобрано у богатых... Рабочим стало жить лучше. Они сейчас работают 8 часовой работе. И крестьяне объединились в колхозы, чтобы жить хорошо и богато»⁵.

В 2003 году вышла в свет монография петербургского исследователя Евгения Балашова о системе образования 1920-х годов. Школьники эпохи НЭПа отвечали подобным же образом. Персонажи ушедшей эпохи для детей революции перестали быть актуальными. Четырнадцатилетние школьники в ходе обследования 1927 года сообщали, что «судебный пристав

— «человек, ведущий дознание», Государственная Дума — «съезд советов», черносотенец — «это — негр»⁶. Автор обоснованно указывает на причины этого явления. Революция нанесла удар не только по системе образования, но и по механизмам трансляции опыта от поколения к поколению. Для юных граждан Страны Советов Евгений Онегин оказывался не более актуальным персонажем, чем житель другой планеты. Все так. Но как могло случиться, что в последние годы жизни вождя всех времен и народов мы наблюдаем подобную же картину? Ведь в течение трид-

Школьники в библиотеке. Фото, конечно же, постановочное. Из фондов ПКМ

цатых годов коренным образом была изменена система образования. В школы вернулась история, подкрепленная новым, во многом заимствованным из дореволюционного времени патриотическим курсом. Александр Невский и Михаил Кутузов из эксплуататоров вновь стали защитниками российской государственности. Новейшая история была закреплена в «святом писании» — «Кратком курсе истории ВКП(б)». Для детей, родившихся во время или сразу

после революции, не знать о ключевых событиях минувшего времени было простительно. На то были свои причины: школьные эксперименты 1920-х, травмы революции и Гражданской войны. Для тех, кто появился на свет в 1930-е, чье детство было целиком и полностью связано со сталинской школой по той простой причине, что иной это поколение не могло знать, политическое невежество выглядит странно. Неужели за двенадцать лет существования школьных

учебников тоталитарная система мало чего добилась в области политпросвещения учащихся? Как можно объяснить, что школьник на вопрос проверяющих: «Когда возникло социалистическое государство?» отвечал: «Наше государство возникло тогда, когда возникла частная собственность»⁷?

Не в последнюю очередь это было связано с удаленностью сельских школ. Жизненный мир их учащихся формировался во многом под влиянием локального традиционного опыта. Политические знания становились все более поверхностными по мере удаления от крупных промышленных центров. Эта проблема усиливалась, если политпросвещение реализовывалось в нерусской языковой среде. Для сельского населения отдаленного Коми-округа русский язык тогда еще не стал доминирующим. Эту проблему осознавало руководство облоно. Среди приказов этой инстанции за 1949 год можно обнаружить поразительное по своей формулировке распоряжение: «Считать ненормальным явлением преподавание русского языка в нерусских классах на коми-пермяцком языке. Заведующему Кудымкарским городом тов. Полуянову обязать руководителей школ улучшить контроль за преподаванием русского языка в нерусских школах и прекратить вредную практику извращенного изучения русского языка»⁸.

Между тем простой удаленностью сельских школ и слабым знанием русского (главного политического) языка объяснить можно не все. Обратим внимание на то, что за исключением представления о хронологии, ответ учащихся, которые приписывали революционные события эпохе 1930-х, является опять же в определенном смысле правильным. Спекулянты, кулаки и помещики — люди плохие, так как занимаются «эксплуатацией». После того как их выгнали, рабочим и крестьянам стало жить лучше. Подобная логика ответа невольно заставляет вспомнить отрывок из позднесоветской повести и кинофильма К. Шахназарова «Курьер». «Ох, этот Степаков, — сказала мать. — Послушай, Вань: «Кре-

постное крестьянство с негодованием встретило сообщение о татаро-монгольском иге...».

Она засмеялась, но я относился к этому пресловутому Степакову со скрытой симпатией и встал на его защиту.

— А что здесь неверно, собственно?

— Ну, что ты прикидываешься! — удивилась мать. — Да ты послушай. Она еще раз процитировала Степакова.

— Ну и что? — спросил я. — По-твоему, крестьянство должно было радоваться приходу хана Батыея?»

Как и в конце 1940-х годов, в качестве главной ошибки учительница указывает на нарушение хронологического принципа в изложении фактов. Между тем ее сын, желая ей возразить, приводит иную шкалу, в которой исторические события и слои населения приобретают оценочную окраску. Здесь крепостное крестьянство является угнетаемым и «положительным», а татаро-монгольское иго — явлением агрессивным и «отрицательным». Парадоксально, но в этой — идеологической системе координат ответ двоечника становится правильным.

Таким образом, школьники, разбирая на уроках исторический материал, наивным образом усваивали политические нормы и символы эпохи. В сталинское время это было важнее, ведь умение использовать политическую лексику означало демонстрацию пассивной или активной лояльности власти. Место и роль таких предметов, как история и Конституция, в системе образования обозначалось довольно четко. Одна из проверяющих в своем отчете сообщила: «В нашей школе нет беспартийных наук, но из всех предметов самыми партийными являются, несомненно, история и Конституция. Поэтому партия неизменно заботится о высоком идейном уровне преподавателя этих предметов с тем, чтобы на уроках Конституции и истории на примерах из жизни великих предков, из жизни народа, на биографии революционеров сформировать сознание учащихся в марксистско-ленинском духе»¹⁰.

Пионеры 1940-х годов. Фото из фондов ПКМ

С марксистско-ленинским духом у сельских школьников Молотовской области было неважно, но то, что они понимали партийную важность истории и Конституции СССР, сомневаться не приходится. Ученик VII класса Белоевской средней школы на вопрос «Почему каждый гражданин должен знать Конституцию СССР?» отвечает: «Если гражданин СССР не будет знать Конституцию, то ему угрожает суд»¹¹.

Исторические и «правовые» знания, получаемые в школе, было сложно применить на практике, но их незнание было опасно. Власть боялась появления нелояльных граждан, подрастающее поколение опасалось санкций: «Ему угрожает суд». Сложно сказать, являлось ли это утверждение плодом детского осмысления окружающей реальности или школьники воспроизвели угрозы своего педагога. «Пойдешь под суд», «попадешь в колонию», «заберет дяденька милиционер» — в этих привычных для советского ребенка назиданиях всегда присутствовал образ государства. Очевидно, что здесь мы снова сталкиваемся с историчностью ошибок. Сложно представить себе, что современный двоечник будет говорить о возможном уголовном преследовании за неудовлетворительные знания по обществознанию.

Получаемая на уроках информация была сакральной и трудно применимой на практике. Между тем школьники все же пытались адаптировать далекие от них знания к своему жизненному миру. В своих наивных ответах школьники пытались посредством своего житейского опыта освоить политическую лексику. «Конституцию должен знать для того, чтобы уметь строить коммунизм. И для того, чтобы поступить в техникумы и др. училища, надо знать Конституцию СССР»¹². И так, главный закон Советского Союза нужен для построения светлого будущего (которое в официальной пропаганде уже стало настоящим) и для поступления в профессиональные учебные заведения. Причудливо соединяя представления о мире идеологии и свои земные устремления, школьники отвечали «правильно». Как им казалось. Ведь, не сдав «Конституцию СССР» в седьмом классе, можно было остаться и без аттестата о неполном среднем образовании.

Между тем для инспекторов облоно ответы школьников выглядели возмутительными. Обучение политической грамотности предполагало буквальное воспроизведение политического языка. «Советы являются политической основой СССР, притом ни один раз ни учитель, ни ученики не назвали полное название современных

Советов, т.е. Советов Депутатов трудящихся...»¹³. Поощряемая методистами и учителями самостоятельность и активность учащегося на уроке не должна нас обманывать. Достаточно процитировать то, что понималось под отличными ответами — «самостоятельно сделала краткий вывод: «Временное правительство продолжало вести политику царского правительства, оно не улучшило положение масс. Ученица X класса Чирокова рассказала об апрельской конференции и сделала вывод, что апрельская конференция нацелила партию на борьбу за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую»¹⁴. Идеальный школьник в этом понимании — тот, кто смог понять логику изложения материала и «самостоятельно» озвучить ответ, который уже содержится в учебнике. Причем в ответе должен использоваться тот же политический язык, на котором говорят учебные пособия и передовицы газет. Время от времени в таких текстах появлялись цифры парадной статистики. Миллионы тонн зерна, миллионы советских граждан. Быть может, именно этому пытался подражать один из школьников, который писал совершенно фантастические вещи о причинах объединения республик в Советский Союз. «Чтобы союзная республика была на

окраине границы. Чтобы население было не менее полмиллиона человек. Чтобы эти республики между собой были равны и чтобы они имели одинаковые права. Эти союзные республики имеют свою конституцию СССР и они могут выйти из СССР в том случае, когда у них население меньше полмиллиона и живут около границы»¹⁵.

На основе имеющихся в нашем распоряжении документов сложно судить о том, какой процент школьников успешно осваивал такие предметы, как история и Конституция СССР. Можно говорить лишь о том, что в их преподавании имелись проблемы. Главная из них состояла в том, что в деле идеологического воспитания эти предметы не могли в полной мере оправдать возложенные на них властью ожидания. Сталинская школа попадала здесь сразу в несколько ловушек. Внедрение политического языка в неподготовленную традиционную среду приводило к тому, что политические нормы осваивались наивным образом. Идеологическая работа на селе осуществлялась педагогами, чье образование и уровень политической грамотности уступали знаниям их городских коллег. Впрочем, квалификация последних тоже оставляла желать лучшего¹⁶. Претензии к знаниям сельских учителей и учеников в отчетах облоно часто нередко были похожи друг на

друга. Так, учительница одной из школ Карагайского района «в вопросах программно-материала по истории разбирается, но в вопросах Конституции есть пробелы, так, на вопрос, что такое диктатура пролетариата, ответить ясно не могла, не могла также точно ответить на вопрос, что такое НЭП»¹⁷. В том же районе один педагог, который при этом был еще и заведующим районо, умудрился совершить невозможное. Во время проверки за 20 минут урока он рассказывал детям об образовании двоевластия, апрельском кризисе временного правительства, апрельских тезисах Ленина, июньском и июльском кризисах¹⁸. На фоне таких замечаний становится понятнее, почему при тотальной политизации образования некоторые школьники могли не знать «элементарных» вещей. «Ученик Мельников неплохо рассказал о возникновении Советского государства, но не знал, кем был тов. Сталин в первом Советском правительстве и кем является сейчас. Также не знает, кем являются товарищи Молотов и Шверник»¹⁹.

Между тем кадры решали не все. Сама система преподавания в сталинское время во многом таила внутренние противоречия. Весь курс отечественной истории был выстроен таким образом, чтобы объяснять закономерность построения лучшего в мире государства. Если логика преподавания Конституции СССР предполагала освоение славного настоящего, то отечественная история транслировала представления о наступившем настоящем в прошлое. Дореволюционные события утрачивали самостоятельное значение. Главным смыслом событий минувших эпох становилось приближение к коммунистическому обществу. Декабристы были нужны для того, чтобы «разбудить» Герцена и т.д. Империи прошлого, их рождение и последующий распад должны были выглядеть закономерными в сравнении с могуществом советской страны, на которой история заканчивалась. Именно это видение порождало много критических замечаний в адрес работы учителей. «Так, в VIII классе по теме «Держава

«Пионеры и школьники! Упорно и настойчиво овладевайте знаниями! Добивайтесь успехов в учении, труде и общественной работе». Фото из фондов ПКМ, 1957 год

и ее распад» преподаватель ничего не сказал о захватническом характере завоеваний Тимура, о стремлении его создать всемирную империю, не подчеркнул, что созданная Тимуром держава была огромным феодальным государством, которое распалось, т.к. держалось военной силой и состояло из отдельных феодальных княжеств, стремившихся к обособлению. Преподаватель не провел сравнения с другими подобными империями, которые ранее были изучены: империей Карла Великого, империей Рюриковичей, в каждой происходил тот же процесс, что и в державе Тимура. Не подчеркнуто было, почему наше государство растет и крепнет, что оно — государство нового, высшего типа, основанного на дружбе народов. Все эти недочеты снижали идейный уровень уроков²⁰.

В этой логике империи Европы, Азии и Руси оказываются звеньями одной цепи, демонстрация которой необходима лишь для того, чтобы подчеркнуть превосходство и закономерность появления советского государства. Прошлое в понимании проверяющих должно было противопоставляться настоящему в виде оппозиций: феодализм — социализм, держалось военной силой — основано на дружбе народов, княжества стремятся к обособлению — наше государство растет и крепнет. Но в этом прошлом, как уже говорилось, долж-

ны пробиваться ростки новейшего времени. Такой взгляд подразумевал поиск персонажей, которые «предвосхитили» создание советского государства, справившись с внешними и внутренними угрозами. Напомним, что разгром школы М.Н. Покровского во второй половине 1930-х годов подразумевал и реабилитацию роли личности в истории. Обращение к патриотизму было персонифицировано. Полководцы Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов и «прогрессивные» монархи Иван Грозный, Петр Первый при этом причудливым образом становились важными персонажами советской истории. Их героизация подразумевала использование «высокого стиля». Неправильно сформулированная фраза вызвала возмущение, а не умиление. «Невозможно оценить тройкой работу Филипповой, которая допускает такие выражения, что Петр с Семеновским и Преображенским полком совершали игры, представлявшие военный характер».

Таким образом, в школе 1930–1940-х научные знания становились частью сталинского мифа. Этот видение относилось не только к взгляду на время и прошлое, но и к представлениям о пространстве²¹. Принципы преподавания других предметов строились на тех же основаниях. Так, урок географии вызывал следующие наре-

кания: «Учителя не всегда глубоко и до конца продумывают тему и цель урока. Так, в 7 классе школы №32 учительница географии Водолеева Л.И., закончив тему «Климат СССР», не подвела учащихся к выводу о том, что климат в отдельных местах земли человек социалистического общества может изменять. Ярким примером этому является наступление советского народа на засуху. По сути дела, в южных районах Советского Союза создается новая географическая среда»²². Проверка работы учителей русского языка завершалась подобными же претензиями: «В VII классе школы №50 дали такое предложение: «В пекарне мало света, но зато много сырости и грязи». Это тоже вызывает недоумение, если учащиеся отнесут это к современной пекарне»²³.

Миф внутренне отрицает исторический взгляд на мир. Прошлое ему нужно лишь для подтверждения настоящего. И если история уже завершена, то большая ли разница в том, когда это произошло — в 1917 или в 1936 году? Последняя дата в наивном детском суждении могла быть важнее. Ведь если революция называется Октябрьской, то конституция — Сталинской.

Александр ЧАШУХИН,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
лаборатории изучения истории
советской повседневности НИУ ВШЭ

состоянии дела народного образования в Коми-Пермяцком национальном округе, о проверке работы Молотовской заочной средней школы, о состоянии учебно-воспитательной работы в школах. 24.01.1949–11.11.1950// ГАПК Ф. Р-986. Оп. 1. Д. 36. Л. 7–8.

⁹ Речь идет о фильме «Курьер» К. Шахназарова (1986). Фильм снят по одноименной повести того же автора. В тексте приводится цитата из повести, в которой фамилии некоторых героев отличаются от киноверсии.

¹⁰ Докладные, справки, материалы проверяющих райкомы, горкомы партии обкому ВКП(б) по подготовке вопроса на бюро обкома партии «О состоянии преподавания и качества знаний учащихся истории, Конституции СССР и др. вопросам» 01.09.1949–11.1950// ПермГАН. Ф. 105. Оп. 15. Д. 458. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 84 об.

¹² Там же. Л. 85.

¹³ Там же. ПермГАН. Ф. 105. Оп. 15. Д. 458. Л. 27–28 об.

¹⁴ Там же. Л. 4–5.

¹⁵ Там же. ПермГАН. Ф. 105. Оп. 15. Д. 458. Л. 85.

¹⁶ В начале 1950-х только треть педагогов

г. Молотова имели высшее образование. Из них большинство работали в старших классах. См. Чашухин А.В. «Тов. Маленков подсаживает нам...». Школьные педагоги 1950-х/1956: незамеченный термидор: очерки провинциального быта. — Пермь, 2007.

¹⁷ Докладные, справки, материалы проверяющих райкомы, горкомы партии обкому ВКП(б) по подготовке вопроса на бюро обкома партии «О состоянии преподавания и качества знаний учащихся истории, Конституции СССР и др. вопросам» 01.09.1949–11.1950// ПермГАН. Ф. 105. Оп. 15. Д. 458. Л. 15.

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ Там же. Л. 29–29 об.

²⁰ Там же. ПермГАН. Ф. 105. Оп. 15. Д. 458. Л. 1–2.

²¹ О том, как конструировалось пространство на уроках географии см. статью Г. Орловой «Овладесть пространством: физическая география в советской школе (1930–1960-е гг.)»// <http://viscult.ehu.lt/article.php?id=147>

²² Отчет о работе школ г. Молотова за 1949/50 уч. год// ГАПК. Ф. р-478. Оп. 2. Д. 75а. Л. 21.

²³ Там же. ГАПК. Ф. р-478. Оп. 2. Д. 76. Л. 50.

«У НАС ВЕДЬ ТАК ПОВЕЛОСЬ, В КАЖДОЙ ДЕРЕВНЕ СВОЙ ПРЕСТОЛ»

Религиозные престольные праздники в русской деревне Западного Урала 1940–1950-х годов

Ильин день, Девятая пятница, Михайлов день и т.д. — целая череда престольных православных праздников в русских деревнях. Современный горожанин, особенно старшего возраста, чья родословная связана с сельской местностью, легко может продолжить праздничный список. Не так давно мне пришлось услышать историю, как в деревне Усть-Лог Суксунского района Пермского края отмечали ежегодный местный праздник Десятое — десятое воскресенье после православной Пасхи. Те, кто когда-то родился и вырос в Усть-Логге, и немногие оставшиеся старожилы собираются в этот день, встречаются гостей из ближних деревень. Кто-то обходит свои заброшенные усадьбы, другие общаются с друзьями босоногого детства, с теми, кто пережил последние десятилетия. Этот календарь деревенских праздников приоткрывает какой-то совсем иной, архаичный мир деревенской жизни, который сохранился до сих пор.

Профессиональным историкам и филологам, изучающим русские диалекты, престольные

праздники не кажутся чем-то необычным, они вполне вписываются в образы традиционной культуры. Удивляет жизнеспособность праздничного календаря сельского мира. А правильно было бы написать «сельского мира». Именно так, через букву «i», которая исчезла из русского алфавита после революционных реформ 1918 года. Деревенский мир — сельская община, так не любимая революционными романтиками 1920-х годов и почти не модернизируемая социально-экономическими методами. Община была уничтожена бегством крестьян из деревни в период с 30-х по 60-е годы XX века. Но пока в русских деревнях остаются люди, общинные устои совместной жизни парадоксальным образом воспроизводятся в деревнях. В селах уже есть интернет, но жители участвуют в «помогах», по-соседски помогают друг другу косить сено для оставшихся коров, строить бани. Деревенские жители отмечают престольные праздники, которые отмечали их родители и родители родителей. Сейчас, и слава Богу, с этим уже никто не борется.

Но меньше всего мне хочется умиляться этим пасторальным картинкам. Крестьянский труд, «помочи», престольные и советские праздники — стратегии выживания и механизмы солидарности деревни. Радужные картинки советских фильмов начала 1950-х годов не имеют ничего общего с повседневной реальностью советской деревни тех лет. Разве что знаменитый фильм «Председатель», снятый в 1964 году, главную роль в котором исполнил замечательный русский актер Михаил Ульянов, приоткрывал занавес над послевоенной катастрофой сельского хозяйства Советской России.

Колхозная жизнь в действительности, описываемая в закрытых обкомовских справках начала 1950-х годов, напоминала скорее образы из книг Андрея Платонова — деморализованные жители, голод, странные социальные эксперименты и самодурство начальников. В декабре 1953 года для секретаря Молотовского обкома КПСС были подготовлены «Выписки критических замечаний...» о положении в сельском хозяйстве области. Приведу наиболее красноречивые:

Березовка. «В колхозе «На сме-ну» председатель колхоза беспре-рывно пьянствует, избивает жену и детей, не заботится об их матери-альном обеспечении <...>. Артель-ное хозяйство все развалено <...>».

На МТФ (молочно-товарная ферма. — А.Г.) сложилась нездо-ровая обстановка: между работ-никами устраиваются междуоб-ные (так в тексте. — А.Г.) драки, а ссоры являются повседневным явлением. <...> Доярка Пирожкова вместе со своей семьей избивала до-ярку Поленову <...>, в порядке ме-сти у одной из них было отравлено 80 шт. колхозных кур».

Юрлинский район. «В колхо-зах им. Ленина, «1-е Мая» кол-хозники работают по 2–3 часа в день, остальное время занимаются пьянством или работают на так на-зываемых «помочах» у своих род-ственников или соседей».

Председатель колхоза им Лени-на (б/п) т. Трушников ввиду своего бытового разложения (многожен-ство) авторитетом у колхозников не пользуется.

Продуктивность земледелия и животноводства в этих колхо-зах в 1953 году ниже, чем была в 1950–1951 годах. Скот содержится в холоде и голоде, имеющаяся ме-ханизация бездействует <...>».

Чермоз. «В Романовском сель-ском совете много жалоб на пред-седателя колхоза тов. Воеводина (быв. инструктор РК КПСС), заявля-ют, что он пропил весь колхоз, <...> берет взятки с продажи лошадей».

В праздник Октябрьской рево-люции, напившись пьяным, ме-таллической цепью несколько раз ударил по спине бригадира тов. Зеленина».

Примеров по области набра-лось на десятки страниц машино-писного текста¹. Везде ощущение безысходности, разгильдяйства и апатии, как будто мир «вывернули наизнанку».

Это ощущение инферральности усиливается еще больше, когда чи-таешь страницы газет областной печати, агитирующих за подъем сельского хозяйства:

«Неуверенно переступила учи-тельница Верхне-Давыдовской семилетней школы Галина Васи-

Колхозницы села Усть-Качка. Фото из фондов ПКМ

льевна Акинфиева порог фермы колхоза «Память Калинина». В по-мещении было грязно. Во многих стойлах вместо соломенной под-стилки она увидела кучи навоза. Кормушки кое-где были поломаны и корма свалены под ноги живот-ным. На стенах — ни плакатов, ни лозунгов, ни стенгазет»².

В отсутствие реальных стиму-лов к труду — «палочная система», лозунги и призывы оставались чуть ли не единственными механизмами трудовой мобилизации, если не счи-тать страха перед репрессиями. Село выживало с трудом. После расчета с государством по хлебозаготовкам и налогов с сельских дворов в кре-стьянском хозяйстве оставалось совсем немного, чтобы дотянуть до следующего урожая. Особенно тяжело приходилось тем семьям, в которых было много детей и не было мужика-кормильца, а после Великой

Отечественной войны это было не-редким явлением. Вот и ловили наря-ды милиции детей, которые просили милостыню на железнодорожных вокзалах и городских улицах. В кар-мане одного такого «попрошайки», задержанного в городе Молотове, обнаружилась даже справочка, вы-данная правлением колхоза»³.

Таким образом, уральская де-ревня начала 50-х годов XX века жила натужно, голодно и затаенно. Перенапряжение сил и готовность к немотивированной агрессии, что проявлялась в пьяных драках и конфликтах, сдерживались лишь общинными стратегиями выжива-ния, необходимой солидарностью с соседями перед лицом внеш-него мира и общей исторической памятью. Отчасти сельские пре-стольные праздники, наглядные примеры исторической памяти деревенских жителей и сохраня-ли функции своеобразных скреп социальной жизни деревни. Тем более что советские праздники с трудом входили в повседневную культуру крестьян.

Сделаем скидку на обличитель-ный язык уполномоченного по де-лам Русской православной церкви (РПЦ) П.С. Горбунова и вчитаемся в текст 1953 года:

«Если судить только по посеща-емости церкви, то с этой стороны как будто не так уж много верящих и сочувствующих мракобесниче-ству, не освободившихся еще лю-

дей от пережитков прошлого, но это глубоко ошибочно, сельское население в большинстве своем еще не освободилось от пережит-ков прошлого. Если оно не посе-щает церкви, то довольно ожив-ленно справляет религиозные празднества, сопровождающиеся сплошной пьянкой, что серьезно отражается на работах в колхозах. Вот, например, в этот же Михайлов день (21 ноября 1953 года) насе-ление вышеуказанных деревень заранее к нему готовилось (вари-ли брагу, самогон), к этому празд-неству колхозникам выдавалось бражное, пшеничная мука. К этому празднику проявлялся особый ин-терес, и в эти деревни на праздник приехали из других населенных пунктов, 21, 22 и 23 ноября не ра-ботали».

В этих же деревнях наш со-ветский великий праздник 36-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции про-шел совсем незаметно, и к нему не готовились, такого интереса не проявлялось»⁴.

Высокая степень обрядовой ре-лигиозности сельского населения 1940–1950-х годов, судя по сохра-нившимся документам, сегодня вряд ли ставится под сомнение, хотя количественные данные от-сутствуют. Уполномоченный Гор-бунов верно подметил, что судить о религиозности по статистике

посещаемости церкви вряд ли уместно. Мир крестьянской рели-гии воплощался в повседневных ритуалах, выплескивался в кри-зисных ситуациях и был мало при-мечательным в спокойное время. О чем говорят, например, случаи массовых отправок православ-ных обрядов:

«<...> 10 июля 1947 года бри-гадир полеводческой бригады, он же зам. председателя колхо-за «Новая жизнь», Андреевского сельсовета Оханского района По-пов А.П. организовал крестный ход на поля. Для этой цели Попо-вым А.П. была выделена лошадь и кучер (колхозница Попова М.), ко-торая съездила в Осинский район в село Беляевку за священником, за поездку ей было насчитано 1,5 трудодня».

По приезде священника во вто-рой половине этого же дня были собраны среди колхозников иконы и организован выход в поле для проведения молебна (о ликвида-ции на полях засухи)»⁵.

Особенную роль в жизни сель-чан играли внецерковные религи-озные практики. Эти формы на-родного православия в советское время «...продолжали существо-вать без сколько-нибудь замет-ного присутствия представителей церковной институции»⁶. Палом-ничество к святым источникам, те же престольные праздники, ре-

лигиозные обеты крестьян, вера в колдовство в русских селах⁷ — явно выбивались из общего пред-ставления пропагандистов атеиз-ма о «реакционной деятельности церковников».

В этом ключе любопытна исто-рия антирелигиозной кампании 1954 года. Многие историки свя-зывают ее с изменениями в по-литике государственно-конфес-сиональных отношений после смерти И. Сталина. Однако по ходу кампании были обозначены мише-ни, которые лишь опосредованно связаны с церковными института-ми Русской православной церкви. В центре внимания оказались ре-лигиозные деревенские праздни-ки, важная часть повседневной культуры колхозного крестьянства 1950-х годов.

На Западном Урале антире-лигиозная кампания стала раз-ворачиваться с начала 1954 года. В марте, как весенняя ласточка, в печатном органе Молотовского об-кома ВЛКСМ «Молодая гвардия» публикуется фельетон «Афанасьев день». На фоне иных антирелиги-озных статей, периодически появ-лявшихся на страницах областной печати в предыдущие годы, фелье-тон отличался содержанием. В нем описывалась, с критической целью, разумеется, повседневная прак-тика в жизни уральской глубинки. Автор фельетона подвергает уни-чижительной критике секретаря Белоевского райкома комсомола (Коми-Пермяцкий АО) за пассивное поведение во время празднования в феврале престольного дня св. Афа-насия. «Вот уже третьи сутки в селе и окрестных деревнях справляли «престольный» праздник — «афа-насьев день». Третье утро надры-вались колокола егвинской церкви, принимались и провожались гости, и никто не подходил к молотилкам на колхозных токах, не разжигал горны в сельских кузницах»⁸.

Распространенный в культур-ном пространстве того времени праздничный календарь деревен-ской жизни, наполненный рели-гиозными образами, оказывался прямым вызовом распорядку и структуре советских будней и праздников.

Сабантуй. Фото из фондов ПКМ

1 мая конец 1950-х годов. Деревня Ключики Пермского района. Фото из фондов ПермГАНИ

Традиционный, религиозный смысл праздничного действия на селе, его массовость, заставляли местный руководящий актив как-то приспособиться к ситуации. Монолог-оправдание секретаря райкома ВЛКСМ, в интерпретации автора фельетона, иллюстрирует двусмысленность положения: «Разве у нас гулять запрещено? <...> Ведь комсомольцы в церковь не ходят и в бога не верят, а если и выпьют вместе с верующими, так что же тут такого. Нехорошо вот только, что прогуливают...»⁹. Судя по этому высказыванию, в сознании районного активиста без особых противоречий сосуществовали две культуры, два уклада сельской жизни — советский и традиционный, тесно связанный с патриархальной крестьянской жизнью.

В представлении фельетониста этот мир традиций был воплощен в «...необычного вида женщинах в черных, низко опущенных на лоб платках». «Полз по колхозным избам ядовитый [выделено. — А.Г.] шепоток: — Что ж ты, милоч, мамки-то не слушаешься, креститься в церковь не идешь? — нашептывала одна из «божьих старушек» захмелевшему Ивану К. из деревни Отево. — Теперь и комсомольцы за религию стоят. Сам

видишь, как праздники святые почитают...»¹⁰. Мотив «идеологического отравления» молодых душ, далеко не новый, восходящий к антирелигиозным кампаниям 1920–1930-х годов, вновь стал раскручиваться пропагандой в первой половине 1954 года, преследуя цель убедить молодежь в архаичности, несоответствии советским стандартам жизни религиозных традиций, обрядов крестьянской культуры. Но следует добавить, что публикации на заданную тему отражали распространенность в сельском мире форм народной религиозности.

В разгар антирелигиозной кампании, летом 1954 года, областные газеты «Молодая гвардия» и «Звезда» печатали статьи антирелигиозного содержания, которые интересны бытовыми подробностями. Они помогают частично реконструировать повседневную жизнь колхозного крестьянства Молотовской области, их отношение к религиозной культуре. «У нас ведь так повелось, — передает корреспондент слова колхозника из Чернушинского района, — в каждой деревне свой престол. У одних троица, у других девятая пятница или еще что-нибудь. Вот и ездят в гости друг к другу»¹¹. Речь

шла о традиции почитания дней святых или священных событий в каждой уральской деревеньке, население которых идентифицировало себя с православием или старообрядчеством.

Календарный цикл крестьянского труда предполагал временные перерывы, освященные религиозной традицией. В 1930-е годы, в период принудительной коллективизации, наблюдатели фиксировали, как по некоторым праздникам православного календаря и в честь дней святых крестьяне бросали работу¹². В военное и послевоенное время прежний ритм работы в сельской местности сохранился, и влияние советских праздников, о чем говорилось выше, было ограниченным.

Значение престольных дней для праздничной деревенской культуры было огромным. На селе к ним готовились. «Еще за месяц, — описывается в корреспонденции «Престольный Серафим», — начали заваривать брагу, закупать спиртные напитки»¹³. Понимая, что празднование дня святого нарушает «рабочие будни», предписанные районным начальством, в одном из колхозов накануне престольного дня собралось правление. «Советались, думали и вынесли решение: днем работать, гулять ночью. Потом председатель колхоза уточнил (!) время окончания дневных работ и начала пьянки — в 6 часов вечера. Таким образом, — заключает автор, — получилось, что руководители артели поддержали

пьянку, поддержали «престольного Серафима»»¹⁴. В другом районе области, но примерно в то же время, сообщали корреспонденты, отмечался Ильин день. «Двое суток подряд <...> шло гулянье в сельхозартели «Красный факел», причем главным организатором его здесь явился председатель колхоза Кузнецов <...>»¹⁵. Можно заметить, что в обоих случаях председатели сельхозартелей выступают в главных ролях и чем-то напоминают деревни, а коллективы колхозников выступают в качестве православных общин, справляющих престольные дни. Это размывание границ между советской (колхозной) и религиозной идентичностью деревенских жителей было явлением времени и,

как отмечает Ж.В. Кормина, сохранялось до мероприятий по укрупнению колхозов в 1960-е годы¹⁶.

Общинный характер празднования сказывался и в ритуализированном пьянстве. Феномен «праздничного пьянства» не так прост, как кажется на первый взгляд, хотя массовое употребление спиртных напитков в престольный праздник стало «притчей во языцех» для атеистической литературы тех лет.

Газетные сообщения лета 1954 года доносят, как в одном из колхозов Молотовской области во время празднования престольного дня из 172 трудоспособных колхозников не вышли на работу более 150 человек. Особенно отличился секретарь колхозной парторганизации, о котором местные жители сказали: «<...> первым в деревне престол начал справлять и, видно, последним закончит. Вот и сегодня, говорят, «лыка не вяжет»»¹⁷. Пьянство в эти дни, если не брать во внимание явные эксцессы, с ним связанные, было составной частью деревенского праздника. Обратите внимание на текстовую картинку из газетной публикации 1954 года: «На поляне расположилась кружком большая группа празднично одетых мужчин и женщин. В центре у них — корчага с брагой»¹⁸. То, что это происходит именно в престольный праздник, мы узнаем из контекста. В повседневном существовании деревенская культура интегрировала разные символические и ритуальные практики. Так в свое время она объединила литургию православного праздника и праздничное застолье с употреблением спиртных напитков. Чуть позже, или почти в это же время, происходила адаптация в крестьянской среде праздничных дней советского календаря.

Престольный праздник — в чем-то карнавальное действие с употреблением спиртного. Он прерывал напряженный рабочий цикл крестьянского быта, делал наглядными отношения между родственниками и соседями. «Пришла ближняя и дальняя род-

Праздник в селе Уинское. Фото из фондов ПКМ

ня, просто знакомые, любители выпить, собрались почти со всей округи, из других районов, из самого Кудымкара. <...>Вскоре гулянье переместилось на улицу. Под визгливые звуки гармоники девушки, стоя друг против друга, деловито отбивали чечетку, горланили частушки. Парни стояли поодаль»¹⁹, — оставим на совести автора «Престольного Серафима» стиль изложения и увидим главный элемент события — праздничную солидарность «сельского мира». То, что праздник генетически связан с православным календарем, не меняет его функционального значения. Однако именно эта связь противостояла претензиям власти на культурную монополию и идеологическую гегемонию в обществе.

Непосредственным результатом выхода газетных корреспонденций стали дисциплинарные меры, примененные в отношении указанных лиц. «Председатель колхоза «Красный факел» Кузнецов за пьянство от работы освобожден. Председателю колхоза им. XVI партсъезда Мелешкину объявлен строгий выговор. Секретарю парторганизации колхоза «Правда» т. Самуилову за пьянство объявлен выговор. Райкомом партии намечены конкретные мероприятия по усилению антирелигиозной пропаганды <...>»²⁰. В тексте заметки, примечательно, перед фамилиями провинившихся председателей сельхозартелей отсутствует буква-идеологема «т.». Как будто их

«разжаловали», понизили в социальном статусе через текст.

Однако политическая кампания скоро закончилась. Очередное постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», принятое 10 ноября 1954 года, внесло некоторую сумятицу в ряды активистов-антирелигиозников. Но подвергать сомнению решение партии и правительства никто не стал.

Антирелигиозная кампания разворочила в общественном сознании подозрительность, прежние страхи, породила слухи. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов Н.Г. Музлов сообщал в информационном отчете: «Среди верующих стали распространяться слухи, что в недалеком времени церкви будут закрыты, что <...>, видимо, придется молиться по домам»²¹.

Сильное эмоциональное напряжение в среде верующих, вызванное атаками антирелигиозной пропаганды, после принятия постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 года получило свое разрешение в массовой подаче просьб о регистрации общин и открытии храмов, особенно в сельской местности. Уполномоченный Совета по делам РПЦ П.С. Горбунов писал по этому поводу: «Заявления учиняются с подписями значительного количества верующих от 200 до 1000 с лишним человек»²². Инициативные группы верующих, отдельные ходатаи приезжали с устными просьбами в Епархиальное

управление РПЦ города Молотова, к областным уполномоченным, ходяки отправлялись в Москву.

Таким образом, крестьяне Молотовской области 1950-х годов реагировали на административные вторжения власти в культурное пространство сельского мира. Общины сопротивлялись. Это не были протесты в привычном политическом значении слова. Просто решения центральных органов воспринимались как неизбежное зло, как природная стихия, которую можно только пережить.

Параноидальное стремление партийной власти бороться с религиозными обычаями и праздниками в стране парадоксально обернулось общественным интересом к истории самосознания этносов. С начала 1960-х годов появляются исследования, в рамках существовавшей общественно-политической доктрины, в которых описываются и обсуждаются народные обычаи. Говоря современным языком — исследователи обратили внимание на структуры национальной идентичности. Но это уже другая история.

Советской власти в России нет больше 20 лет, а «престолы» в русских деревнях Пермского края остались праздничными днями местных национальных общностей. И как видим, праздники продолжают выполнять те же функции, что и в прошлом веке, функции исторической памяти народа.

Алексей ГЛУШАЕВ,
соискатель кафедры
культурологии ПГИИК

5 июля 2012 года в Кунгуре на Вознесенском кладбище в присутствии руководителей города, кунгуряков и журналистов состоялась торжественная закладка мемориала чехословацким легионерам, погибшим на территории Прикамья в 1918–1919 годах. На церемонию прибыли заместитель председателя Общества чехословацких легионеров Йиндржих Ситта и секретарь общества Милан Мойжиш, присутствовали потомки одного из чехословацких легионеров, а также представители известной купеческой фамилии Грибушинных из Франции и Сингапура.

В 1918–1919 годах в России, на бескрайних просторах от Волги до Тихого океана, погибли около 4 тысяч солдат Чехословацкого корпуса. И хотя чехословаки, сражавшиеся в годы Первой мировой войны на стороне России, были втянуты в Гражданскую войну не по своей воле, долгое время вспомнить о них было не принято. И только в конце 1990-х годов между правительствами России и Чехии было подписано соглашение об уходе за воинскими захоронениями и начата работа по восстановлению чехословацких могил на территории России. Нужно отметить, что чехская сторона имеет точные данные обо всех своих солдатах, погибших в России, и месте их захоронения. На территории Пермского края покоятся 139 легионеров, погибших в боях и умерших от ран и болезней. Их могилы разбросаны вдоль железных дорог на станциях Кордон, Кын, Шумково, Шамары. 13 человек были похоронены в Кунгуре, где и было решено поставить общий памятник всем погибшим на Западном Урале чехословакам. Торжественное открытие мемориала состоится осенью 2012 года.

Наш журнал и Пермский краеведческий музей при поддержке Министерства культуры Пермского края уже больше двух лет реализуют проект «Музей Гражданской войны». В 2011 году редакцией журнала и руководством музея было подписано соглашение с Обществом чехословацких легионеров о проведении совместных мероприятий по реализации проекта «Музей Гражданской войны» и чешского проекта «Легионы 100» до 2018 года. В Пермском крае планируется проведение выставок, научных конференций, фестивалей, совместных экспедиций по местам боев Гражданской войны. Чешской стороной была организована фотовыставка «Чехословацкие легионеры в России. 1914–1920 годы», на которой были представлены более 400 уникальных фотодокументов из чешских архивов. Выставка проработала в Перми и Кунгуре, вызвав огромный интерес у жителей края. Сейчас выставка «путешествует» по России, а осенью откроется в

Лысьве. Более 60 фотографий, сделанных в Пермской губернии чешскими военными фотоаппаратами в 1918–1919 годах, были переданы Обществом легионеров Пермскому краеведческому музею и стали основой проходившей в декабре 2011 года в стенах музея выставки «Лица Гражданской войны». Уже дважды в Пермском крае прошли научные конференции «Гражданская война на Урале», в которых приняли участие исследователи из Чехии, Словакии и всей России.

Сотрудничество продолжается, в 2012 году в Перми пройдет фестиваль чешского исторического кино, историки из Чехии и России примут участие в экспедиции по местам боев Гражданской войны, ежегодной станет конференция. Мы надеемся, что результатом нашей работы станет создание музея с постоянной экспозицией.

Дмитрий ЛОБАНОВ,
сотрудник Пермского краеведческого
музея, председатель Пермского
военно-исторического клуба

¹ Выписки критических замечаний... Декабрь, 1953// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 21. Д. 221. Л. 43–66.
² Лопаткин С. Агитатор Галина Акинфиева// Молодая гвардия. 2 июня 1953 г. С. 3.
³ Справка воспроизведена по тексту «О неудовлетворительном выполнении Постановления Совета Министров Союза ССР от 8 апреля 1952 г. «О мерах ликвидации детской беспорядности в РСФСР»// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 129. Л. 84.
⁴ Цит. по: Лейбович О.Л. В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40–50-х годах XX века. — Пермь, 2009. — С. 26–27.
⁵ Горбунов — Игнатьеву. 26.01.1948// ГАПК. Ф.р-1351. Оп. 2. Д. 14. Л. 20.
⁶ Штырков С.А. Обличительная этнография эпохи Хрущева: большая идеология и народный обычай (на примере Северо-Осетинской АССР)// Неприкос-

новенный запас. 2009, №1 (063). С. 148.
⁷ См. современное исследование веры в колдовство в деревнях Верхоямья, включая территорию Пермского края: Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России// Ольга Христофорова. — М.: ОГИ, РГГУ, 2010. — С. 432.
⁸ Шадрин Е. Афанасьев день// Молодая гвардия. 7 марта 1954 г. С. 8.
⁹ Там же.
¹⁰ Там же.
¹¹ Макурин Г. Илья престольный// Звезда. 18 августа 1954 г. С. 2.
¹² Рольф М. Советские массовые праздники/ М. Рольф [пер. с нем. В.Т. Алтухова]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. — С. 214.
¹³ Воробьев С. Престольный Серафим// Молодая гвардия. 8 августа 1954 г. С. 3.

¹⁴ Там же.
¹⁵ Макурин Г. Илья престольный// Звезда. 18 августа 1954 г. С. 2.
¹⁶ Кормина Ж.В. Исполкомы и приходы: религиозная жизнь Псковской области в первую послевоенную пятилетку// Неприкосновенный запас. 2008, №3 (059). С. 101.
¹⁷ Макурин Г. Илья престольный// Звезда. 18 августа 1954 г. С. 2.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Воробьев С. Престольный Серафим// Молодая гвардия. 8 августа 1954 г. С. 3.
²⁰ По следам выступлений «Звезды»// Звезда. 15 сентября 1954 г. С. 3.
²¹ Информационный отчет... за II полугодие 1954 года. 14.01.1955// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 107. Л. 20.
²² Справка по поступившим ходатайствам об открытии церквей в районах области. 27.05.1955// ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 22. Д. 186. Л. 106.

ЛИЦА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Фотографии Пермской губернии 1918–1919 годов
из военно-исторического архива в Праге

Артиллерия Сибирской армии в Кунгуре

В июле 1918 года в составе Чехословацкого корпуса была создана фотографическая служба, состоящая из Центральной и семидесяти войсковых фотолабораторий. Целью военных фотографов было создание фотолетописи, отражающей повседневную жизнь чехословацкой армии.

Задача Центральной фотолаборатории состояла в том, чтобы сосредоточить результаты работы войсковых фотографов и частных лиц, сортировать и архивировать фотографии, обеспечивать снимками представительские и пропагандистские мероприятия. По возвращении Легиона на родину научный институт «Памятник Освобождения» проявил огромный интерес к этому фотоматериалу.

За годы нацизма и господства коммунистической идеологии большая часть коллекции была безвозвратно утрачена.

После 1989 года Военно-исторический архив Чешской Республики провел огромную работу по восстановлению коллекции, которая была дополнена материалами из личных мемуарных фондов легионеров.

Сегодня мы публикуем некоторые снимки из фотовыставки «Чехословацкие легионеры в России. 1914–1920 годы», созданные чешскими фотографами на территории Пермской губернии.

Станция Самары

Пермь, Гостиный двор, зима 1919 года

Чехословаки у Молебского завода, 1918 год

Чехословаки на станции Сарга

Присяга 2-го Ударного полка Сибирской армии на Кафедральной площади Екатеринбурга, 1919 год

Полковник Рыболтовский, начальник штаба Ударного корпуса

Полковник Попов, офицер штаба Сибирской армии. Пермь, 1919 год

Генерал-майор Богословский

Приезд Колчака в Екатеринбург, 1919 год

Полковник
Кзагранди, командир
16-го Ишимского
стрелкового полка

Генерал-майор
Томашевский,
начальник артиллерии
Сибирской армии

Чехословаки восстанавливают мост
через реку Сылву у станции Шумково, взорванный
большевиками, сима 1918-1919 года

Доходный дом Комчатова, в 1919 году
здесь находился штаб Сибирской армии

Чехословаки строят мост через реку Молебка

Адмирал Колчак и генерал Жанен
в Екатеринбурге, 1919 год

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРМИ И ПЕРМЯКОВ В 1930–1960-е ГОДЫ

В промтоварном магазине.
Фото из фондов ПКМ

В последние годы очень популярным в исторической и историко-публицистической литературе становится жанр истории повседневной жизни.

Невнимание и даже определенный запрет на данную тематику в предшествующие десятилетия объясняется в первую очередь так называемым «классовым» подходом к изучению истории, особенно ее «советского» периода. В результате огромный интереснейший пласт бытовой, повседневной жизни человека оставался за бортом исторического исследования. Не является в этом отношении исключением и наша пермская повседневность.

Не претендуя на академичность исследования, наша редакция разработала анкету, включающую ряд вопросов, обращенных к пермякам разных поколений:

Что представляли из себя улицы Перми 40, 50, 70 лет назад? Как люди одевались, чем питались, где и как доставали предметы первой необходимости? Как в условиях почти полного отсутствия городского транспорта до-

бирались до работы, какие фильмы смотрели в кинотеатрах, что ели в столовых, какие зарплаты были у простых пермяков и что на них реально можно было купить? Как в действительности обстояла ситуация с преступностью, как менялось отношение к семье и браку, каковы были нравы в бараках и коммунальках? Где стирали белье и в какие бани ходили,

в каких больницах лечились и как проводили праздники?

Главным объектом данного исследования предполагаются не экономические явления и политические процессы, а рядовой человек с его каждодневными проблемами.

Сегодня мы публикуем несколько адаптированных ответов наших уважаемых респондентов.

Театральный сквер, 1950-е годы. Фото из фондов ГАПК

Публикация подготовлена в рамках проекта «Музей Гражданской войны»

МАРГАРИТА МИХАЙЛОВНА ШЕВАЛДИНА (СМЫШЛЯЕВА)

Родилась в 1930 году в Перми. В 1948 году поступила в пединститут. Всю жизнь проработала преподавателем иностранных языков в Пермском медицинском институте

Дороги в городе были в основном немощные, пыльные. Деревянные тротуары (из досок), вдоль дорог канавы, в которые стекала вода. В канавах играли дети. Но город был довольно зеленый. За уборкой улиц у частных домов следил участковый. Моя бабушка каждый день мела около дома, убирала снег.

Дома в городе в основном были деревянные, в один-два этажа. Каменные дома дореволюционной постройки присутствовали только на центральных улицах — Ленина и Карла Маркса. В них размещались магазины и учреждения. Новых домов строили мало, в основном в поселке Сталинского завода.

В центре — только три многоэтажных дома. Один пятиэтажный на углу улиц 25-го Октября и Большевистской (Дом горсовета), гостиница «Семиэтажка» («Центральная») и Дом чекистов на Карла Маркса. Водопровод был в очень немногих домах. Воду брали из колонок или из специальных будок (были в городе такие будочки-домики, в которых сидели обычно женщины и наливали воду). Во дворах некоторых частных домов имелись колодцы, воду из которых использовали для стирки и мытья полов.

Наша семья состояла из четырех человек (папа, мама и две дочери) и занимала квартиру в каменном доме по ул. Луначарского, 11 (до революции этот дом принадлежал какому-то купцу). Квартира состояла из двух очень просторных комнат и кладовой. Потолки были высокие — 3 м, огромные окна, деревянный балкон. Окна выходили во двор, в садик, где росли яблони и сирень. Кухня и туалет — общие.

Всего в коммуналке проживали девять семей. В квартирах были голландские печи, а на общей кухне

Маргарита Михайловна на крыльце дома Луначарского, 11

— русская печь, которую топили по очереди. Дрова хранились в дровяниках во дворе. Так же по очереди все хозяйки мыли кухню, туалет и общие коридоры. Ссор и скандалов не было. Позднее, в конце 1950-х годов, в дом провели газ, установили две плиты на восемь конфорок.

До войны в магазинах всего было полно. Помню разнообразные рыбные консервы, варенье и компоты в банках. Сливочное масло стоило 25 рублей, молоко 2 рубля 10 копеек. В рыбном магазине на Карла Маркса и Кирова

в специальных емкостях плавала живая рыба, была красная икра в бочонках по 37 рублей за килограмм, ее брали только для гостей, поэтому она вечно была несвежая, прогоркшая. В 1948–1952 годы после денежной реформы и «сталинского» снижения цен трехлитровая банка виноградного сока стоила 1 рубль 20 копеек, бисквитные торты — от 1 до 3 рублей. Мороженое продавали в киосках: такие круглые вафельки, между двух вафелек накладывали мороженое из молочной фляги. Стоило оно от

Маргарита Михайловна с подругами, начало 1950-х гг.

Пикник в Верхней Курье 1950-е гг.

20 до 50 копеек, в зависимости от размера. На улице Красноуфимской (Куйбышева) стояли лотки, с которых продавали конфеты поштучно (на 1 копейку по две конфеты, бежевые карамельки).

Яиц и кур в магазинах не было, их можно было купить только на рынке и стоили они дорого. До войны по городу ходили старьевщики, собирали утиль, предлагали на обмен товары, которых не было в продаже, например клеенку на стол.

Во время войны на рынке была уйма топленого молока, стоило

оно 200 рублей за четверть (три литра). С молоком в городе проблем не было до хрущевских времен, когда запретили держать скот в городах и рабочих поселках. В Перми коров держали в основном за Камой, в Курье.

За все время институтской жизни (1948–1952 годы) у меня были только два шерстяных платья, одно — выходное из японжа и пара летних. Мама постоянно перекраивала и перешивала их, чтобы выглядели как новые: то бантиком украсит, то галстуком,

Маргарита Михайловна с мужем Эммануилом Борисовичем на крыльце галереи

то вышивкой. Одним словом, «голь на выдумку хитра».

В конце войны мы каждый по-недельник с подружкой ходили на симфонические концерты (они проходили в оперном театре), абонемент стоил 3 рубля на шесть или десять посещений. В пединституте для нас бесплатно давали концерты оперные певцы. Концерты проходили и в Смышляевской (Пушкинской) библиотеке. Да и в вузах было много своих творческих кружков, которые вели профессиональные актеры из драматического и оперного театров.

Однажды, помню, пришли в библиотеку на концерт знаменитого пианиста Эмиля Гилельса. К пианино подошел какой-то бедно одетый мужчина — в бумажном костюме и в валенках, и стал пробовать инструмент. Ему говорят: «Отойди, парень, пианино испортить!» Он отошел. А потом объявляют: «Пианист Эмиль Гилельс». И выходит этот самый парень в валенках...

Оперный театр у нас был чудный. Во время войны там выступали артисты Кировского Ленинградского театра. Билеты на один спектакль стоили 1 рубль 20 копеек.

У драматического театра долго не было своего здания, и спектакли шли на сцене Дома офицеров или во Дворце им. Сталина. Репертуар был очень разнообразный: и классика, и современные пьесы.

Мы с подружкой вдвоем часто ходили в театр, спектакли заканчивались поздно, так как антракты были по 30–40 минут (долго меняли декорации). Опера Дж. Верди «Дон Карлос» шла шесть часов (с 8 часов вечера до 2 ночи). Обычно домой возвращались в двенадцать часов ночи. Ходить не боялись — нас никто никогда не трогал.

А еще помню в 1942–1943 годах мы с дедом жили на берегу Камы в брезентовой палатке (дед ловил рыбу) между Верхней Курьей и Заозерьем. И однажды в 12–13 лет я осталась совсем одна, и никто меня не обидел. И взрослые не боялись оставлять детей одних.

А вот после смерти Сталина преступность стала заметно расти, особенно грабежи и изнасилования.

Мargarита Михайловна и Эммануил Борисович

В Доме пионеров, в бывшем особняке купчихи Любимовой на Большевицкой, было много кружков, там я училась игре на фортепиано (бесплатно). Новогодняя елка устраивалась в каждой школе и в Доме пионеров. В зимние каникулы был расписан каждый день, шли куда-нибудь на елку: к подругам домой, в школу, к соседям, к знакомым родителей.

В 1930-е и в 1950-е годы семьи пермяков часто выезжали в выходные на пикники в Верхнюю Курью. Брали с собой провизию, гитары, гамаки. Отдыхали, пели песни.

До войны Сталинский завод, где работал отец, устраивал мас-

совки за городом с доставкой на машинах. Там на природе устраивались банкеты со столами, как в кино «Веселые ребята». Все это было бесплатно, за счет профсоюзом. Путевки в дома отдыха тоже были бесплатные. Даже подарки детям студентов в пединституте были бесплатными, опять же за счет профсоюза.

Три раза я ездила в пионерский лагерь: в санаторный лагерь в Башкултаево, в лагерь «Светлана» в Нижних Муллах и в Троицу. В Троицу поехала как раз в июне 1941 года. О войне мы узнали через неделю после ее начала, когда директор съездил в город за продуктами. Вернулся и сообщил:

Мargarита Михайловна справа, середина 1940-х гг.

«Товарищи, оказывается, война началась»... Но паники никакой не было. Думали, что эта война будет короткой, наподобие Финской, что наши очень-очень быстро одержат победу.

Во время войны, когда был голод, родители продали новый женский шевиотовый костюм за 2 тысячи рублей, а на эти деньги купили хлеба и топленого масла. Буханка хлеба тогда на рынке стоила 200 рублей. Вместо сахара давали шоколадные конфеты, я делила конфетку на шесть-семь частей, чтобы на подольше хватило. Во время войны грядки были почти во всех дворах, а от работы выделяли участки земли за городом, на которых сажали картошку.

А 9 мая 1945-го, когда узнали о Победе, помню, все вышли на улицы. Ходили, смеялись, плакали, обнимались с незнакомыми людьми, поздравляли друг друга.

В Перми в 1940-е годы было пять кинотеатров: «Комсомолец» — на улице Коммунистической, «Красная Звезда» — на Комсомольском проспекте, «Победа» — на Советской, «Горн» — в Мотовилихе и «Художественный» — на Ленина.

Школы в то время делились на женские и мужские, а вечера проводились совместные. Многие школы находились там же, где и сейчас. 9-я и 11-я школы были мужскими, 21-я и 17-я — женскими. При школах и пяти институтах (медицинском, фармацевтическом, стоматологическом, педагогическом, сельскохозяйственном) и университете было много кружков. Очень сильный драмкружок был при школе №7 (школа находилась там же, где сейчас), ставили такие серьезные спектакли, как «Борис Годунов», «Анна Каренина».

В 1948 году мы на облигации выиграли 10 тысяч рублей. Купили пианино, приемник с радиолой и поехали всей семьей на теплоходе до Астрахани. В Сталинграде дома разрушенные уже убрали — были одни цветники на набережной, осталась только одна стена разрушенного дома на которой краской было написано «Сталинград».

ЛИДИЯ ФЕДОРОВНА БИЛЕВА

В 1948 году приехала из поселка Майкор и поступила в Пермский коммунально-строительный техникум. После окончания техникума поступила на работу в Облжилкоммунстрой на должность инженера с окладом 700 рублей. Муж, окончив юрфак, начал работать следователем. Его оклад был 630 рублей.

В то время в Перми были в основном деревянные тротуары и грунтовые пешеходные дорожки. Правда, улица Карла Маркса и частично Ленина были заасфальтированы. Деревьев на улицах было немного. Зеленых газонов и клумб практически нигде не было. Улица Карла Маркса была излюбленным местом сбора горожан. Мы почти ежедневно гуляли по ней, начиная сверху и спускались до Козьего загона (сейчас сквер Решетникова), а затем снова поднимались к Горьковскому саду. Иногда заходили в Театральный сквер. Кого только не встречали во время прогулки! Если хочешь кого-нибудь «нечаянно» увидеть — иди на Карла Маркса или к театру и обязательно столкнешься. Улицы в центре были довольно чистыми, обихожеными. Дворники убирали территории, принадлежащие административным зданиям и жилым коммунальным домам. В частном секторе уборка улиц производилась жильцами. За чистотой следил участковый милиционер. Если владелец частного дома вовремя не убрал снег с пешеходных дорожек, ему делалось замечание и даже мог быть выписан штраф.

Общежитие техникума располагалось в деревянном здании по ул. Островского (впоследствии здание Угольного института). В комнатах проживали от пяти до восьми человек. Отопление было печное. Водопровода и канализации не было. Топить печь и приносить воду с колонки входило в обязанность дежурных. Печь в жилых комнатах топили дровами, а кухонную печь растапливали каменным углем. Распилкой дров занимались

В гостях. Фото из фондов ПКМ, 1954 год

студенты-юноши. Стирала и сушила белье на кухне. Нижнее белье девушки сушили в комнатах кто как мог. Мыться ходили в баню. Сколько стоил билет, уже не помню. Стипендия на первом курсе была 130 рублей, на втором — 140, на третьем — 150, на четвертом — 160. Жили почти впроголодь. В праздник лепили пельмени с картошкой. Селедка и винегрет считались праздничной едой. Со стипендии покупали булочки и обязательно шли в театр (чаще оперный) и, конечно же, лакомились мороженым. Билеты в театр на галерку стоили от 1 до 2 рублей.

В будни обычно ели тюрю: хлеб, размоченный в подсахарен-

ной воде. Обедали в студенческой столовой. Чаще всего довольствовались кашей и чаем с булочкой. Налегали на хлеб с горчицей. В столовых они стояли на обеденных столах, и за них не надо было платить.

Студенты, как, впрочем, и большинство людей, одевались более чем скромно. Обувь на каждый сезон — в лучшем случае по одной паре. Летом — баретки (тканевые тапочки на резиновой подошве со шнуровкой), зимой — валенки, осенью и весной — резиновые сапоги. Особый шик — сапожки на каблучке. Но каблук в резиновых сапогах был полый (пустоту в каблучке заполняли тюремком из-под

В продовольственном магазине. Фото из фондов ПКМ

швейных ниток). Сапоги были родными братьями калош, которые надевались прямо на туфли. Но редко у кого из нас тогда были настоящие туфли, да еще на каблучках. А модничать хотелось!

Одежда тоже была очень скромной, часто самосшитой. Моя мама была очень хорошей портнихой. Мне завидовали. Мои платья побывали почти на всех свиданиях (каждой девушке хотелось быть красивой, поэтому на свидание подружек «собирали всем миром»).

Окончив третий курс, я вышла замуж. Муж учился в университете на юридическом факультете. Из общежития перешли жить на съемную квартиру. Это была комната на чердаке в деревянном доме по улице Пушкина. Дом был большой, густонаселенный, ранее принадлежавший какому-то купцу. В одной из комнат (проходная без окон) жила бывшая прислуга бывших хозяев. Тихая женщина. Она все надеялась, что хозяйева вернется, следила в доме за порядком. За комнату платили 100 рублей в месяц. Мебель состояла из кровати, старенького письменного стола и двух стульев. «Диван» соорудили из старого сундука и простыни. Кухонный стол сколотили из дощечек. На нем стояла электроплитка. Занавески на окна сама сшила из марли вручную. Позднее мама подарила оконную занавеску с ришелье. Комната была метров шесть квадратных, но гости приходили почти ежедневно. Мы слыли счастливицами, так как у нас был радиоприемник «Балтика». Он-то и притягивал к нам гостей.

В это голодное для нас время мы начали собирать библиотеку. Не помню, сколько стоили книги. Видимо, недорого, поскольку библиотека быстро росла. Отдельную двухкомнатную квартиру мы получили в 1960 году в Мотовилихинском районе по улице Культуры (ныне улица Лебедева). Дом был построен по ленинградскому проекту. Это было последнее полнометражное здание в городе. После началось строительство так называемых хрущевек.

До постройки дамбы добраться из центра в Мотовилиху было

очень проблематично. Из Разгуляя через овраг по железному мосту проходила однопутная линия трамвайных путей. Сначала один трамвай переезжал мост, только после этого его мог пересечь встречный состав.

После войны, когда отменили карточки, набор продуктов в магазинах был скудный. Кое-какие крупы, подсолнечное масло; хлеб и муку покупали наудачу. Прилавки стали наполняться в 1950-е годы. Но цены были высокие, а зарплаты, тем более стипендии, очень низкие. Помню, по городу было много киосков, где продавали пиво. С внешней стороны всегда висели огромные связки вяленой воблы. Мы лишь облизывались на нее. Думаю, стоила она недорого, но у бедных студентов и на нее не было денег. Удивительно для сегодняшнего дня, но никто в то время даже не пытался украсть хотя бы рыбку. Кражи тогда были большой редкостью. В войну карточки

воровали, да, это было, но, видимо, от отчаянья. А после войны кражи случались очень редко.

В те годы наиболее популярным в Перми был гастроном №1 на углу улиц Ленина и Карла Маркса. Огромные пирамиды крабовых консервов разных сортов поднимались чуть ли не до потолка. Цену их не помню, но, видимо, она была не очень высокая, так как изредка, по праздникам, покупали. За стеклянными полукруглыми витринами лежали разные виды соленых лососевых рыб, начиная от семги. Сельдь тихоокеанская слабосоленая, черная и красная икра красовались в белых эмалированных лотках. Они продавались на вес. Икру и сельдь привозили в гастроном в деревянных бочках. В других магазинах их продавали прямо из этих бочек. Но все это было нам не по карману. Нет, селедочку к празднику все же покупали. Мясо в гастрономе было, но за ним стояли очереди. Люди старались взять то,

Кинотеатр «Красная Звезда». Фото из фондов ГАПК

В хлебном магазине. Фото из фондов ПКМ

что подешевле. Мясо чаще брали почему-то в «Мясном» магазине на Карла Маркса. Мясо по 12 рублей быстро разбирали, относительно свободно была говядина по 18 рублей и свинина по 20 рублей с лиш-

ним. Пользовались популярностью котлеты. Опять же очереди за ними огромные! Спрос был и на ливерную колбасу. Она была вкусной, с сегодняшней не сравнить. Конфет был большой выбор: шоколадные, ирис, мармелад, пастила, карамель. Мы покупали только «Кавказские». Кажется, это помадка в тоненьком слое шоколада. Стоили конфеты дешево, потому мы их и любили. На углу улицы Кирова и Карла Маркса находился рыбный магазин. Выбор был небольшой, но какую-то рыбу покупали, кажется, речную. Был на Карла Маркса и магазин «Овощи». Но свежие овощи здесь продавались только осенью. В остальное время года на витрине стояли овощные консервы (кабачковая икра, например), соки, компоты. Фруктов, можно сказать, в свободной продаже не было. Осенью ими коротко торговали. Придет баржа — от силы пару недель торгуют арбузами, сливой, яблоками, виноградом. Яблоки, мандарины, апельсины — все привозили из московских командировок. Там за ними тоже в очередях стояли. В 1950-е и 1960-е годы и за молоком стояли в очередях. В 1950-е хлеб продавался и черный, и белый, и серый. Проблемы с хлебом начались в 1960-е годы, при Хрущеве. Опять очереди, да какие! Занимали очередь в «Хлебный» чуть ли не на рассвете, затем убежишь с работы, сделаешь отметку хими-

ческим карандашом на руке, и в обед, глядишь, купишь белый хлеб, если повезет. С черным чуть лучше было. Вместо хлебобулочных изделий в бакалеях появилось «кукурузное лакомство» для детворы — воздушная кукуруза и кукурузные хлопья. Появились горы вяленых фиников — 80 копеек за килограмм. Зато мясо исчезло окончательно. На рынке, кажется, было почти все, кроме деликатесов. Но из нашего круга практически никто туда за продуктами не ходил. Ну, может быть, по какому-то особенному случаю или разве только за овощами. Свои овощи мало кто выращивал. Земли не было почти ни у кого. Точнее, у тех, кто не жил в частном секторе и не имел огородов. Так называемые мичуринские участки стали широко давать, наверное, в конце 1960-х.

В 1960-е годы в магазинах было невозможно купить яйца. Мама, живя в сельской местности, держала кур и, приезжая в город, она обязательно привозила десятка три-четыре яиц. Это был праздник! Яйцо берегли для стряпни (дешево, сытно, вкусно). Позволить себе яичницу — роскошь. Яйцо появилось в свободной продаже в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда построили Пермскую и Менделеевскую птицефабрики.

В магазинах одежды преимуществом была продукция фабрики «Пермодежда». Скучно и однообразно. Благо, мама была портниха. Подружки шили либо сами, либо в ателье (чаще в «Ладе» на Комсомольском проспекте), либо, когда мама приезжала в гости, уговаривали ее сшить. Наиболее посещаемые промтоварные магазины в то время — это, пожалуй, «Одежда» на Карла Маркса и так называемый «Железнодорожный» магазин на улице Советской. Какие фабрики выпускали обувь, я не помню. Помню только, что купить обувь ленинградской фабрики «Скорострой» считалось большой удачей. Кажется, в 1960-е появилась чешская обувь. Туфли-лодочки стоили от 30 до 45 рублей. Баснословная цена! Копили, выкручивались, но по одной паре уже имели. Бытовая техника появилась в продаже тоже где-то в 1960-е.

В нашем кругу первые холодильники на кухнях появились именно в это время. Стояли за ними по полтора-два года в очереди. Отмечаться надо было раз в месяц. При выходе на «стартовую прямую» походы в магазин для отметки учащались до одного раза в неделю, а когда партия тех же холодильников была «на подходе», нужно было отмечаться каждый день. Отсюда возникло такое явление, как блат. И мы им пользовались, когда он у нас был. Подобным образом приобретались телевизоры, ковры, диваны, автомобили, модная обувь и одежда. В нашей семье холодильник б/у появился где-то на рубеже 1969–1970 годов. Телевизор еще позднее.

В 1960-е годы наш гардероб немного расширился. Появились зимние ботинки, осенние туфли, босоножки летом и даже выходные (или театральные) туфли. Выходной костюм и нарядное платье уже у многих были в гардеробе. Хотя с мужскими костюмами было сложнее. Чаще костюм одновременно был и рабочим и выходным. Новинкой в мужском гардеробе стали в конце 1960-х годов нейлоновые рубашки.

Отпуск в 1950-е годы большинство проводили в городе или у родственников в деревне. Ездили на пляж в Курью (пользовались переправой или пассажирским катером), устраивали пикнички в Балатовском лесу. На камгэсовский пляж ездили электричкой. В выходные она была переполнена так, что двери не закрывались. К Камгэсу состав приходил набитый битком. Втискивались в тамбур с трудом. Страх, что тебя нечаянно могут столкнуть, заставил отказаться от пляжных поездок. Слишком маленькие были тогда дети.

Ездить на юг начали только в 1960-е годы, чаще по профсоюзной путевке. Если семьей, то «дикарями». Питались в столовых относительно недорого, но из экономии старались снять комнату с кухней, то есть иметь возможность готовить «дома».

В 1950-е годы основным транспортом в Перми был трамвай. Вагоны были деревянными, без подогрева, двери закрывались

Колхозный рынок, начало 1960-х годов

вручную. Пермский трамвай в те годы был всегда переполнен. Пассажиры «гроздьями» висели на подножках, так как ходили трамваи довольно редко. В часы пик сесть в вагон было ой как непросто! Поэтому мы с мужем ходили на работу пешком. Он на улицу Коммунистическую, а я на угол Орджоникидзе и Куйбышева. Это примерно ходьбы быстрым шагом минут 45–50. Дочь вынуждена была отдать в сад-интернат и забирать домой лишь на выходной. Мера вынужденная, но иного выхода не было. Детсад находился на углу Куйбышева и Белинского. До сада добираться нужно было с пересадкой. Висеть с ребенком зимой на подножке невозможно (трамвай на нашу остановку приходил уже переполненным). Летом, чтобы не оставлять дочь в детском саду, если не удавалось втолкнуться в трамвай, от Разгуляя до Белинского шли пешком. Я на работу потом бежала как угорелая. И так каждый день. Трамвайных маршрутов было мало. Один маршрут ходил от Мотовилихи до Разгуляя, другой — от Разгуляя до завода им. Сталина (Свердлова). Кажется, был из центра маршрут и на «Красный Октябрь». Когда где-то в 1960-е по Комсомольскому проспекту пошел троллейбус, мы ликовали! Такси практически не пользовались, было не по карману. В редчайших случаях брали

такси: засидевшись в гостях до прекращения работы общественного транспорта, ночной поезд и т.п., но это уже в 1960-е годы.

Обедали обычно в столовых. Наш строительный трест ходил в военоторговскую столовую на Орджоникидзе. Там было два зала: один для офицеров, другой — общий. Готовили вкусно. Обед выходил копеек на 50, иногда «шиковали» копеек на 70–80. Гречневая каша — большая редкость и общелюбимый гарнир. К концу рабочего дня бегали в столовую купить пончики и другую выпечку к чаю. К дополнительному 15-минутному перерыву начальство относилось лояльно. Выпечка продавалась очень вкусная и стоила недорого, буквально копейки. В кафе и рестораны мы никогда не ходили. Дорого. Первый раз попала в ресторан уже в 1970-е годы. Самым популярным был ресторан «Кама». «Нева» считалась попроще, но тоже была на слуху. Опять же люди моего окружения не могли позволить себе поужинать в ресторане или отметить там день рождения.

Не помню какого-либо страха, каких-либо разговоров про преступления ни в 1950-е, ни в 1960-е годы. Хотя муж работал в прокуратуре, никаких наказов, когда и куда не следует ходить, не было. Ключ от входной двери оставляли детям под ковриком в подъезде. Так, кажется, поступала половина города.

Так люди добирались на работу. Фото из фондов ПКМ

Еще студентами и вплоть до рождения старшей дочери любимыми кинотеатрами были «Художественный» и «Комсомолец». Иногда посещали «Победу» и кинозал Дома офицеров. Стоимость билета на вечерний сеанс где-то копеек 25. Когда стали жить с мужем в Мотовилихе, чаще стали ходить в «Молот». В 1950-е годы фильмы шли подолгу, думаю, по месяцу — не меньше. Обычно в прокате шли фильма три. Одни фильмы шли повторно, другие — новые. Билеты купить было трудно и на те и на другие, но на премьеры особенно. Хочешь по-

смотреть только что вышедший на экраны фильм, побеспокойся о билетах заранее. В кино ходить любили! В 1960-е годы в прокате фильмов стало побольше, а шли на экранах по времени уже чуть меньше. Быстрее стали меняться названия на афишах. Появились детские сеансы, билет на них стоил 10 копеек. Интерьеры в кинотеатрах были довольно безликие. Не могу вспомнить что-то такое, что бы запомнилось. Первым выбившимся из общего ряда похожих друг на друга киношных интерьеров стал кинотеатр «Кристалл».

С таких тележек обычно продавали мороженное. На тележке написано Молотовский трест столовых. Чайная №3. Фото из фондов ПКМ

Следующий наш респондент из другого времени и другого поколения

ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВИЧ БЕЛЯЕВ

55 лет. Проживает в Перми с 1960 года. Работал в пожарной охране в должности инспектора и старшего инспектора; на Пермском заводе «Машиностроитель» (ранее — ПЗХО) термистом, заведующим детским спортивным клубом «Искра», председателем коллектива физкультуры «Скиф», начальником отдела социального развития; заместителем председателя комитета по физической культуре и спорту администрации города Перми

С 1960 по 1977 год мы жили в микрорайоне Костарево в частном доме; два года — в доме гостиничного типа (комната площадью 9 кв. м) в микрорайоне Молодежный; десять лет — там же в микрорайоне Молодежный в однокомнатной квартире (11 кв. м); с 1989 года — в микрорайоне Вышка-2 в двухкомнатной квартире (общая площадь 51 кв. м). Когда жили в «частном» секторе за водой ходили на колонку; дрова, а потом уголь, покупали; баня была своя.

Магазины в 1960-е годы «отличались» скудным ассортиментом. Из продуктов главным образом покупали: хлеб (14 и 20 копеек), колбасу по 2-20 или по 2-90, соль, сахар и мясо. За молоком приходилось ходить в Рабочий поселок (28 копеек за литр). Все остальное выращивали на своем огороде: картофель, лук, чеснок, огурцы, помидоры, яблоки, крыжовник, смородину, вишню и т.п. Держали кур. О наличии в те годы у кого-то стиральных машин или холодильников я просто не слышал. Стирала в бане или ходила на колду. Продукты хранили в овощной яме или в погребе.

Телевизоров в 1960-е годы на нашей улице было считанное

количество, в основном КВНЫ и «Рекорды». У некоторых имелись проигрыватели грампластинок или радиолы.

Что касается ширпотреба, он в те годы тоже не отличался разнообразием. Промтовары запомнились своей простотой и дешевизной. Одежда и обувь в продаже были «хмурых» тонов. Смотрелись, мягко говоря, не очень. Насколько помню, особо модных вещей жители Костарево не носили. А вот хорошие грампластинки были в цене. Как правило, они стоили два-три номинала.

Живя в поселке Костарево в 1960-е годы, городской транспорт мы видели только тогда, когда пешком выбирались в Рабочий поселок или на улицу 1905-го года. Происходило это нечасто. Если и ездил, то чаще на трамвае. Стоимость проезда была 3 копейки.

В те годы ни о каких кафе и ресторанах я не думал. Мы, пацаны, любили пирожковую на улице 1905-го года. Когда бывали в той стороне, обязательно ее посещали. Пирожки «Уральские» по 10 копеек казались нам объединением. Самым же популярным рестораном был «Металлург» на теперешней улице Лебедева, а чуть позже — «Горный хрусталь», но помню это только по разговорам взрослых.

Что касается преступности в те годы — были и случаи разбойных нападений, и убийства, впрочем, как и слухи о различных бандах (в газетах в то время об этом не писали). В нашем поселке, нецивилизованном и бедном, было много уличной шпаны. Обычным явлением были драки «стенка на стенку» между нашими пацанами и парнями с Висима и Коноваловских Пашен.

Театры для нас были чем-то далеким, недостижимым. Разве что иногда бывали на спектаклях и концертах в детском Доме культуры на улице 1905-го года. Что касается кино, то мы старались не пропускать ни одного нового фильма, которые демонстрировались в кинотеатре «Горн». Особенно запечатлелись в памяти

Кондитерский отдел Центрального гастронома, 1971 год. Фото из фондов ГАПК

фильмы про Фантомаса. Сейчас сериал о Фантомасе относят к жанру комедии, тогда для нас это был настоящий фильм ужасов. О Фантомасе говорили все и везде. Многие в то время считали, что показ фильмов о Фантомасе спровоцировал всплеск преступности...

Помню, в кинотеатре «Горн» работал буфет: газированная вода с сиропом, выпечка и сладости. Сам же кинотеатр был убогим: стены, полы, окна были обшарпанными, невзрачными.

Улица 1905-го года, 1960-е годы. Фото из личной коллекции Ю. Рейхардта

Как проводила досуг молодежь? Все свое свободное время — на улице. Играли в футбол, хоккей, лапту, в «Двенадцать палочек», «Цепи кованые»; гоняли «попа». Конечно же, играли в войну. Когда повзрослели, стали ходить на танцы, опять же пешком в сад Свердловла.

Редакция выражает благодарность Наталье Дубровских (Смышляевой), Наталье Плотниковой (Билевой), Валерию Беляеву за предоставленные материалы. Публикация подготовлена Валерией ЗИЛЬБЕРМАН

СВЕЖО ПРИДАНОЕ, ДА МЕРИТСЯ С ТРУДОМ

Приданое купеческой дочери конца XIX века

Репродукция картины В. В. Пукирева «Прием приданого по росписи»

Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самой обрез: сколько приданных, столько и женихов.
А.Н.Островский. «Бесприданница»

Приданое было важнейшим элементом института семьи в традиционном обществе, для любых сословий — от крестьян до аристократов. Имущество, выделяемое невесте ее родителями и собранное ею самой для замужества, было одним из условий одобряемого обществом и престижного брака. Отсутствие приданого или его недостаточность рассматривались как нарушение важного компонента полноценного и счастливого брачного союза — союза двух семей. Крестьянские девушки с детства начинали трудиться для того, чтобы принести в семью мужа приличное приданое. Аристократки получали от родителей земли, титулы и родственные связи, необходимые для успешной карьеры. Представители городских сословий — купцов, мещан, мастеровых также считали

приданое важнейшим условием брака. В его качестве могли выступать денежные капиталы, недвижимость и различные ценные вещи. Предполагалось, что муж должен заботиться о «пропитании» семьи — то есть зарабатывать деньги, а жена — вести хозяйство, выполняя всю женскую работу (или руководить ею, если семья была зажиточная). Чтобы не начинать создание домашнего хозяйства с нуля, невесте полагалось иметь необходимый минимум одежды, постельных принадлежностей и домашней утвари. Количество сундуков с приданным и его качество подчеркивали статус невесты и ее семьи.

В одном из архивных дел фонда Пермского окружного суда сохранился список приданого дочери пермского купца Ивана Ивановича Расова¹. Он выдавал дочь замуж в 1891 году, когда в Перми было еще немного современных магазинов, торговавших товарами широкого потребления, равно как и модных ателье, ювелирных лавок и т.д. Их стало больше в начале XX века, но и тогда в провинции ку-

пить многие вещи было не так-то просто — местные торговые заведения отставали от столичных по ассортименту, притом нередко завышали цены. Возможно, поэтому И. И. Расов предпочел в традиционном духе снабдить всем необходимым для «женской» составляющей домашнего хозяйства новой семьей.

Публикуемый ниже список приданого Александры Расовой содержит иконы, столовое серебро, фарфор, хрусталь, белье, одеяла, платья, шали, украшения, верхнее платье и т.д. — всего на сумму 6402 рубля 55 копеек. Для сравнения укажем, что учитель земской начальной школы в Пермской губернии получал в то время жалованья 360 рублей в год. Жалованье учителей гимназии, врачей, чиновников среднего уровня, редко превышало 1 тыс. рублей в год. За три тысячи рублей в Перми можно было приобрести хороший деревянный дом с усадьбой и всеми хозяйственными постройками. За двадцать тысяч — небольшой каменный двухэтажный особняк.

№	Название вещей	Количество	Цена	Сумма
СВЯТЫЯ ИКОНЫ				
1	Божией Матери Знамение в серебряной 84 проб. позолоченной ризе с венцом с аметистами и топазами вышиною 8 вершк., шириною 7 вершк. в киоте. Весу серебра 115 золотн.	1		150
2	Благовещения Пресвятыя Богородицы с предстоящими: преп. Прокопием и Иоанном Устюжскими чудотворцами, в серебряной 84 проб. позолоченной ризе, вышиною 8 вершк. и шириною 7 вершк. в киоте.	1		75
3	Божией Матери, подаренная крестною, в серебряной 84 проб. позолоченной ризе	1		10
4	Лампада серебряная 84 проб., позолоченная	1		25
ЧАЙНОЕ И СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО				
5	Солонок серебряных 84 проб. Позолоченных	3		26
6	Чашечка с блюдцем серебр. 84 проб. Золоченая	1		22
7	Подстаканчик серебр. 84 проб. Золоченый	1		16
8	Сливочник серебр. 84 проб. Золоченый	1		18
9	Сахарница серебр. 84 проб. Золоченая	1		21
10	Корзинка для хлеба к чаю серебр. 84 проб. Золоченая	1		30
11	Ситечко чайное серебр. 84 проб. Золоченое	1		4-75
12	Щипцы для сахара серебр. 84 проб. Золоченые	1		4-50
13	Вилочка для лимона серебр. 84 проб. Золоченая	1		3
14	Чайных ложек серебр. 84 проб. Золоченых	12		18-29
15	Чайных ложек серебр. 84 проб.	13		18
16	Чайная ложечка серебр. 84 проб. Золоченая. Детская	1		2
17	Бокалов серебр. 84 проб. Золоченых	2		12
18	Ложек столовых круглых серебр. 84 проб. Золоченых	12		75
19	« « то же востроносых серебр. 84 проб.	12		50
20	« « то же десертн. кругл. серебр. 84 проб. Золоченых	3		10
21	Ковш полукруглый разливш. серебр. 84 проб. Внутри золоченый	1		8
МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ВЕЩИ И МЕДЬ				
22	Судак к столу мельхиоровый	1		7
23	Самовар британск. метал. Фабр. Буш	1		41
24	Чайник британск. метал.	1		10
25	Поднос под самовар такой же с резьбой	1		12
26	Подсвечников брит. металл. Резных	2		10
27	Таких же гладких	2		8
28	Самовар томпаковой вазой	1		12
29	Самовар зеленой меди большой	1		18
30	Кадца красной меди большая	1		30
31	« « средняя	1		9-35
32	Подносов под самовар зеленой меди круглых	2		5
33	Кастрюль разной величины красной меди	7		11-10
34	Ковшов медных красной меди	2		2
35	Тазов зеленой меди	2		5
36	Кофейник красной меди	1		1-50
37	Подносов железных тагильской работы	2		3-50
38	Ножей и вилоч Златоуст. с насечкою позолоч.	1 дюж		18
39	Ножей и вилоч Златоуст. Под серебро	1 дюж		12
ХРУСТАЛЬ И ФАРФОР				
40	Чайный сервиз фарфоровый	1		14
41	Стаканов чайных хрустальных	12		5-40
42	Стаканов средних хрустальных	12		4-20
43	Блюдцев чайных	12		3-60
44	Бокалов хрустальных	12		4-50
45	Рюмок	12		3-36
46	Графинов	2		5
47	Кувшинов: хрустальный для воды	1		2-50
48	« « фарфоровый	1		1-50
49	Столовый сервиз на 24 персон. фабр. Кузнецова	1		75
БЕЛЬЕ				
50	Скатертей столовых разной величины	18		175
51	Салфеток ручных столовых	7 дюж		50
52	Скатертей цветн. столов. разной величины	20		175
53	Полотенцев разн. полотн. с вышивкой и без вышивки	25 дюж		500
54	Сухарниц пеньговых	12		15

№	Название вещей	Количество	Цена	Сумма
55	Платков носовых полотняных	46		30
56	Наволоч полотн. на подушки вышивн. парадных	10 перем		180
57	Наволоч на подушки каждодневных	5 «		20
58	Накидки на подушки строченые	4 «		50
59	Простынь полотняных с вышивк.	4 дюж		325
ОДЕЯЛА				
60	Шелковых	2		70
61	Байковых	1		12
62	Тканевых	2		16
63	Ситцевых стяженных	3		15
64	Пуховик двухспальный	1		130
65	Матрас волосяной двухспальный	1		17
66	Подушек пуховых разной величины	8		70
67	Чехлов белых полотняных	2		10
68	Полог тюлевый	1		25
69	Покрывало тюлевое на постелю	1		25
НОШЕБНОЕ БЕЛЬЕ				
70	Сорочек дамских полотняных	9 дюж		350
71	Кальсон	2 дюж		70
72	Кюфточек спальных полотняных	18		50
73	Юбок белых полотняных	15		50
74	« цветных гарусных с вышив.	2		25
75	Чулков разных цветов	6 дюж		20
76	Фартуков полотн. 3 и шерстяной 1	4		12
ПЛАТКИ И ШАЛИ				
77	Платков шелковых разной величины	3		12
78	Шалей шелковых разной величины и цвета	2		30
79	« гарусных	4		20
80	« пуховых серая и белая	2		15
81	Шарф синелевой	1		6
82	Фишу шелковое плетеное крем.	1		30
КОМНАТНЫХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ				
83	Штор тюлевых оконных	5		35
84	« полотняных	5		30
85	« « маленьких	10		10
86	На комод салфеток разных	4		30
87	Салфеток на столы вязанных	8		45
88	« тож гарусных	4		21
89	« тож бархатных	1		14
90	Подушка диванная бархатная выш.	1		15
91	Ковров бархатных	2		50
92	« персидских	3		35
93	« тюменских	9		30
ПЛАТЯ И МАТЕРИИ				
94	Платьев шелковых шитых разн. цвет.	7		400
95	Материй: на платяя шелков. разн. цвет.	4		100
96	« на кофту шелковую	1		4
97	« тоже шерстяную	1		1
98	« на платье гарусное	1		7
99	Платьев шитых шерстяных	11		300
100	« « ситцевых	12		83
БРИЛЛИАНТОВЫХ И ЗОЛОТЫХ ВЕЩЕЙ				
101	Серьги золотые с бриллиантами	1 пар		1115
102	Брошь золотая с бриллиантами	1		110
103	Супир золотой с бриллиантами	1		50
104	Супир золот. Разн. Без бриллиантов	4		25
105	Брошек золотых	4		55
106	Серег золотых	4 пар		30
107	Браслет золотых с разными украшениями	3		75
108	« серебряный кавказский	1		5
109	Часы золотые фабр. Мозер с золотой цепью	1		125
ВЕРХНЕЕ ПЛАТЬЕ				
110	Ротонда резн. бархат. цветн. на хребтовом лисьем меху с собольим воротником	1		300
111	Шубы в талию на лисьем меху с собольим воротником	2		175

№	Название вещей	Количество	Цена	Сумма
112	Шуба простая на бельем меху с собольим воротником	1		50
113	Шуба поношенная на бельем меху	1		20
114	Кофта бархатная стяженная	1		50
115	Накидка плюшевая малиновая	1		12
116	Накидок расхожих	2		12
117	Пальто летних разных цвет.	3		30
118	« драповое весеннее	2		30
119	« плюшевое стяженное	1		65
120	« летнее белое плюшевое	1		45
121	Ротонда резн. цвет. бархата на голубой шелковой подкладке стяженная	1		100
122	Сундуков разной величины	8		40
123	Полуимпералов	8	5	40
124	Серебряной монеты рублев. достоин. 84 проб.	5		5
125	« « разной мелкой			5
126	Визитная шляпа розовая	1		15
127	Шапочка плюшевая	1		6
128	Шапочка белая шелковая	1		6
129	Весенняя шляпа	1		7
130	Муфта бархатная	1		4
131	Ридикюлей	4		4
132	Коврики под подсвечники	2 пар		2
133	Плюшевый альбом	1		5
134	Серебряный портмоне	1		12
135	Серебряный наперсток	1		1
136	Шелковых перчаток	20 пар	1	20
137	Туалетных принадлежностей: щеток, гребенок и проч.			18
		Итого		6402-55

Жених и невеста. Фото из частной коллекции

Характерно, что список приданого отрывают иконы — для купеческой или мещанской семьи конца XIX века они были не просто элементом домашнего декора и ценной вещью, а сакральными предметами, вокруг которых проходили почти непрерывные ритуалы. Ежедневно значительную часть времени, нередко не один час, домочадцы проводили в молитвах. Иконы накапливались в доме в течение многих лет и передавались из поколения в поколение.

Порядок расположения бытовых предметов в списке приданого может служить отражением системы ценностей горожан того времени. Неслучайно, что после икон в списке приданого идут посуда, столовая и кухонная утварь. Приготовление и прием пищи были не просто важнейшей частью домашней жизни и предметом почитания хозяйки, пища и организация застолья в традиционном обществе были важнейшим социальным маркером и символом

статуса. Отметим, что в приданом дочери Расова преобладает, хотя и фарфоровая, но недорогая посуда Кузнецовской фабрики, но в то же время целых семь кастрюль красной меди и два самовара.

Одежда невесты занимает значительное место в списке приданого, ее количество предполагает использование в течение многих лет, даже десятилетий. Родители явно не предусматривали (или игнорировали) потребность следовать за изменениями моды — в купеческих семьях в провинции слишком модная одежда для замужних женщин считалась необязательной и даже неприличной.

Все приданое помещалось в восьми сундуках, которые обычно выставлялись на всеобщее обозрение, как мы можем видеть на картине художника В. В. Пукирева, запечатлевшего этот важный момент повседневности XIX века.

Андрей БУШМАКОВ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии
Пермского государственного
института искусств и культуры

¹ Дело по иску Федора Ивановича Клопова к жене Александре Ивановне Клоповой о совместном жительстве 1891–1894 гг. / ГАПК. Ф.1. Оп.1. Д.435.

К 400-летию Дома Романовых

ЧЕЛОВЕК «ЯВНО НЕ ИЗ НАШЕЙ СРЕДЫ»

Великий князь Михаил Александрович глазами пермяков

ПРИЕЗД В ПЕРМЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА — СОБЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ

Появление в Перми Великого князя Михаила Александровича в марте 1918 года — событие, безусловно, незаурядное, обратившее на себя внимание всех слоев населения губернского центра. И это не случайно. Михаилу Александровичу согласно манифесту его венценосного брата Николая II, отрекшегося от престола за себя и своего сына Алексея, была передана верховная власть в стране.

Из манифеста отречения императора Николая II:

«В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол

Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в этом ненарушимою присягу...»¹.

Михаил Александрович, как известно, своим манифестом отнес решение вопроса о будущем государственном устройстве на усмотрение Учредительного собрания. Тем временем ураган революции распространялся со страшной силой. Манифест Михаила Александровича лишь на время отсрочил наступление Гражданской войны. Романовы были сразу же исключены из дальнейшей политической борьбы.

Если бы прибытие Великого князя Михаила Александровича, брата царя и героя войны, в Пермь случилось бы на полтора года раньше, то прием был бы совсем иным. Однако сейчас, в марте 1918 года, Михаил Александрович Романов — увы, ссыльный, именуемый как «бывший Великий князь». Отношение пермяков к Михаилу Александровичу в этой связи было очень дифференцированным, зависящим от взглядов на революционные события и новую власть.

Отношение же самой новой власти к Михаилу Романову было откровенно враждебным с самого начала. По прибытии в Пермь ссыльных поместили в тюрьму, и лишь требования в самые высокие инстанции позволили им через неделю выйти из заключения и перейти на «свободное проживание».

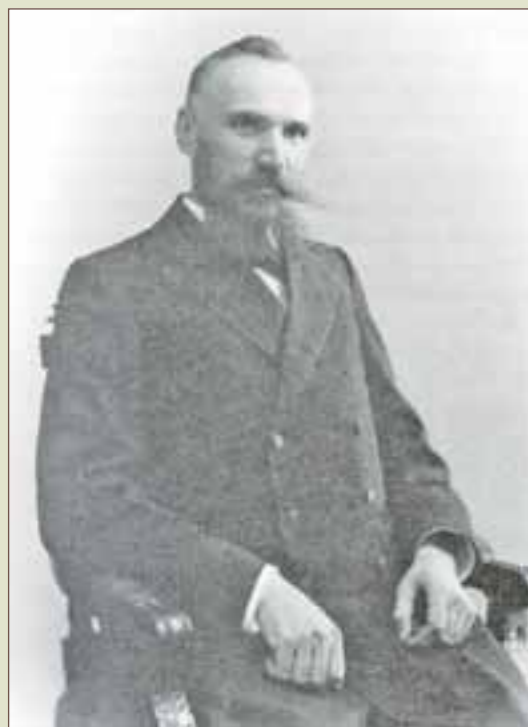
Другим фактором, определявшим отношение обывателей Перми к Великому князю, — ощущение нарастающей тревоги. Огонь Гражданской войны начинал разгораться. И хотя обстановка в городе была еще достаточно спокойной и жизнь протекала в обычном русле, с каждым днем события убавляли надежду на благоприятный исход наступивших революционных потрясений. Выступление чешского корпуса парализовало работу Транссибирской железной дороги, в результате чего в Перми к лету 1918 года скопились тысячи беженцев и просто пассажиров, которые застряли здесь и не могли уехать.

В такой ситуации простое присутствие Великого князя Михаила Александровича действовало на многих, даже далеких от политики людей, раздражающе.

Из воспоминаний А.В. Маркова: «...В конце мая 1918 года и в начале июня в гор. Перми и Мотови-

В.К. Кобяк. Фото из книги «Кобяк. Семейная хроника»

Г.И. Кобяк. Фото из книги «Кобяк. Семейная хроника»

лихе среди населения стали упорно ходить слухи, что Михаил Романов, живя в Перми, часто гуляет по городу и даже за городом, поднимается на Горки и любит виды на завод, реку Каму и противоположный берег реки, откуда действительно хороший вид на эти местности. Эти прогулки и его проживание совпало как есть с моментом описи имущества в церквях, и время было не особенно спокойное. Особенно много беспокоились старухи набожные, которые собирались около церквей, а попы вели агитацию, что большевики хотят отбирать церкви, а когда эти «божьи старушки» узнали о пребывании Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника божия»².

В такой обстановке явная симпатия и сочувствие по отношению к брату «несчастливого императора» могли лишь усугубить положение ссыльных. Конечно, среди горожан были и те, кто из страха перед большевистской властью избегал какого бы то ни было контакта с Михаилом. Так, однажды, когда Михаил Александрович со своим шофером Боруновым хотел зайти в сапожный магазин, тот «закрылся перед (их) носом».

Один из постояльцев гостиницы, приехавший из Екатеринбург-а г-н Крумнис, впоследствии рассказывал: «Сначала я опасался останавливаться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу без всякой за ним слежки». Даже большевистский комиссар, который управлял Королевскими номерами, по свидетельству Крумниса, обращался с ним «вполне корректно».

Однако все, независимо от политических пристрастий, сходилось во мнении, что Михаил Александрович — совершенно реальная фигура главы государства в качестве конституционного монарха.

«Михаил II может стать знаменем, программой для всех кон-

трреволюционных сил. Его имя сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету всех генералов, соперничающих между собой. Фирма Михаила II с его отказом от власти до Учредительного собрания очень удобна как для внутренней, так и для внешней контрреволюции»³, — восклицал Ганька Мясников.

И если заглянуть вперед и учесть трагическую развязку пребывания в Перми Великого князя Михаила Александровича, «последнего царя» Романова, в руках которого пусть одни сутки была верховная власть, то можно сказать, что его приезд для пермяков был событием поистине исторического значения.

ВРАЖДЕБНОСТЬ НОВОЙ ВЛАСТИ

Большевистская власть в Перми рассматривала вопрос ссылки Великого князя Михаила Александровича с непримиримых революционных и классовых позиций. В расписке горисполкома Пермского Совдепа, выданной представителям Совета Комиссаров Петроградской трудовой коммуны, о доставке Михаила Романова и других ссыльных из Петрограда в Пермь от 17 марта 1918 года, Михаил Александрович именуется как «арестант», как «бывший великий князь». В этой связи не удивительно, что постановлением Пермского губисполкома об аресте Михаила Романова от того же 17 марта 1918 года Романов (по причине недопомощи. — прим. Л.П.) заключается в тюремную больницу, а остальные в тюрьму на общий тюремный режим. Когда же ссыльные были отпущены «на свободное проживание», то им предписывался гласный надзор сначала в милиции, а с 20 мая — в Пермской губернской ЧК.

Из статьи «Похищение Михаила Романова», составленной Пермским истпартом для проекта сборника «Борьба за власть» на основе воспоминаний исполнителей теракта:

«(...) В 1918 г. Урал послужил местом высылки и ссылки исконных врагов рабочего класса России и Советской власти. В частности,

в начале 1918 г. прибыл в Пермь один из членов царской семьи, поднадзорный Михаил Романов.

Вскоре вслед за Романовым в Пермь стали съезжаться никем не высылаемые лица, т.е. вся «великосветская» публика — семьи великих князей, «великие» княгини и князья, их телохранители и т.п.

В общем можно заключить, что негласно вслед за ссыльным Романовым выехала сюда постепенно вся его свита и различные родственники, которые селились в отдаленных кварталах Перми.

(...) Необходимо отметить, что в те дни обывательщина Перми была сильно встревожена «гонением на церковь», которое принесла с собой Советская власть, производившая учет церковного имущества в связи с отделением церкви от государства.

Набожные старушки стали утешаться тем, что ходили «хотя глазком взглянуть на будущего помазанника божия».

Таким образом, около Михаила Романова и его прогулок создавалось нечто вроде паломничества обывательщины».

Легко заметить, что факты искажаются и излагаются с предвзятостью классовых и революционных позиций. Окружение Михаила Александровича было не настолько велико, чтобы это вызывало беспокойство. Причина возмущения объясняется другим. Мятельный рабочий класс вообще не имел представления об образе жизни представителей высшего света. И даже очень скромное пребывание Великого князя в Перми их раздражало.

«Ведь что такое Михаил? — рассуждает в своей «Философии убийства» Гавриил Мясников. — Очень глупый субъект. Одеть его в блузу рабочего, запретить называться Михаилом Романовым, заставить работать, ну, хотя бы молотобойцем, и он будет выглядеть не очень развитым, недалеким рабочим. А вот, поди же ты! Получилась такая расстановка борющихся сил, что этого недалекого человека выдвигают на роль вершителя судеб величайшей страны, и из него может получиться впо-

следствии некое божеское воплощение на земле»⁵.

В.Ф. Сивков, член Пермского губсовдепа, некоторое время проживал в гостинице Благородного собрания по соседству с Михаилом Александровичем (куда ссыльных поместили после освобождения из тюрьмы). В своих воспоминаниях он позднее записывает впечатление от встречи с Великим князем:

«...Когда я уходил на работу, одновременно со мною в коридор вышел высокий стройный блондин с военной выправкой, в сером свободном плаще, в фуражке военного образца и начищенных сапогах. При виде его невольно возникало представление о гвардейце.

Заинтересовавшись этим человеком явно не нашей среды, я пошел следом за ним, и так мы дошли до губчека. Там он зашел в комнату дежурного коменданта, а я прошел к Малкову и, рассказав о встрече, спросил, кто это такой.

Павел Иванович, улыбаясь, спокойно ответил мне, что это калиф на час Михаил Романов, в пользу которого Николай II отрекся от престола. Он здесь в ссылке и обязан утром и вечером регистрироваться в нашей комендатуре. За ним установлено наблюдение»⁶.

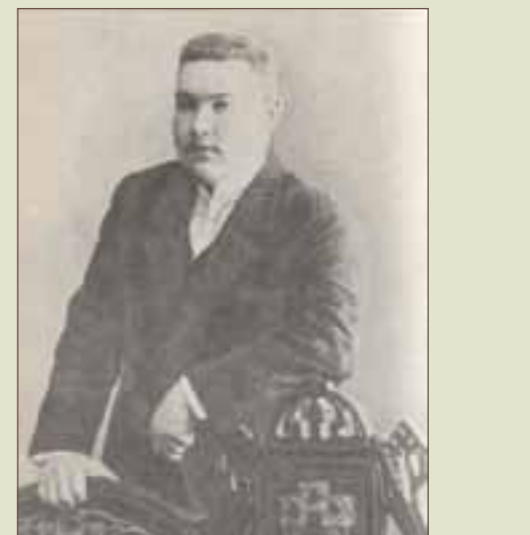
ДРУЖЕСКИЙ КРУГ

За три месяца пребывания в Перми у Великого князя Михаила Александровича все же сложился небольшой круг друзей. Прежде

Т. В. Алина, владелица мехового магазина на ул. Сибирской. Фото из книги «Скорбный путь Михаила Романова»

всего, необходимо упомянуть семьи предпринимателей Кобяк и Тупициных, купцов Алиных. Явно выражать и тем более фиксировать на бумаге расположение к опальному Великому князю для них было опасно. Поэтому об их истинных отношениях нам приходится только догадываться и больше руководствоваться косвенным свидетельствами.

Алины — сын и дочь

Об очень теплых, заботливых отношениях, возникших между Михаилом Александровичем и семьей известного пермского предпринимателя и общественного деятеля, изобретателя электролитной воды, потомственного дворянина, редактора «Пермских губернских ведомостей» Георгия Игнатьевича Кобяка рассказывают нам потомки этого замечательного человека: «Михаил пользовался правом свободных прогулок по городу, мог встречаться с интересующими его людьми, бывать у них дома, но все это происходило под неусыпным надзором местной чрезвычайной комиссии, где Великий князь обязан был ежедневно отмечать свое присутствие. Семья Кобяк, следуя дворянской чести, воспитанию, долгу служения Вере, Царю, Отечеству, не могла остаться в стороне от участия в судьбе изгнанников. Георгий Игнатьевич и Вера Константиновна, рискуя собственной жизнью, благополучием родных, протянули им руку помощи. Они подружились, им было интересно вместе. Дети — Юрий и Александра — часто навещали Михаила в гостинице. А тот нередко навещался к ним домой на чай. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Михаила Романова... Михаил страдал язвой желудка, и Вера Константиновна ежедневно посылала ему диетические завтраки»⁷.

Михаил Александрович предполагал переехать из «Королевских номеров» на частную квартиру. С этой целью он осматривал дом купцов Алиных по улице Сибирской, 19, который ему очень понравился, но затем он останавливает свой выбор все же на доме Тупициных по улице Екатерининской, 210.

Из протокола допроса С.В. Тупицина:

«С Михаилом Александровичем Романовым я познакомился, когда Романов в сопровождении Джонсона и его жены приехал осматривать квартиру, которую хотел снять у нас для себя, а потом я периодически заходил к Романову для решения некоторых технических вопросов, связанных с наймом квартиры, ходил также со мной и муж моей сестры Добро-

дин Александр Матвеевич... Бывал после этого и Романов у нас»⁸.

Таким образом, Сергей Тупицин при допросе по делу о похищении Великого князя все отношения с Михаилом Александровичем свел к вопросу его переселения на их квартиру. Но горничная Мисюрева говорит о более широком спектре их отношений.

Из протокола допроса Л.И. Мисюревой, прислуги Тупициных⁹:

(...) «Михаил Романов Тупициных посещал довольно часто и подолгу засиживался, разговаривая с Сергеем Тупициным. Но каждый раз при моем появлении разговор прерывался, очевидно, разговор велся такой, что его могли слышать только близкие Тупициным люди. Тупицины также приготовили для Михаила Романова квартиру, которую готовили месяца два. С Романовым к Тупициным приходил также один раз князь Путятин и жена Михаила Романова с какой-то дамой. Тупициных Михаил Романов дарил, от него у них имеется много подарков, знакомством с Михаилом Романовым

Тупицины гордились. Кроме того, я замечала, что у них есть что-то тайное, и это тайное знают только знакомые Тупициных, каковых у них много. Семейство Тупициных часто вслух высказывается, что они ждут свержения Советской власти, чтобы потом быть в милости у Романова, которому они прощают быть царем».

Есть достаточно оснований предполагать, что были люди, которые планировали освободить Михаила Александровича и восстановить монархию. Сам Мясников сообщает о блестяще проведенном допросе молодого белогвардейского офицера, который сознается в существовании организации единомышленников.

(...) «Появление Михаила Романова в Перми, — вспоминает уже в 1958 году председатель Уральского ревкома М.Ф. Горшков-Касьянов, — держали большевики в секрете. Однако в городе стали распространяться слухи, главным образом среди мещан, буржуазии и солдат седьмого полка, о том, что не худо бы вновь на престол пригласить

Дом Тупициных на улице Екатерининской 210. Здесь хотел себе снять квартиру Михаил Романов

Михаила. Стали всячески говорить о его полководческом искусстве и связях с буржуазией. Было ясно, что буржуазия готовится встать под знамя Михаила. Держать в такой обстановке Михаила было невозможно. К тому же он, видимо, знал о подготовке восстания и гордо ходил по номерам гостиницы. Высо-

кий, смуглый, с окладистой черной бородой и Георгиевским крестом на ленте. Около гостиницы вечерами стали появляться подозрительные личности»¹⁰.

Ежедневно прогуливаясь по пермским улицам и вдоль реки, в старом свободном плаще, твидовой шапке и сапогах, а в теплую погоду — в сером костюме, мягкой шляпе и с неизменной палкой в руке, Михаил вскоре стал для жителей города привычной фигурой. До княгини Путятиной в Петрограде донесли свидетельства очевидцев, рассказывавших, что, встречая его на улице, многие горожане «проявляли к нему большое уважение» и что ему часто «приносили разные вкусности». Роберт Уилтон, побывавший спустя несколько месяцев в Перми, тоже услышал, что «в его номере всегда было полно всякой еды» и что во время прогулок по городу Михаил нередко сталкивался с недвусмысленными проявлениями симпатий жителей.

В первые выходные дни по приезде Наташи, вечером в субботу они ходили в театр, где шла пьеса «Мечта любви» с французской актрисой по фамилии Борегар в главной роли. Вместе с ними в ложе находились двое самых известных членов местного дореволюционного света — Сергей и Ольга Тупицины. После спектакля к ним в ложу зашла сама мадам Борегар, и Наташа снова выступила в своей любимой роли

Вид на центральную часть города

хозяйки «салона», игнорируя угрюмые взгляды новой большевистской «аристократии», как прежде она игнорировала презрительные взгляды членов придворного круга»¹¹.

Торжественное шествие Михаила и Наташи на пасхальную службу в Пермский Петропавловский собор подлил масла в огонь большевистской ненависти. «Ярко-монархические церемонии буржуазии, почти ежедневные шествия нового царя-спасителя до кафедрально-го собора по устланной коврами и живыми цветами мостовой раздражали рабочий класс», — заявлял пермский чекист А.Шамарин¹².

ОТНОШЕНИЕ ПЕРМСКИХ ОБЫВАТЕЛЕЙ

Отношение простого люда к персоне Великого князя в архивных документах прослеживается достаточно слабо. Однако красноречивая фраза, перекочевавшая из воспоминаний Маркова в статью Пермского истпарта, раскрывает фактически преклонение перед личностью потенциального царя:

«Набожные старушки стали утешаться тем, что ходили «хотя глазком взглянуть на будущего помазанника божия».

Таким образом, около Михаила Романова и его прогулок создалось нечто вроде паломничества обывательщины».

Такое отношение подтверждается при допросе постояльца гостиницы «Королевские номера» Р.М. Нахтмана:

«Население города Перми, как мне удалось это заметить, пока я там был, относилось к Михаилу Александровичу прекрасно. Он принужден был ходить преимущественно по вечерам: иначе его окружал народ и открыто выражал ему свое сочувствие. Провизией его затаскивали: почти каждый день у него в номере была в банке свежая стерлядь...»¹³.

Даже управляющий «Королевскими номерами» И.Н. Сапожников, будучи осведомителем ЧК, при допросе отвечает о Великом князе сдержанно, спокойно и даже сочувственно. Служащие гостиницы с Михаилом Александрови-

чем не общались, а лишь изредка только видели его, поэтому на допросах, естественно, никаких личных впечатлений не высказывали.

«ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ»

Человек такого статуса, как Великий князь, проживающий рядом, в зоне реальной доступности, не мог не привлечь внимание личностей весьма сомнительного толка. По делу о похищении Михаила Романова проходила одна психически неуравновешенная молодая особа, приезжая, выдававшая себя за княжну Голицину и подозреваемая в связи с этим в причастности к побегу Михаила Александровича.

Из протокола допроса гражданки В.И. Кулеш, обвиняемой в тайном сговоре с Михаилом Романовым и подготовке его побега.

(...) «Живя, как сказано, с детства с супругами Кулеш, я думала, что я их родная дочь, и когда посторонние люди, прислуга и прочие мне говорили, что я княжна или принцесса, то слухам этим все время не верила и не придавала им никакого значения... Когда же я стала поступать в училище, то по книгам действительно оказалось мое имя Булгаковской Верой Ивановной.

(...) В субботу на Страстной неделе я здесь в Перми на известной мне улице увидела одного знакомого офицера Ерофеева, в сопровождении неизвестного мне офицера (...) На другой день утром часа в четыре они пришли (ко мне) в сопровождении неизвестной мне барышни в полупьяном виде и принесли с собой вина (...) в количестве 8 бутылок; разговор был весьма веселый... и во время этого разговора мною была сказана следующая фраза: «Я веселая, могу поднять весь город на ноги», на эту фразу все засмеялись, этот смех задел мое самолюбие, и я стала доказывать, что это для меня возможно, в это время незнакомый мне офицер предложил пари в сто руб., я согласилась.

(...) На пятый день Пасхи я вспомнила о пари с офицерами, взяв книгу «Похождения княжны Таракановой», и по этой книге я составила план для выигрыша пари...

Благородное (Дворянское) Собрание, в гостиницу которого ссыльных поместили после освобождения из тюрьмы. Открытка из частной коллекции

По прочтении книги я пошла в Исполнительный комитет и застала там Башкирова (...) и обратилась к нему со словами, что «мне нужно переговорить с вами по секрету (...), что сейчас же необходимо ехать на пристань и арестовать княжну Голицину с ее слугой, имеющим переписку к Михаилу Романову от Татьяны Романовой».

Далее г-жа Кулеш сообщает о многочисленных случайных встречах и контактах с офицерами и представителями новой власти.

«...Видя, что город по настоящей время моей выдумкой не встревожен и жизнь идет обыкновенно, я поехала в Чрезвычайный комитет и заявила дежурному члену о приезде княжны Голицины с перепиской и прочее, он вызвал Малкова и Воробцова, и вместе с ними я поехала во все пермские гостиницы и номера с проверкой новоприбывших, обыскав все гостиницы и, конечно, ничего не найдя, они возвратились в Чрезвычайный комитет, а я пошла к Барандохину, где ему рассказала всю историю от начала до конца, говоря, что пари я выиграла и всех оставила дураками... В смехе и рассказе я положила ему на стол канцелярский пакет со следующей надписью: «Михаилу Александровичу Романову в собственные руки, секретно, немедленно»... Во время этого разговора в комнату постучали...

В комнату зашли Малков с Воробцовым (...) «Вы арестованы, княжна Голицина, идемте с нами», — шутя и смеясь сказал Малков, а я еще более расхохоталась, думая, что они шутят».

Кулеш была отправлена в тюрьму. Следователи назначили врачебно-психиатрическую экспертизу, в заключение которой сказано, что в связи с фактами грубого обращения с ней и даже насилия со стороны приемных родителей и ранней половой жизнью у нее сформировался эксцентричный неуравновешенный характер, появилась склонность к авантюризму. Медики рекомендовали, если не будет доказана ее причастность к организации побега Великого князя, ограничиться высылкой за пределы губернии. Кулеш продолжает описывать свои фантастические приключения:

«...Врач велел немедленно отправить меня в больницу, на что комиссар Золотилов ответил: «Это очень важная политическая преступница, и мы не имеем права без Чрезвычайного комитета распоряжаться ею». ...На все их вопросы я отвечала им дерзостями или молчанием, и опрос мой был безрезультатен.

(...) К вышеизложенному добавляю, что (...) в Королевских номерах я была приблизительно на четвертый день Пасхи, к секре-

тарю Михаила Александровича Романова (фамилию которого я не знаю) приходила я передать привет от его знакомых.

Швейцара Михаила Александровича я не знала и ничего с ним общего не имею, Михаила Александровича Романова я также совершенно не знаю. Княжной Голициною я писалась на визитных карточках по собственному желанию, не имея на это никакого умысла»¹⁴.

Дело В.И. Кулеш было передано в революционный трибунал. Дальнейшая ее судьба неизвестна, вероятно, она была расстреляна. Вполне возможно, что подобные idiotские выходки лишь усугубляли положение пермских ссыльных.

ВНЕШНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Все, кто случайно встречал Великого князя Михаила Александровича, будь то на улице или в гостинице, милиции или Чрезвычайной комиссии, в театре или кино, отмечали запоминающуюся высокую, стройную, атлетически сильную фигуру человека с военной выправкой. На единственной фотографии пермского периода Его Высочество изображен со своим секретарем Джонсоном, одетым в плащ и мягкую шляпу с опущенными узкими полями. Он отпустил бороду, так как решил, что побреется только тогда, когда выберется из Перми. Именно та-

кими и могли видеть пермяки последнего русского императора и его друга и секретаря Джонсона.

Из протокола допроса уже цитируемого постояльца гостиницы «Королевские номера» Р.М. Нахтмана:

«Я видел в Перми на Михаиле Александровиче такой костюм: серую шляпу, поля которой он обыкновенно опускал, серую английскую накидку из резины (плащ), гимнастерку защитного цвета, без погон, защитные штаны и высокие сапоги».

Другой, также цитируемый нами постоялец гостиницы г-н Крумнис уже позднее, 10 декабря 1923 года в Берлине, дает показания белогвардейскому следователю:

«...Я видел Великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона. Лицо великого князя было грустное, болезненное. Он выглядел болезненно и производил впечатление человека обреченного. Его присутствие в Перми не вызывало среди местных жителей никакого интереса. Впрочем, ввиду господствовавшего кровавого террора, все боялись общения с ним»¹⁵.

ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

«Михаил II может стать знаменем, программой для всех контрреволюционных сил. Его имя

Улица Сибирская, слева — дом купцов Алиных

сплотит все силы, мобилизует эти силы, подчиняя своему авторитету», — рассуждал об опасности, которую представлял Великий князь делу революции, главный идеолог операции по уничтожению Михаила Александровича Романова Гавриил Мясников¹⁶.

Поступали в адрес царственного ссыльного и прямые угрозы.

Из статьи «Похищение Михаила Романова», составленной Пермским испартом для проекта сборника «Борьба за власть»:

«Жизнь Михаила, вернее, великолепные условия его жизни на глазах у рабочих сделали свое дело.

Не раз и не два проходившие мимо Благородного собрания — белого дома с колоннами — рабочие Мотовилихи возмущались: не так, дескать, жили мы, когда нас арестовывали в царские дни... Давно бы его того... уколоть надо бы, а не так (...)»¹⁷.

Из воспоминаний члена РСДРП, члена штаба Красной гвардии, члена Пермского губисполкома, председателя Пермского губернского военревкома В.Ф. Сивкова:

«В июне Пермский Совет снял ограничение свободы для М. Романова. Вольготная жизнь великого князя, его выезды, загородные пикники, его вечеринки, хождения в театр и на концерты и т.п. — все это раздражало местное население, особенно рабочую Мотовилиху. Многие открыто выражали свое недовольство. На заводских собраниях и митингах слышались требования: «Отправить Михаила в тюрьму. Казнить его».

С митинга на Мотовилихинском заводе в городской совет поступила резолюция: если органы власти не посадят Михаила Романова под замок, рабочие «сами с ним раздelaются». Совет предупредил М. Романова: если он не изменит свой образ жизни, ответственность за возможные последствия Совет с себя слагает».

Факты угроз подтверждают современные исследователи Розмари и Дональд Кроуфорды в книге «Михаил и Наталья. Жизнь и любовь последнего русского императора».

Впоследствии все участники расстрела Великого князя пытались выделить свою роль в этой операции, что еще раз подтверждает: решение об уничтожении Михаила Александровича было принято коллегиально.

Вспоминает профессиональный революционер, член РСДРП с 1906 года, председатель Мотовилихинского райкома партии, член окружного комитета партии, член губисполкома, зам. председателя Пермской губчека, член ЦИК Г.И. Мясников (по поздним воспоминаниям):

«...А пристрелили столько, сколько пристрелили провокаторов, из членов Дома Романовых, толк будет, и большой: уничтожение икон, которым молятся и служат эти провокаторы и жандармы. Это не значит, что провокаторов, жандармов и шпииков надо щадить, их надо уничтожить, надо проветрить комнату от 300-летней нечисти, надо перебить всех клопов, вшей, блох и прочих паразитов, но надо бить не щадя ни одного из этих паразитов, и чем жирнее он, чем знатнее, тем скорее кончать с ним»¹⁸.

По воспоминаниям мотовилихинского рабочего, члена РСДРП с 1906 года, комиссара по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями, члена Мотовилихинского ревкома и Пермской губчека А.В. Маркова:

«Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. Помню, в Мотовилихинском Совете рабочих нас было только 50%, остальная часть были меньшевики и эсеры. Борьба с ними также велась отчаянная, они также были против нас и вели агитацию и даже вооружались. Мы же, большевики, хотя и были вооружены, но слабо, хотя главные посты власти были уже в наших руках.

И вот все это взятое вместе и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его из Королевских номеров, где он проживал в Перми на Сибирской улице...»¹⁹.

Мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 года, боевик, работник ЧК, судебных партийных и советских органов, прокуратуры А.А. Миков (из воспоминаний 1956 года):

«А в середине июня, день не припомню, вечером на даче я увидел Малкова Павла Ив. — председателя ЧК в г. Перми. (...) Помню хорошо — день был воскресный. Под вечер уже около койки т. Ре-

шетникова в углубленной комнате собрались: Мясников, М. Туркин, Смилга, Борчанинов Александр, Постоногов и еще двое из города, по фамилии их уже не припомню. Был, кажется, и жилец из флигеля — Сорокин. Опять, уже который раз, речь была относительно Мишки Романова.

Малков выразил опасение, что дальше «держать» Мишку опасно: может сбежать, хотя наблюдение за ним строгое, Мясников посоветовал: постановить — отозвать его обратно в Москву — эвакуировать. «На кой черт возить его туда и обратно — ликвидировать его и все, спустить в Каму и всего делов!» — эта моя реплика как будто смутила всех, а все же я был уверен, за нее были все, и я уверен, что подтолкнуло на более решительное разрешение вопроса о Мишке»²⁰.

На вопрос: «А судьи кто?» в цитируемой «Философии убийства...» Ганька Мясников отвечает: «А странно все-таки: Иван Сусанин. Крестьянин. Спасает Михаила Романова, Михаила I. А я, рабочий, изгой, смерд, закуп, тоже сын крестьянина, уничтожаю Михаила II и последнего»²¹.

Лев ПЕРЕСКОКОВ,
председатель Пермского краевого
отделения Всероссийского общества
охраны памятников истории
и культуры, руководитель
программы «Святой Михаил»

¹ Манифест отречения Николая II/ Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 40.

² Воспоминание А.В. Маркова «Расстрел Михаила Романова»// Там же. — С.С. 144–149.

³ Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова// Минувшее: Истор. альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 48.

⁴ Статья, составленная Пермским истпартом для проекта сборника «Борьба за власть»// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 149.

⁵ Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова// Минувшее: Истор. альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 49.

⁶ Из воспоминаний В.Ф. Сивкова «Пережитое»// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 172.

⁷ Стогова Л.И., Стогова А.А. Ермакова А.Г. Пермь, Кобяк. Семейная хроника. — Пермь, «Раритет-Пермь», 2001. — С. 46.

⁸ Протокол допроса С.В. Тупицина// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 117.

⁹ Протокол допроса Л.И. Мисюревой// Там же. — С. 116.

¹⁰ Из воспоминаний М.Ф. Горшкова-Касьянова// Там же. С. 180–181.

¹¹ Кроуфорд Р. Михаил и Наталья. Жизнь и любовь/ Розмари Кроуфорд, Дональд Кроуфорд (пер. с англ. А. Микоян). — М.: «Захаров», 2008. — С. 511–512.

¹² Там же. С. 519.

¹³ Из протокола допроса Р.М. Нахтмана// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 183.

¹⁴ Протокол допроса В.И. Кулеш// Там же. — С.С. 120–126.

¹⁵ Показания господина Крумниса// Там же. — С. 140.

¹⁶ Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова// Минувшее: Истор. альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 48.

¹⁷ Статья, составленная Пермским истпартом для проекта сборника «Борьба за власть»// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С. 149.

¹⁸ Мясников Г.И. Философия убийства, или почему и как я убил Михаила Романова// Минувшее: Истор. альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 55.

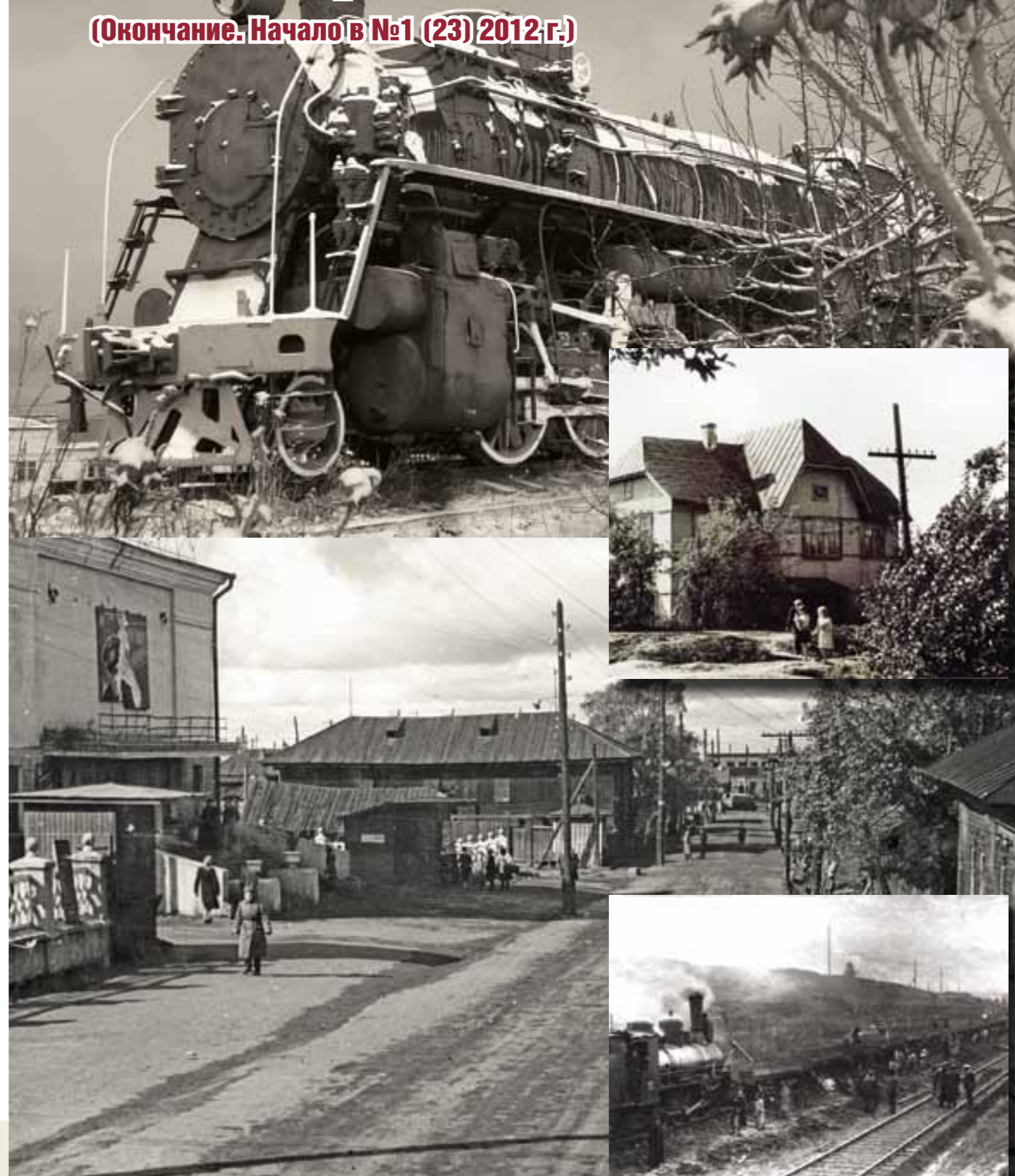
¹⁹ Воспоминание А.В. Маркова «Расстрел Михаила Романова»// Скорбный путь Михаила Романова: От престола до Голгофы: Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания/ Сост.: В.М. Хрусталёв, Л.А. Лыкова. — Пермь, 1996. — С.С. 144–149.

²⁰ Из воспоминаний А.А. Микова «Что делать с Мишкой Романовым?»// Там же. — С. 168.

²¹ Мясников Г.И. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова// Минувшее: Истор. альманах. — М.: СПб., 1995. — Вып. 18. — С. 48.

СЛЕДУЮЩАЯ СТАНЦИЯ — ВЕРЕЩАГИНО

(Окончание. Начало в №1 (23) 2012 г.)

Николай
Алексеевич
ПетренкоЗахар
Филимонович
Ангальт

Николай Алексеевич Петренко, первый директор Верещагинской трикотажной фабрики, назначенный на эту «расстрельную» должность в 1946 году с поста заместителя председателя райисполкома. Руководил фабрикой до своей смерти в 1965 году. Информация об этом человеке крайне скудна. В Верещагино, судя по всему, он попал во время войны в эвакуацию. К моему великому удивлению, я не нашел его в списке почетных граждан города. Впрочем, как и его преемника, Захара Филимоновича Ангальта, о биографии которого известно сегодня еще меньше. Очевидно, он из репрессированных немцев-спецпоселенцев, высланных на Урал в 1941 году.

Именно этим двум руководителям Верещагинская трикотажная фабрика обязана тем, чем она была в жизни города в течение 35 лет. Благодаря им фабрика получила свой современный облик, благодаря им в городе был заложен первый благоустроенный современный микрорайон Фабричный поселок. Благодаря им после ликвидации Верещагинского железнодорожного узла фабрика стала основным промышленным предприятием и застройщиком города. В лучшие времена на «трикотажке» работали более двух тысяч человек. Сейчас, увы, чуть больше двухсот.

«ТРИКОТАЖКА»

До войны Верещагино формировалось, выражаясь современным языком, как классический моногород. Вся его жизнь была полностью ориентирована на железную дорогу. Паровозное депо и станция оставались главными предприятиями-работодателями. Найти работу женщине здесь было очень нелегко. Кроме нескольких предприятий местной промышленности, торговли и общепита, можно было пойти на ту же железную дорогу, например таскать шпалы. Поэтому многие жены машинистов попросту оставались домохозяйками. Достаточно высокая зарплата мужей им это позволяла.

В феврале 1946 года Министерство легкой промышленности РСФСР принимает решение о строительстве в Верещагино трикотажной фабрики. Это событие на ближайшие десятилетия во многом определило дальнейшее развитие города.

Любое масштабное строительство в первые послевоенные годы больше опиралось на энтузиазм и «местную инициативу», нежели на расчет получить из Центра серьезное финансирование. Первоначально под основной корпус фабрики было передано каменное двухэтажное здание райпотребсоюза — то самое, где во время войны находился госпиталь. Здесь раз-

местились четыре основных цеха: мотальный, вязальный, швейный, красильный. К зданию была пристроена паровая котельная. Не было фондов, материалов, механизмов, не хватало даже лопат. Технологическую основу фабрики определяло старое оборудование, переданное с других предприятий, в том числе вязальные машины с фабрик, эвакуированных во время войны из западных областей страны. Ровно через год после начала строительства в мае 1947 года фабрика выдала первую продукцию. Первым директором был Николай Алексеевич Петренко, который руководил предприятием до своей кончины в январе 1965 года. Именно ему фабрика, да и город в целом, обязаны тем, что после ликвидации паровозного депо «трикотажка» на десятилетия во многом стала определять жизнь Верещагино как основной работодатель (во всяком случае для женщин), застройщик и благоустроитель.

ЧТО БЫ МЫ ДЕЛАЛИ БЕЗ ШЛАКА?

Но в течение всех 1950-х годов первенство в городе по-прежнему оставалось за железной дорогой. Верещагинский железнодорожный узел переживал последнее десятилетие своего подъема. Наконец-то было закончено здание вагонного депо. Теперь все ремонтные работы велись в помещении. Вто-

Так выглядел административный корпус Верещагинской трикотажной фабрики в начале 1960-х годов

Улица Первомайская, деревянные столбы с фонарями и дорога, засыпанная тем самым шлаком

рые пути были достроены на всем перегоне от Перми до Кирова. Верещагинские машинисты активно участвовали в движении паровозных бригад за повышение норм суточного пробега локомотивов, увеличение пробега паровозов между промывочными и подъемными ремонтами, осваивали вождение тяжеловесных и двоярных составов. На затяжных подъемах, которыми отличается перегон Пермь — Балезино, стали использовать паровозы-толкачи.

Помаленьку развивается инфраструктура города, связанная

опять же с железной дорогой. На южной окраине города строится небольшой шлакоблочный завод, сырьем для его работы служил паровозный шлак, который десятилетиями сваливался тут после чистки паровозных топков. Из этих шлакоблоков на улице Карла Маркса строятся первые двухэтажные дома квартирного типа. Какие либо элементы благоустройства в них практически отсутствовали, кроме теплого туалета, находящегося прямо в квартире. Но по тем временам большинство верещагинцев о таком жилье могли

Привокзальная площадь, сейчас на месте памятника Ленину установлен бюст В. Верещагина

только мечтать. А в конце 1950-х годов на другом — западном конце города, опять же железной дорогой, начинается строительство двух-трехкомнатных шлакоблочных коттеджей, с приусадебными участками по шесть соток. Здесь жилье получали лучшие машинисты и работники станции. Для Верещагино это было невиданной роскошью.

Вообще в те еще очень бедные и малоблагоустроенные времена наличие огромных отвалов паровозного шлака было для города настоящим спасением. Из шлакоблоков строили жилье, шлаком засыпали ямы на городских улицах, делая их мало-мальски проезжими. На центральных улицах устраивались тротуары — опалубка из досок, заполненная утрамбованным шлаком. Не будь этого шлака, город бы просто утонул в грязи.

В середине 1950-х годов начинается кампания по озеленению города. В районе бывшей деревни Капидоны был разбит городской парк. Правда, основным местом проведения праздников и гуляний по-прежнему оставался железнодорожный сад в западной части города. Одной из самых зеленых становится улица Ждановская (бывшая Водопроводная).

РЕОРГАНИЗАЦИИ И БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В 1953 году в кулуарах МПС было принято решение, значение которому сначала, возможно, не придали даже руководство станции. Пермская железная дорога вошла в состав Свердловской.

Справка: Пермская железная дорога ведет свою историю с 1874 года, с начала строительства первой на Урале Горнозаводской железной дороги. Первый ее участок (Пермь — Чусовская — Нижний Тагил — Екатеринбург) был пущен в 1878 году. В 1899 году открывается движение поездов на Пермь-Котласской железной дороге. В 1909 году Пермь напрямую была соединена с Екатеринбургом через Кунгур и Шалю. К 1917 году Пермская железная дорога была одной из крупнейших в стране и

охватывала огромный регион от Вятки до Тюмени и от Соликамска до Челябинска. Ее протяженность в 1913 году составляла 2553 версты. Подвижной состав насчитывал 578 паровозов, 9907 товарных и 907 пассажирских вагонов. Все это время управление дороги находилось в Перми¹.

В 1919 году большевики переносят управление дороги в Екатеринбург. Но, несмотря на это, до 1936 года дорога сохраняет за собой название Пермской. В 1939 году из состава Свердловской (в то время им. Л.М. Кагановича), правда уже в урезанном варианте², вновь выделяется Пермская железная дорога. В 1953 году Пермская и Свердловская дороги вновь объединяются, с управлением в городе Свердловске.

Казалось бы, какое до всего этого в Верещагино дело? Ан, нет. Существовавшая в стране жесточайшая административно-командная система диктовала свои правила игры. Раньше начальство находилось в Перми. Всего-то два часа на скором поезде. Многие вопросы можно было решить, утром «смотавшись» в Пермь, а к ужину уже возвратиться в Верещагино. Тропинки были натоптанные, а люди все больше свои, хорошо знакомые. Теперь нужно было не просто по каждому мелкому вопросу ехать в Свердловск. Сначала нужно было обращаться в отделение дороги в Перми, получить там необходимые подписи, а затем ждать, пока твоей бумажке будет дан законный ход в Свердловск, и опять ждать оттуда решения (или нерешения) своего вопроса. А согласовывать нужно было почти все — от лимитов на гвозди и доски до вопросов организации движения. А Свердловск — это уже почти столица. А чем дальше от столицы, тем меньше шансов что либо вытребовать. Где оно там это Верещагино? Из Свердловска его почти не видно...

Тем не менее, все 1950-е годы значение станции в системе железных дорог страны остается весьма значительным. Здесь останавливаются все пассажирские поезда, включая скорые. Обычное

время стоянки — 10–15 минут, минимально необходимое для смены паровоза. Косвенное свидетельство «незаштатности» города и станции — первое упоминание о нем во втором издании «Большой советской энциклопедии» (1951 год). Приведу его дословно:

ВЕРЕЩАГИНО — город, центр Верещагинского района Молотовской области. Ж.-д. станция в 120 км от г. Молотов. Значительный транспортный центр с быстро растущей промышленностью (предприятия по обслуживанию ж.-д. транспорта, трикотажная и швейная фабрики, производство стройматериалов и др.). Организован птицекомбинат. В городе имеются 2 средние и 3 начальные школы, ж.-д. училище, школа полеводцов, библиотека, клуб, кинотеатр³.

«СПИСОК ДОБРЫХ ДЕЛ»

Список добрых дел первого полного послевоенного десятилетия, быть может, не очень впечатляющ с точки зрения сегодняшнего дня. Но в 1950-е годы в жителях Верещагино, не избалованных бытовыми благами даже на фоне общей нищеты тогдашней советской повседневности, начала пробуждаться надежда, что совсем скоро облик их родного города начнет радикально меняться.

На улице Карла Маркса закладывается кленовая аллея, ее обно-

сят декоративным бордюриком, расставляют скамейки для отдыха. Если верить верещагинскому краеведу В.Г. Мельчакову, в народе эту аллею называли Комсомольским проспектом, так как самое деятельное участие в этой работе приняла молодежь, в основном старшие школьники⁴. Я, честно говоря, такого названия не припоминаю.

В 1956 году на улице Первомайской (Ленина) открывается новая двухэтажная школа №2.

В 1958 году в районе деревни Филаевка недалеко от Заготзерно начинается строительство поселка сборно-щитовых домов (впоследствии — поселок Северный).

В 1959 году открывается кинотеатр «Комсомолец». До этого времени кинотеатр находился в бывшем здании церкви.

В 1960 году открывается первый пригородный автобусный маршрут Верещагино — Зюкайка (20 км). Невиданная роскошь для того времени.

В этом же году почти одновременно открываются две новые трехэтажные школы: №1 на улице Первомайской и железнодорожная школа №121 на Ждановской, до сих пор самые большие и лучшие школы города.

В 1961 году учащиеся железнодорожного училища переезжают в новый комплекс двухэтажных каменных зданий на улице Карла Маркса: учебный корпус, мастерские и общежитие.

Городская баня на улице Карла Маркса

Кинотеатр «Комсомолец» был открыт в конце 1950-х годов. На афише — реклама фильма «Поднятая целина» (вышел на экраны в 1959 году). В 1960-е годы кинотеатр пережил небывалый шторм во время демонстрации фильма «Фантомас»

В 1961 году начинается строительство нового четырехэтажного корпуса трикотажной фабрики площадью 12 тысяч квадратных метров, который по мере готовности отдельных помещений и этажей постепенно вводится в эксплуатацию. Примерно в это же время в конце главной улицы города — Первомайской закладывается микрорайон благоустроенных двухэтажных кирпичных жилых домов — будущий Фабричный поселок. А в районе нового городского парка в Капидонах трикотажная фабрика строит несколько двух-

квартирных благоустроенных коттеджей для руководящего и инженерно-технического состава.

В 1962 году на базе училища открывается новый кооперативный техникум. В Верещагино появляются студенты!

А ТЕМ ВРЕМЕНЕМ...

А тем временем происходят кардинальные изменения в судьбе Верещагинского железнодорожного узла. В 1961 году заканчивается электрификация участка железной дороги Пермь — Вере-

Средняя школа №121, новое здание сдано в эксплуатацию в декабре 1961 года. Лично я «эксплуатировал» его с 1964 по 1974 год

щагино — Бalezино. В депо начинают поступать первые электровазозы. А накануне нового 1962 года через станцию Верещагино от Перми до Бalezино прошла первая электричка.

С появлением электровазозов тяговое плечо увеличивается в два раза, до станции Бalezино. Таким образом станция Верещагино утрачивает свое значение места смены локомотивных бригад, а паровозное депо ликвидируется. Главным перевалочным пунктом теперь становится станция Бalezино. Ее статус мгновенно вырастает еще и потому, что здесь происходит смена локомотивов с постоянного на переменный ток.

Для сотен верещагинских железнодорожников это означало потерю работы в родном городе. Как вариант можно было остаться в штате так называемого подменного пункта, то есть подменять по мере необходимости электровазозные бригады на тяговом плече Пермь — Бalezино, а чаще просто ездить на работу в Пермь, прибавляя к своей нелегкой смене четыре часа на дорогу до Перми и обратно. Поэтому очень многие машинисты и помощники предпочли такой работе переезд вместе с семьями. Кому-то удалось получить работу и квартиры в Перми. Но многим пришлось менять свою жизнь кардинально: уезжать в Свердловск, Серов, Новочеркасск, Батайск и даже далекий литовский Радвилашкис.

На базе паровозного депо в 1962 году был создан завод по ремонту путевых машин — ПРМЗ (хотя по законам русского языка он должен был бы называться ЗРПМ). Ан, нет — оказывается **ПРМЗ** — путевой ремонтно-механический завод! Вообще все железнодорожные аббревиатуры, знакомые уху с детства, расшифровываются как-то странно. Например ПЧ — вообще-то дистанция пути, НГЧ — дистанция гражданских сооружений (проще ЖКО), ШЧ — дистанция сигнализации и связи. А ОРС НОД-1 — была в Верещагино такая торговая организация — Отдел рабочего снабжения начальника отделения дороги.

Этот снимок весьма символичен для начала 1960-х годов. Электровоз и паровоз на станции Верещагино. Соревнование закончилось не в пользу последнего. Фото из фондов ПермГАНИ

В ПРМЗ (хотя опять же по законам русского языка должно быть «на», потому что завод) наладили ремонт снегоуборочных машин, хоппер-дозаторов (спецагонов для перевозки сыпучих грузов) и производство контейнеров. По поводу последних ходили упорные слухи, что они предназначены для перевозки урановой руды.

Первым директором ПРМЗ стал Геннадий Елизарович Филимонов. (С 1969 по 1972 год председатель Верещагинского райисполкома, с 1972 по 1980 год — первый секретарь райкома партии, Почетный гражданин города Верещагино). Геннадий Елизарович был другом моего отца, заядлый охотник и рыбак, человек невероятно остроумный и обаятельный. В то время, когда он был, по существу, первым руководителем района, о нем рассказывали, что, когда он звонил на предприятия (сам, а не через секретаршу), он представлялся просто: «Это Филимонов из райкома...».

В целом же ликвидация верещагинского железнодорожного узла была началом стагнации города, растянувшейся на десятилетия.

1960-е годы

Несмотря на все реорганизации, роль железной дороги в жизни города по-прежнему оставалась огромной. На моей памяти почти все городские учреждения имели

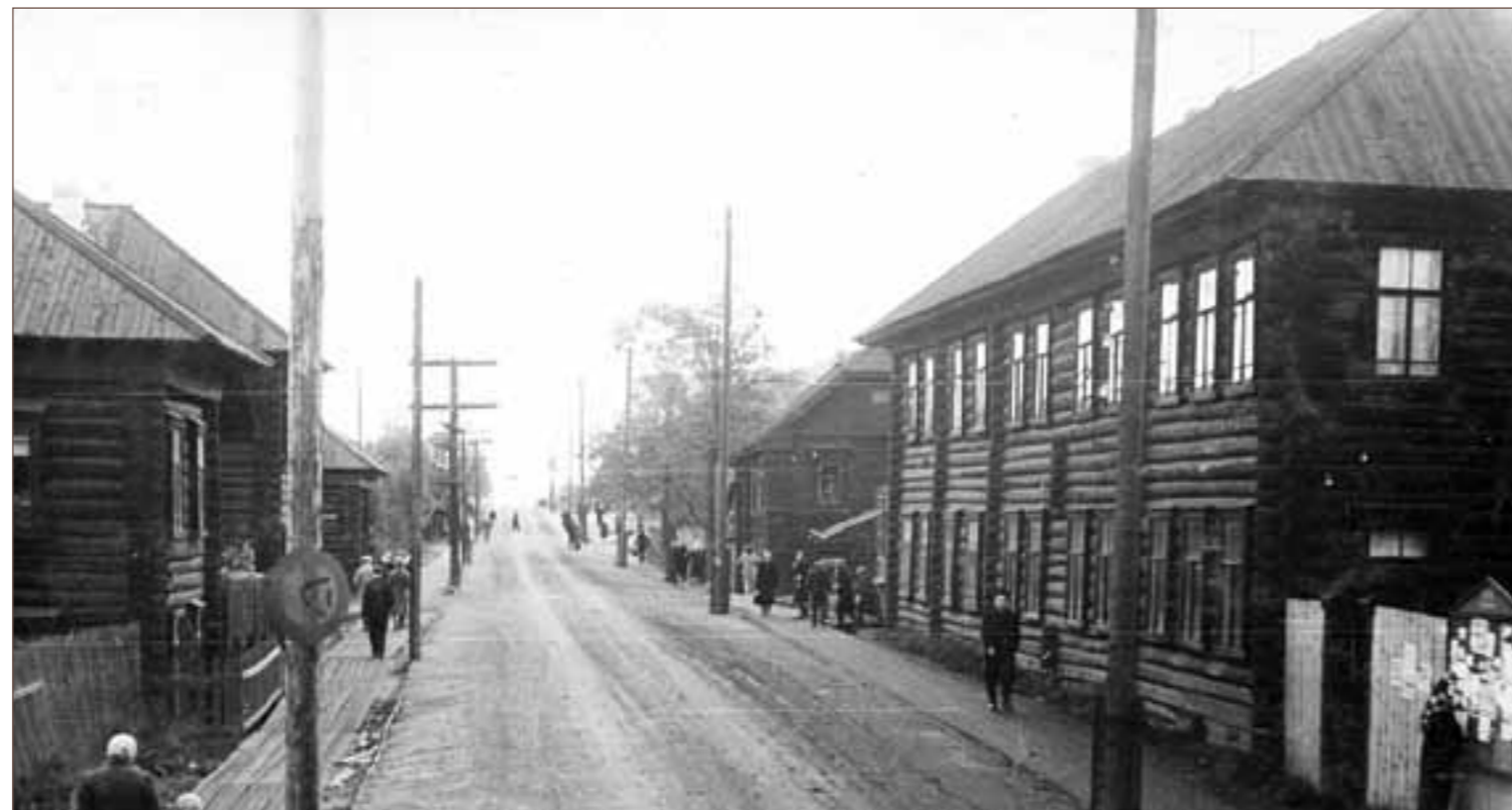
своих «двойников-железнодорожников»: школы — районные и железнодорожные, больницы — районная и железнодорожная, дома культуры — районный и железнодорожный, библиотеки районная и железнодорожная (причем железнодорожная в клубе КОР была на два порядка богаче фондами), АТС — городская и железнодорожная, и даже бани — городская и желез-

нодорожная. Все магазины в городе также делились на две категории: райпо и торг с одной стороны, магазины ОРСа НОД-1 — с другой, примерно в равной пропорции. Я учился в железнодорожной школе №121, и почти у всех моих одноклассников отцы тоже работали на железной дороге.

Опять же с трагическим событием на железной дороге связано вступление города в 1960-е. Летом 1962 или 1963 года, точно не помню (а в газетах тогда о таких вещах ничего не сообщалось, так что уточнить невозможно), произошла страшная железнодорожная катастрофа. На въезде в город с московского направления, на спуске из середины товарного состава выдавило вагон. В результате вторая половина состава сгрудилась, образовав огромный завал, часть вагонов слетела под откос (там магистраль проходит по достаточно высокой насыпи). Случись это километром ближе к станции — последствия предугадать трудно. Погибли ли при этом люди — неизвестно. Ходили слухи, что из-под руин извлекли раздавленный

автобус, а в нем живой и здоровый сопровождающий. Бедняга был смертельно пьян и в момент катастрофы спал на полу между сиденьями того самого автобуса...

Как выглядел город в то время? Центральная улица Первомайская (Ленина), пожалуй, единственная в городе имела уличное освещение. На деревянных столбах висели маленькие плафоны с обыкновенными лампочками. (Бетонные опоры с неоновыми светильниками появились в самом конце 1960-х годов.) Полностью освещена была только железнодорожная станция, над которой по ночам на фоне потонувших во мраке улиц всегда висело яркое зарево огней. Деревянные тротуары, проезжая часть засыпана шлаком. Зимой централизованно чистились только четыре главные улицы: Первомайская, Карла Маркса, Ждановская и Верещагинская. Борьба со снежными заносами на других улицах была исключительной заботой самих жителей. Каждый от своего дома до соседнего прогребал лопатой тропинку, вдоль улиц сугробы в человеческий рост.

Так выглядел центр города в 1960-е годы

Средняя школа №2, фото 1960-х годов

Машин в городе почти не было. Зато было много лошадей. На лошадях привозили продукты в магазины (до сих пор помню сани с коробом, на котором было написано «Хлеб»). Летом по городу ездили ассенизаторы с бочками на телегах. О запахе, который они распространяли вокруг, говорить не стоит. Автобусного сообщения не было. Все ходили пешком.

Почти весь город жил или в частном секторе, или в неблагоустроенных «казенных» домах. Воду брали на колонках или на «ключиках» — родниках, которых особенно много было в западной части города. На этих же «ключиках» полоскали белье после стирки, даже в 40-градусные морозы. Дома отапливались дровами или углем. Со второй половины 1960-х в новых микрорайонах — Северный, ПМК, Фабричный поселок начали строить небольшие котельные. На станции, несмотря на переход на электрическую тягу, сновали десятки маневровых паровозов. Все это хозяйство нещадно дымило. В результате снег в городе оставался белым только несколько первых часов после снегопада.

С середины 1960-х годов улицы начали мостить брусчаткой, в первую очередь те же четыре центральные. Грязи весной и осенью стало меньше, но летом по-прежнему было очень пыльно. Спасало большее количество

зелени на улицах. Вообще, Верещагино того времени — это очень зеленый город. Отчасти благодаря тому, что почти на каждом приусадебном участке был сад и палисадник около дома. Огромный сад на 16 сотках разбил мой дед. Хохол, тосковавший о своей южной родине, он одним из первых в городе начал сажать яблони, груши, вишни, пытался в парнике выращивать арбузы, сажал табак, хотя сам не курил. В некоторые годы мы вишни собирали больше, чем выкапывали картошки.

Нужно отдать должное и руководителям города того времени. Компания по озеленению началась еще до войны. Но особенно активно этим стали заниматься с середины 1950-х годов. Причем помимо традиционных уральских тополей высаживалось очень много кленов, боярышника и акаций. При каждой городской школе был разбит сад. Самый большой и густой — у школы №124. Его разбили еще в 1930-е годы, а ко времени моего детства, слегка запущенный, он представлял собой настоящие джунгли. Помимо тех же кленов и акаций здесь росли полуодичавшие яблони, терновник, ирга, смородина, боярышник. Рядом находился огромный железнодорожный сад — главное место гуляний и отдыха. Ровные аллеи кустарников здесь перемежались с остатками елового леса.

Новое здание школы №1, фото 1960-х годов

Сейчас, к сожалению, не приобретая новых, город утратил это свое главное достоинство. Сады у 124-й и 121-й школ вырублены, железнодорожный сад пришел в полный упадок, и в целом город значительно «облысел».

НО ВЕРЕЩАГИНО ОТ ЭТОГО НЕ ЛЕГЧЕ...

Пережив шок 1961–1962 годов, Верещагино вновь зажило повседневными заботами и проблемами. И, как всегда, с надеждой на лучшее. В городе появляются первые «высотки». В 1965 году новоселье отпраздновали жители первого четырехэтажного дома в

Фабричном поселке. В это же время строится пятиэтажная гостиница, новое трехэтажное здание главпочтамта. А рядом с ним на улице Карла Маркса железнодорожники закладывают первый пятиэтажный жилой дом. К 50-летию Октябрьской революции сдается в эксплуатацию городской долгострой — универмаг «Юбилейный», а годом раньше еще один долгострой — новый корпус районной больницы.

В 1965 году, наконец-то, в городе открыто автобусное сообщение. На двух городских маршрутах начинают курсировать четыре «ПАЗика». Главная, как тогда считалось, проблема заключалась в том, что

Первый верещагинский автобус

проехать из одной части города в другую можно было только через два железнодорожных переезда, на которых автобус мог простоять когда пять, а когда и 40 минут. Поэтому расписание как таковое отсутствовало. Проблему в то время предлагали решать двумя способами: проложить тоннель под железной дорогой на южной окраине города или построить путепровод на северной, в районе Заготзерно. Фантазию горожан будоражил то один, то другой проект. В конце концов путепровод был построен только в 1980-е годы. Но, как говорится, Верещагино от этого не легче. До сих пор городские автобусы, все те же «ПАЗики», ходят с интервалом междугородных.

В конце 1960-х годов по городу начали бродить слухи: в Верещагино будут строить огромный вагоностроительный и ремонтный завод, на котором будут работать никак не менее 15 тысяч человек. Этот проект сулил городу совершенно новое будущее. В случае его реализации население Верещагино должно было вырасти в три раза, до 75 тысяч человек. Была даже намечена площадка под его строительство — Лысая Гора (опять Лысая Гора? см. часть 1-ю) за западной окраиной города, где мы пацанами катались на лыжах.

Не случилось. Как всегда, в сознании верещагинцев эта неудача связывалась с отсутствием в ближайших окрестностях реки и больших естественных водоемов, необходимых для нового производства и развития самого города. Но знающие люди поговаривали, что дело не только в воде. Мол, областное руководство не захотело связываться с хлопотным проектом. В результате этот завод построили где-то в Восточной Сибири. А Верещагино утратило еще один шанс на светлое будущее. Очевидно, последний...

ЖИЗНЬ НА МИССИСИПИ

Зато почти в это же время принимается решение о строительстве в городе крупного мелькомбината, рассчитанного на 800 рабочих мест. Строительство начинается в

Первая верещагинская «высотка» на Фабричном поселке

северной части города у железной дороги, на месте старого кладбища. Не знаю, когда его закрыли, но во время войны хоронили уже на другом кладбище, за городской чертой. Со строительством «на костях» опять же связано много местных легенд и слухов. Говорят, в разрытых могилах находили золотые украшения и монеты царской чеканки. Однажды якобы рабочие нашли в горбу дореволюционную «четушку»⁵ водки. Выпили ее, как водится, «на троих», а после этого проспали целые сутки.

Для нас же, пацанов, строительство мелькомбината было местом поиска приключений. Колонны емкости для зерна высотой с двенадцатиэтажный дом возвышались над городом, как небоскребы. Забраться на самый верх и обозреть оттуда все окрестности было высшим шиком... Мне не довелось.

Другой, и главной, страстью этого времени оставались для нас паровозы. Несмотря на перевод железной дороги на электрическую тягу, они по-прежнему выполняли все маневровые работы на станции. А мы, невзирая ни на какие запреты, крутились около них целыми днями. Некоторые машинисты проявляли понимание и брали нас в кабину, разрешали покидать уголь в топку и даже подать гудок. Тогда я и заметил маленькую металлическую табличку, привинченную справа на месте машиниста: «Бес-

причинная подача сигнала приравнивается к государственной измене». Не ручаюсь за точность цитаты, но смысл был таким. Понятно, из какого она времени. Просто забыли открутить лет 15 назад. Хороша же была обстановочка на рабочем месте! Доказывая потом оперуполномоченному году так в 1939-м, что гудел ты корове, выпершейся на рельсы, а не подавал сигнал японским диверсантам, укравшимся в лесу под Шабуничами!

А какой кайф был наблюдать со стороны, как шатуны сначала вхолостую прокручивают колеса паровоза, из клапанов вырываются клубы пара с запахом антинакипина, под колеса впрыскиваются струйки песка и эта живая дышащая машина тяжело трогается с места! Или промчаться в кабине мимо перрона вокзала, оставляя в облаке пара пассажиров, ожидающих свой поезд! Особой привилегией было съездить с поездной бригадой до Очера. Железнодорожная одноколейная неэлектрифицированная ветка, длиной в 24 километра, была проложена по живописнейшим, почти не жилым местам. Сейчас она не функционирует. Говорят, растащили на металлолом.

Еще один объект нашего обожания курсировал по территории вагонного депо — маленький, почти игрушечный, паровозик без тендера. Его почему-то называли «кантошка». Паровозы в детстве для

нас были, наверное, тем же самым, что пароходы для марктовеновского Гека Финна на Миссисипи.

Позднее, когда я очень недолго преподавал в Верещагинском железнодорожном училище, часто разговаривал о паровозах со старыми машинистами. Все они, в конечном счете, сходились в одном: с появлением электровозов работать стало легче, но неинтересно. Электровоз — это просто умная машина, а паровоз — живой организм, со своей душой и характером.

Последние маневровые паровозы исчезли со станции в середине 1970-х, их заменили тепловозы, безликие и неинтересные.

«НА ТУ СТОРОНУ»

В каждом, даже самом маленьком, городке есть своя неофициальная топонимика. Есть она и в Верещагино. В первой части я уже писал о Вторых Путиях (как месте жительства), Жилкооперации, Аллейке, Скворечнике. Многие из них уже забыты. А вот Водокачка как имя собственное главного городского пруда, знакомо каждому верещагинцу.

Но первое место в рейтинге я бы отдал понятию «На Ту Сторону». Как уже говорилось, железная дорога делит город на две почти равные по площади части: восточную и западную. Я родился и вырос в западной. Поэтому для нас «Той Стороной» была восточная, а для жителей «Той стороны» «Той стороной» была наша. Для человека постороннего — полная абракадабра. Но у самих верещагинцев она никогда не вызывала затруднений: «Куда пошел?» — «На ту сторону». Правда, ближе к 1970-м годам, когда «Та Сторона» стала приобретать некие городские очертания (первые пятиэтажки, универмаг, брусчатка, асфальтированные тротуары и уличное освещение), в обиходе жителей «Этой Стороны» появилось новое понятие: «Пошел в город».

Еще один незабываемый термин — Казенная Ограда. Два многоквартирных деревянных двухэтажных дома, но не бараки. Дома эти были благоустроенными, с

печным отоплением, но в каждой квартире был туалет, типа «клозет», то есть с выгребной ямой. Часть квартир были «коммуналками», часть — на одну семью. У Казенной Ограды была своя «инфраструктура»: двухэтажные сараи «железнодорожного типа», дровяники, огородные грядки. Все это хозяйство действительно раньше было обнесено общим забором (оградой, отсюда, видимо, и название). Социальный состав обитателей в мое время — от самого «дна» до вполне приличных и благополучных обывателей.

Наша усадьба граничила с Казенной Оградой, и, честно говоря, некоторые ее обитатели испытывали к нам как к «частникам» чувство классовой неприязни. Проявлением этого могла быть дохлая крыса, брошенная к нам через забор. Хотя с большинством моих ровесников из Ограды я поддерживал вполне приятельские отношения.

Градостроительных образований типа Казенной Ограды на Нашей Стороне было несколько. Но имя собственное имела только она одна.

Другая чисто верещагинская «примочка» — Нижний Склад и Верхний Склад. Так назывались местные магазины. Нижний Склад был на Нашей Стороне и представлял собой комплекс деревянных магазинчиков железнодорожного ОРСа — продуктовый, хозяйственный и вино-водочный. Верхний Склад находился на Той Стороне, тоже деревянные магазинчики, но уже городского Торга. Этимология этих названий теряется во мраке 1930-х годов.

Из глубины десятилетий в памяти всплывает еще одно интересное «местечковое» название — Трехугольник (именно так, через «х»). Так называлась территория на южной окраине города, где находились топливные склады и товарная площадка железной дороги. Очевидно, происхождение этого названия объясняется тем, что в этом месте железнодорожная ветка на Очер и шлакоблочный завод образуют с Транссибирской магистралью некий треугольник. Привычная фраза из детства: «Мой на Трехугольнике дрова выписал».

Улица Первомайская. В 1970 году к 100-летию вождя была переименована в улицу Ленина

«Я ПЛАНОВ НАШИХ ЛЮБЛЮ ГРОМАДЬЕ...»

В 1976 году началась разработка Генерального плана развития города. С каким «багажом» Верещагино собиралось стартовать в «светлое будущее»? Из 90 с лишним километров улиц твердое покрытие, в основном из брусчатки, имели только 17 ки-

лометров. Протяженность освещенных улиц — 48 километров. 63,9 процента зданий были деревянными. Чуть более 30 процентов жилья имели водопровод и канализацию⁶. Горячая вода была только в домах Фабричного поселка. Отопление в домах обеспечивали десятки маленьких котельных. В районе не было ни одной асфальтированной дороги.

Та самая Водокачка, главный городской пруд

Новый Генплан, рассчитанный до 2006 года, предусматривал строительство 520 тыс. квадратных метров нового жилья, в основном пятиэтажных домов⁷. Планировалось строительство четырех новых школ — по две в восточной и западной частях города. Для улучшения транспортной доступности предполагалось построить два путепровода и новый пешеходный мост через железную дорогу. В городе наконец-то должна была появиться единая система водоснабжения, канализации и отопления, для чего планировалось построить центральную котельную, которая позволила бы закрыть 25 местных маленьких. Планировалось построить новые железнодорожный и автовокзалы. Население города должно было увеличиться в полтора раза — до 35 тыс. человек⁸.

При всем при этом ничего не говорилось о перспективах строительства новых крупных предприятий (к середине 1970-х годов весь промышленный потенциал города был представлен железнодорожным узлом, трико-

Начало Фабричного поселка, конец 1960-х годов

тажной фабрикой и мелькомбинатом). Где будут работать новые 12–13 тысяч жителей — оставалось загадкой. Кстати, численность населения Верещагино за последние 60 лет практически не менялась, оставаясь в вилке 22–25 тысяч человек.

С тех пор минуло 36 лет. Мало что из задуманного было реализовано. Появилось только пять-шесть новых пятиэтажек, заасфальтировано полностью или частично десяток улиц, построены новая автостанция и городская котельная. Появился один из планировавшихся путепроводов и новый пешеходный мост через железную дорогу. А проблему водоснабжения города по-прежнему решают артезианские скважины. О планировавшемся когда-то водоводе от реки Лысьвы теперь уже никто не вспоминает.

1313

Очень не хотелось, чтобы на меня обиделись мои земляки. Но что-то в судьбе моего родного города изначально не задалось. То

ли Лысая Гора подкузьмила, то ли извечная напряженка с водой? А вот лет этак 30 назад, проезжая мимо местного вагонного депо, я обратил внимание на обычный километровый столб — 1313-й километр. Ну что взять с города, основанного на цифрах 13–13? Скорее всего, я не прав. Но как здесь не вспомнить М. Жванецкого: «*Может, в консерватории что-то подправить?*»...

Сегодня в Верещагино вряд ли кто-нибудь всерьез рассуждает о перспективах развития города. Не до жиру, сохранить бы то, что уже имеется, да раздобыть в тощем бюджете средства на «генеральную уборку» города. Только точно так же, как и 50, и 70 лет назад, идут через станцию поезда. С запада на восток, и с востока на запад. А механический голос в электричке объявляет: «*Следующая станция — Верещагино*».

Алексей СТАЦЕНКО,
уроженец г. Верещагино.
Автор выражает благодарность
Верещагинскому краеведческому
музею за предоставленные
материалы.

¹ По состоянию на начало 1991 года основные линии бывшей Пермской железной дороги находились в составе Свердловской, Горьковской и Южно-Уральской железных дорог.

² Новые границы Пермской железной дороги в 1939 году: Киров, Шаля, Соликамск, Горноблагодатская, Кын.

³ БСЭ, 2-е издание, т. 7 (подписан в печать 19.07.1951), с. 493

⁴ В.Г. Мельчаков. «Верещагино. Продолжение истории. — Пермь, 1998. — С. 133.

⁵ Русская единица измерения объема

жидкости, применявшаяся до введения метрической системы мер. Иначе называлась «пятидесяткой», так как составляла 1/50 ведра. В пересчете на метрическую систему одна четушка = 246 миллилитра. В общем, почти современная чекушка.

⁶ В.Г. Мельчаков, с. 56–57.

⁷ Для сравнения: все последние десятилетия цифра 600 тыс. кв. м жилья в год для миллионной Перми оставалась несбыточной мечтой.

⁸ Там же, с. 38–40, 57.

Улица Октябрьская. Первомайская демонстрация, 1965 год.
Лозунг на тракторе «Высокий урожай — мир земле»

Выборы народных судей, конец 1970-х годов

9 мая 1975 года. Открытие площади Победы

Чернушка — один из самых молодых и самый южный город Пермского края. Любопытный факт: практически в черте города пересекаются 56-й меридиан и 56-й градус северной широты.

Первое упоминание о населенном пункте Чернушка обнаружено в ревизской сказке за 1858 год, где указывалось, что деревня Чернушка на 4 двора (16 мужчин и 13 женщин), основанная переселенцами из-под Чердыни, существует с 1854 года. К 1869 году здесь насчитывалось уже 35 дворов.

Свое название Чернушка получила от речки с илистой и мутной водой, протекавшей неподалеку.

Первоначально Чернушка административно входила в состав Аряжского сельского общества Большекаскальской волости, позже — в состав Таушинской волости Осинского уезда Пермской губернии. Огромную роль в развитии населенного пункта сыграло строительство с 1913 по 1920 годы железной дороги Казань — Екатеринбург как части Транссибирской железнодорожной магистрали. Трасса будущей железной дороги была разделена на семь участков, Чернушка входила в четвертый участок. Головная организация находилась в Сарапуле, штаб строителей — в селе Тауш, а строители жили в бараках в Чернушке. В 3–4 км от деревни были построены железнодорожная станция и пристанционный поселок, получившие название по близлежащей деревне.

После реформы 1923 года и образования Уральской области Чернушка вошла в состав Рябковского района Сарапульского округа. Но так как село Рябки находилось далеко от железной дороги, решением Уралоблисполкома от 30 декабря 1925 года районный центр переносят на станцию Чернушка. Тем не менее некоторое время районные органы власти продолжали оставаться в Рябках; их окончательный переезд в Чернушку состоялся только в 1930 году. В поселке начинается строительство общественных зданий и жилья. Часть домов строилась заново, часть перевозилась из деревень (в основном в годы коллективизации их реквизируют у кулаков).

Поселок нефтяников, 1981 год

С ростом населения нового райцентра в Чернушке появляются новые предприятия: машинно-тракторная станция, льнозавод, элеватор, лесопильный завод, мастерские промысловых артелей. В 1930-е годы открываются: дом культуры, библиотека, железнодорожная школа №9, школа №1, появляются предприятия службы быта и торговли. В 1930 году выходит первый номер районной газеты «Красное Предуралье».

Особенно быстро население Чернушки начинает расти в годы Великой Отечественной войны. Сюда были эвакуированы военный завод №648 из Харькова, выпускавший полевые телефоны; цех по ремонту самолетов УТ-2; школа летчиков. Впоследствии их перемещают на запад, вслед за наступающей Красной армией.

4 июля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Чернушке присваивается статус рабочего поселка.

Поворотным моментом в истории Чернушки становится открытие в районе больших нефтяных месторождений. С 1958 года здесь начинается промышленная добыча нефти. Расширяются предприятия местной промышленности, строительные

организации, ведется интенсивное жилищное строительство. По переписи 1959 года население Чернушки составляло 12 тысяч человек.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 февраля 1966 года рабочий поселок Чернушка был преобразован в город. В этом же году в Чернушке был построен первый пятиэтажный дом, положивший начало главному городскому микрорайону — поселку Нефтяников.

Сегодня Чернушка достаточно большой и современный город с населением 35 тысяч человек. Необходимо отметить, что Чернушка — один из немногих городов Пермского края, население которого интенсивно росло все 1990-е годы. Город развивается вверх и ввысь, более 100 многоквартирных домов украшают его улицы. В городе пять общеобразовательных школ, одна гимназия, два техникума, краеведческий музей имени В.Г. Хлопина, школа искусств, музыкальная школа имени Л.Л. Меля, дворец культуры «Нефтяник», спортивная школа, профилакторий, множество современных магазинов.

Материалы предоставлены Чернушинским краеведческим музеем им. В.Г. Хлопина

Кинотеатр «Луч», 1970-е годы

Торговый центр и первая чернушинская «высотка»

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ПЛАНАХ ПЕРМИ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX вв. (по материалам Пермского краеведческого музея)

Планы городов отображают эпоху, в которой они создаются. Важность привлечения картографических источников в процесс исследования не ограничивается только поиском расположения городских объектов. Планы создают визуальный образ города и несут значительную информационную нагрузку.

В коллекции Пермского музея хранятся планы Перми, отдельных городских районов, кварталов, окрестных территорий, в дальнейшем вошедших в черту города Перми (например Мотовилихи, Верхних Муллоу, Закамска). На городских планах отображено расположение улиц, различных географических, социальных, торговых, промышленных и других объектов. Планы города Перми имеют свою историю, которая отражается в виде записей, дарственных надписей, штампов учреждений, владельческих автографов.

По планам можно отследить, как изменялось городское пространство — в его состав входят новые поселки, деревни и села, расширяются границы, формируются современные городские

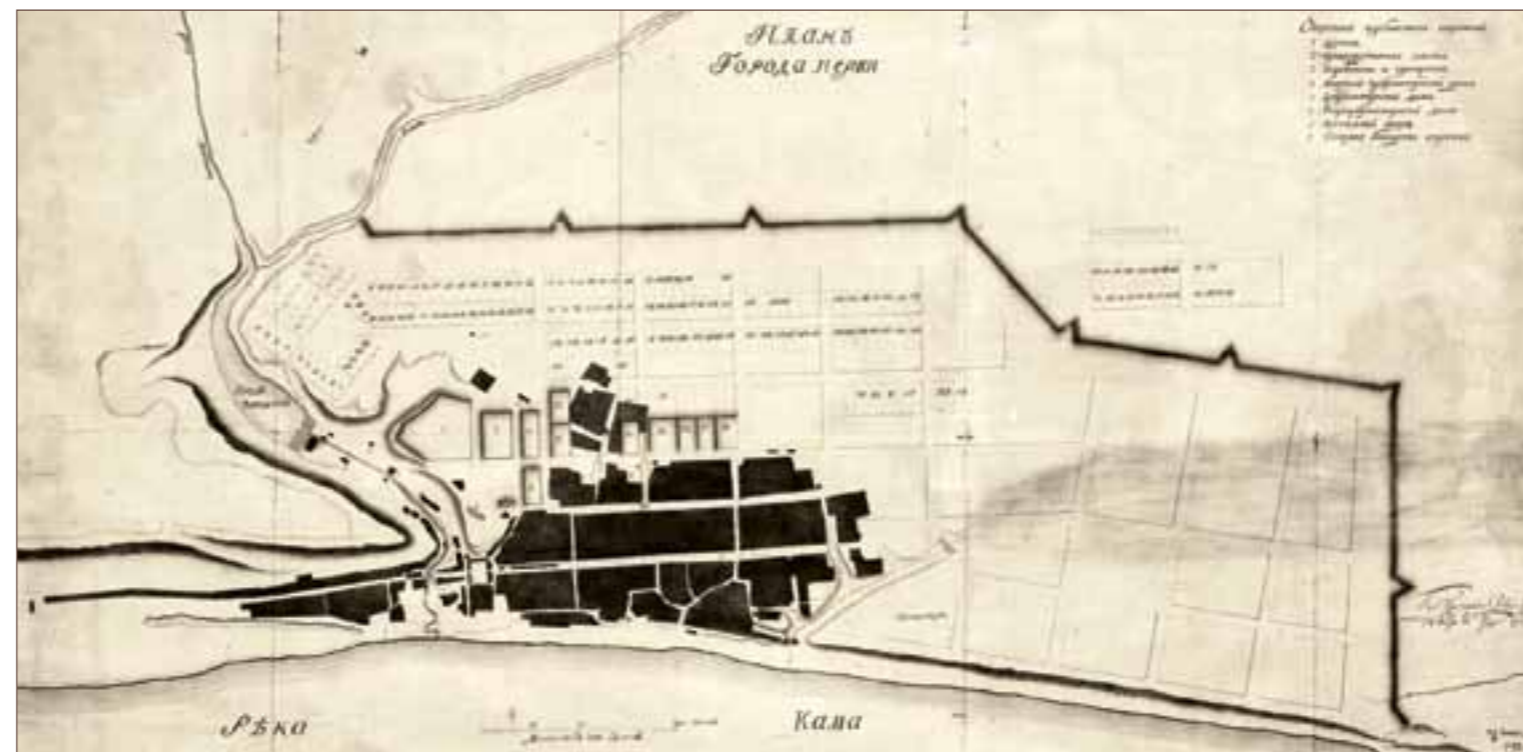
микрорайоны. Городские планы иллюстрируют появление и расположение на территории города новых дорог, улиц, проспектов, электрических, телеграфных сетей, канализации и водопровода.

В 1782 году губернским землемером А. Грубером был составлен «План города Перми» (в Пермском краеведческом музее — в копии, цианотипия (синька), 46x84 см).

Андрей Егорович Грубер — капитан, маркшейдер, возглавлял чертежную при главном заводу-управлении, в 1780–1781 годах руководил работами по описанию Пермского наместничества. Губернский землемер (1781–1785). Снял первый генеральный план Егошихинского завода (1781), который стал топографической основой последующих планов Перми¹.

На плане были обозначены первое каменное строение города — церковь Петра и Павла, присутственные места, гауптвахта и чертежная, генерал-губернаторский дом, губернаторский дом, вице-губернаторский дом, Гостиный двор, старое заводское строение. На план нанесены монастырь, кварталы домов, дана их нумерация. Описание

и обстоятельства создания первого плана губернской Перми дал пермский архитектор А.С. Терехин: «На топографическом плане 1782 года зафиксирована планировка

горного города Егошихи в то время, когда он был переименован в Пермь. Этот чертеж в дальнейшем послужил отправным документом для разработки перспективной планировки... чертеж Егошихи 1782 г., видимо, и есть тот документ, который посылали в «Комиссию каменного строения Санкт-Петербурга и Москвы», где создавались генеральные планы городов России»².

В Полном собрании законов Российской империи среди чертежей и планов городов Российской империи есть и план Перми. В книжном размере — 20x24,8 см, черно-белый, печатный, масштаб — в английском дюйме 150 сажен. На плане нанесены городские кварталы, река Ягошиха и от нее проток Ключевой, речка Медведка. «На подлинном написано собственною Ея Императорского Величества рукою: Быть по сему. Января 16 дня 1784 года в С.Петербурге». В нижней части плана — «Изъяснение. Состоящее ныне строение: покрыто темно кармином, деревянное в пунктирных линиях, под знаком + церковь, А. Ягошихинский завод, В. Деревня Горы.

Вновь прожектировано: Кварталы, покрытые светло кармином

План губернского города Перми 1784 года. Из Полного собрания законов Российской империи

под каменные, а желтою краскою под деревянные казенные, публичные и обывательские дома, и пр. строения. 1. Для гостиного двора, 2. Вал и ров к ограничению города»³. Этот план получил официальное утверждение. 16 января 1784 года был издан именной указ,

объявленный Сенату из Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы. «О планах городов Губерний Санктпетербургской, Московской, Тверской, Орловской, Курской, Ярославской, Вологодской, Тобольской и Пермской. Ея императорское Величество Всевысочайше соизволила подтвердить сего 1784 года Января 16 дня, представленные от Комиссии планы... Пермской губернии Губернскому городу Перми, — с которых Правительствующему Сенату Комиссия с сим представляет копии; фасады представлены были против прочих вновь строящихся городов; а ко исполнению по оным Всевысочайше подтвержденным планам такие ж копии тех губерний, к Генерал-Губернаторам и к правящим Генерал-Губернаторскую должность, из комиссии препровождены»⁴. Границы города были определены Планом 1784 года: речка Егошиха — на востоке, Данилиха — на юго-западе, река Кама — на северо-востоке и Земляной вал и ров — на юге⁵.

Известно, что с 1780 года началось активное городское строительство, в первую очередь зданий для административных учреждений и должностных лиц. Одним из этих зданий стал генерал-губернаторский дом.

План губернского города Перми 1782 года с описанием. Из Полного собрания законов Российской империи

В фондах Пермского краеведческого музея хранится чертеж «Вид генерал-губернаторскому дому»⁶. Как указано на чертеже, это «специальный план назначаемому к постройке вновь в городе Пермь генерал-губернаторскому дому со служебными корпусами». Он представляет собой рукописный документ, выполненный на вержированной бумаге с водяными знаками. На чертеже обозначены основные части строения: «1) главный корпус нижнего этажа; 2) служебный корпус с конюшней; 3) служебный корпус и каретные сараи; 4) понаклеике главного корпуса верхний этаж».

Интересными, имеющими несомненную историческую значимость представляются записи, выполненные на чертеже чернилами и характерным почерком конца XVIII века: «сей план имел сщастие подносить ей императорскому величеству июля 28-го дня 1785 года которой и удостоился высочайшаго утверждения генерал поручик и кавалер Евгений Кашкин». Другими чернилами ниже: «в Пермское наместническое правление препровожден 27 сентября 1785 года». Деятельность первого пермского наместника Е.П. Кашкина продолжалась на Урале до мая 1788 года, когда по его просьбе он был назначен Ярославским генерал-губернатором. Можно предположить, что на плане стоит автограф Е.П. Кашкина. Имеются на чертеже и записи более позднего времени, которые свидетельствуют о судьбе этого чертежа. На обороте чернилами нанесена дата: «10 февраля 1936 г.», сам чертеж подклеен бумагой с делопроизводственными записями начала XX века.

Всегда привлекают внимание рукописные планы, не имевшие, в отличие от напечатанных типографским способом, большого тиража. В коллекции Пермского краеведческого музея представлен план 1870 года (71x136 см). Копировал его с плана съемки Г. Катаровского и добавлял застроенные с 1853 по 1870 года кварталы пермский уездный землемер [Волхин]. Интересна цветовая заливка плана: желтым — застроенные кварталы, светло-зеленым

— усадьбы, розовым — незастроенные кварталы, темно-розовым — каменные постройки обществ, голубым — водные объекты, зеленым с ретушью — сады, с оранжевыми точками — пески, синим — выгоны, голубой с ретушью — болота. На плане обозначено семь городских площадей: Приходская, Слюдская (так часто на планах XIX века обозначается гора Слюдка, церковь и площадь), Торговая, Главная, Ямская, Александровская, Петропавловская.

В качестве приложения к «Полному адресу домовладельцев губернского города Перми» 1886 года в типографии Е.И. Заозерского был выпущен одноцветный подробный городской план (51x74 см)⁷. Его составителем был Григорий Ионович Минеев. На плане нанесены кварталы, названия улиц, нумерация домов, церкви, кладбища, батальонный двор, вокзал Уральской горнозаводской железной дороги, рынки, различные предприятия. План с адресами домовладельцев позволяет уз-

нать, увидеть на плане и, следовательно, выяснить современное положение тех или иных зданий.

В 1893 году в типолитографии Е.И. Заозерского был отпечатан «План города Перми» (58x101 см) в двух вариантах, один из них с обозначением случаев заболевания холерой местных жителей во время эпидемии 1892 года. Нанесены промышленные и торговые предприятия, социальные и культурные объекты. Среди административных зданий — казенная палата, губернское правление, городская управа, дом губернатора, земство, окружной суд и другие. На оборотной стороне одного из экземпляров имеется штамп «Библиотека архитектурного отдела Пермской городской управы»⁸.

В 1897 году Пермским губернским статистическим комитетом был издан еще один план города Перми (51x70 см). В верхнем левом углу приведен список ответственных заведений.

План губернского города Перми 1908 года (57x95 см.), самый

известный, был издан в типографии губернского правления. Его автор — Н. Белоусов. На плане обозначены производственные объекты, объекты социальной инфраструктуры, рекреационные зоны, образовательные и культурные объекты: например ипподром, бактериологическая станция, приют душевнобольных, Гостиный двор, театр, велодром, холерные бараки, тюрьмы, больницы, вдовый дом Любимова, реальное и городское училища, современная станция Пермь II. В левом нижнем углу даны «Наименование улиц в дер. Новые Гарюшки, обозначенных на плане особыми знаками» — приведено объяснение условных знаков и список улиц. Знаками на плане обозначены границы частей города, участки околоточных, полицейские посты, пожарные части, камеры городских судей, полицейское управление, полицейские части, городской водопровод, водоразборные будки, пожарные гидранты. Цветом и штриховкой

План Перми 1917 года

обозначены леса, зеленой заливкой — сады, желтой заливкой — 1-я часть города, голубой — 2-я часть города, светло-бежевой — 3-я часть города; пунктиром обозначена граница земель железной дороги. В верхнем левом углу дан список учреждений с указанием номеров кварталов, улиц и полицейских номеров. Мелким пунктиром нанесены границы новых кварталов. Нумерация в новых кварталах поставлена по арендной статье Городской управы. Основа этого плана без цветовой заливки использовалась и позже. В коллекции музея хранятся в том числе планы с нанесением избирательных участков по выборам в Учредительное собрание.

Особой информационной нагрузкой обладают рукописные записи на планах города, главным образом именно на «Плане губернского города Перми 1908 года». На многих из них чернилами написаны списки фамилий с адресами, а на самих планах эти адреса отмечены краской. На одном из них — список из 90 фамилий с адресами служащих Пермского окружного суда⁹. На другом — запись чернилами «Канцелярия Пермского отделения Казанского округа путей сообщения и Чусовского технического отдела; Канцелярия начальника Верхне-Камского техническо-

го участка, Пермская [прикамская] будка, Пермский холерный барак». Далее идет список из 24 человек с указанием полных имен и отчества, а арабскими цифрами и штриховкой на план нанесено их местожительство¹⁰. На еще одном плане кварталы раскрашены акварелью разными красками и представляют собой «участки»: Заимки, Никольский, Монастырский, Слюдский, Феодосиевский, Преображенский, Богородицкий, Петропавловский, Ильинский, Михайловский¹¹. На одном из планов чернилами обозначены границы комендантских районов с указанием номера с 1 по 9. По плану пометки простым карандашом¹². Три плана имеют записи и штампы учебных заведений: Пермской женской гимназии имени И.С. Тургенева и два Пермского 1-го высшего начального училища с адресами. Планы 1908 года активно использовались в различных учреждениях, о чем свидетельствуют записи и владельческие штампы.

Интересным представляется «План губернского города Перми с означением на усадьбах его строений застрахованных Взаимным Обществом на 1-е января 1914 г.». В верхнем левом углу плана размещается реклама: «Российский союз Обществ Взаимного от огня страхования имущества». В единении сила.

План губернского города Перми 1902 года

План города Перми и завода Мотовилихи с нанесением проектируемой канализации и линиями трамвая первой очереди

Пермское городское общество. *Вниманию страхователей! Где вы страхуете свое имущество? В каком Обществе выгоднее и дешевле страховать его? (см. на обороте)*. На обороте в шесть колонок статья А.Н. Третьякова о страховании. На плане красным цветом закрашены каменные постройки, желтым — деревянные, красным и желтым — смешанные, специальными знаками обозначены пожарные части, полицейские управления, полицейские части, красной линией — городской водопровод, с водоразборными будками и пожарными гидрантами.

План города Перми 1917 года был составлен городским землемером И.И. Ткалем (размер 70x90 см, однокрасочный), на нем нанесены кварталы, нумерация домов, названия улиц. На плане появляются места, отведенные для Сельскохозяй-

ственного и Лесного институтов, для Университета на Базановской заимке, проекты нового ипподрома и Мулянской гавани.

Таким образом, городские планы различных периодов дают возможность оценить пространственное развитие города. По ним прослеживаются процессы формирования городской инфраструктуры: водопровода, канализации, дорог, мостов, рекреационных зон. С 1902 года на планах появляются электрическая и телефонная сети, с 1905–1906 годов — водопровод, с 1915 года — канализация, в 1913 году — проект городского трамвая. Особый интерес представляют планы на отдельные объекты городского пространства и планы с особым нанесением городской инфраструктуры: «Карта паровозных пристаней города Перми» 1864 года, «План города Перми с нанесением проектируе-

мой канализации I очереди», 1915 год, «План города Перми с нанесением проектируемой канализации II очереди»¹³.

Картографические документы — это особые источники, создающие пространственный образ города. Ценность источников состоит в их многоплановости. Планы городов отображают эпоху, в которой они создаются. Картографические источники пока еще недостаточно привлекаются в научные исследования Уральского региона во многом из-за разбросанности их по фондам архивов и музеев, библиотек университетов, недостаточной информированности исследователей, отсутствия научных описаний.

Юлия КАШАЕВА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры государственного
управления и истории ПНИПУ,
хранитель Пермского
краеведческого музея

¹ Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: краткий энциклопедический словарь/ сост. Н. Казаринова, Г. Канторович. — Пермь: Книжный мир, 2003. — С. 34.
² Терехин А.С. Пермь. Очерк архитектуры. — Пермь, 1980. — С. 21.
³ XXVII. Пермской губернии. 253. Перми// Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). Книга чер-

тежей и рисунков (планы городов). — СПб., 1839. — С. 253.
⁴ 15.905. Января 16. 1784. Именной, объявленный Сенату из Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы// Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Том XXII. 1784–1788. — СПб., 1830. — С. 5.
⁵ Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии.

⁶ ПКМ. НВ 1334/2.
⁷ ПКМ, 16905/132.
⁸ ПКМ, 16122/5.
⁹ ПКМ, 16122/3.
¹⁰ ПКМ, ВХ 891/773.
¹¹ НВ 2526/5.
¹² ВХ 891/425.
¹³ ПКМ, НВ 2526/2.

КРЕЩЕННЫЕ ПРЕДКИ

415 лет Бабиновскому тракту. Яйвинские окрестности в сказаниях и описаниях

«Здравствуй, милый Владимир Иванович! Пишу тебе ч. знает откуда, из северной части Пермской губернии. Если проведешь пальцем по Каме вверх от Перми, то уткнешься в Усолье, так вот, я именно возле этого Усолья», — так в письме другу-режиссеру А.П. Чехов обозначает местоположение Вильвенского завода Саввы Морозова. Это точное топографическое указание «пальцем по Каме» понравилось классику-путешественнику, побывавшему в Сингапуре, Индии, Турции, Европе, мечтавшему о поездке на Северный полюс и в Африку: «вот только Пржевальского дождусь». Он и в письме к сестре Марии Павловне так же сориентировал ее по карте.

И по сей день это чеховское «возле» самое точное, по-моему, обозначение местности где-то между Соликамском и Кизелом. «Возле» составляет семьдесят километров по дорожке от Соликамска «на полдень».

ВОЗЛЕ УСОЛЬЯ

В начале XX века даже Ветланский плес на Колве был описан Н.П. Белдыцким почти как паровозный туристический маршрут. Южные уезды Пермской губернии выглядят в публикациях губернской печати чаще как виды из паровозной каюты или из окна

железнодорожного вагона второго-третьего класса. В начале XX века гимназисты уже совершают по Чусовой школьные экскурсии с преподавателем. Таежные язычники крещены и уже сами идут из тайги на своих лыжах в церковь, а все скиты старообрядцев учтены. Значительная часть нашего Урала — уже проезжая, знакомая земля.

В конце XIX и начале XX века инженеры-путейцы, геологи, учителя, врачи, земские деятели — основные корреспонденты-краеведы, в публикациях которых встречается «физическая география». Они приняли «журналистский пост» от академиков, канцлеров, управляющих имениями и священников. Сведения об их трудах и хлопотах современные краеведы разыскивают так же, как в старину рудознатцы изыскивали новые месторождения.

Между Соликамском и Кизелом, в Александровском районе, можно еще заплутать, но заблудиться и сгнить — не думаю. И здесь уже не приходят на ум примерно такие слова: «дикие места внушают неизъяснимый ужас», как еще лет сто назад мог отозваться П.И. Мельников-Печерский на вид из окна вагона, путешествуя по однопутной Уральской железной дороге. Вишерские места — те и поныне «внушают ужас»,

но не яйвинские, косьвинские с их трубопроводами, дорогами, проездами на делянки и проводами на столбах. «Вся земля скоро покроется железными проводами», — говаривал полвека назад один усть-игумский паромщик, никогда не покидавший перевоза через реку Яйву. Так и вышло. Места уже трижды освоены: податным соловием, вельможами, именитыми людьми, ГУЛАГом, и столько же раз оставленные в запустении. И здешняя дорога, даже если вся она, каждый ее вершок, — это схваченные в камень глинистые колдобины, которые всю душу пассажиру вытрясут, все же это не пеший и не конный зимний первопуть, а дорога, в том числе для летних «экипажей» и «колесниц».

Прошли века рукописных летописей, наступило время тиражей. А ничего такого «высокая печать» для наглядности ландшафта как будто не прибавила. Все то же — старик Урал, пред ним безмятежная Русская плита. Он упирается в нее, отдыхая и слушая чего-то, морщится длинными увалами и складками его лоб.

Чтобы сделать ландкарту или чертеж чуть наглядней и доходчивей, вспомним и о некоторых «рудных с блеском» биографиях. Как-то года четыре тому назад детский туристический лагерь

«Видеодорожка» показал в городе Яйве документальный фильм с таким же названием о летних впечатлениях на местных маршрутах. Сняты были и впечатления о вылазке во Всеволоду-Вильву. По выражению одного первоклашки, «Туда приезжали давно... какой-то-какой-то и еще какой-то-какой-то-там». И правда, «Быть знаменитым некрасиво», — сказал один из «каких-то там». В шутку говоря, так Антону Павловичу возвращено было его выражение «возле Усоля», а Борису Леонидовичу его «a-la Oberland».

Писатели приехали по необходимости, без расположения души, но здешние места им приглянулись. Это важнее. Ведь весь предыдущий перед ними век можно было услышать — возмущения ссыльного Герцена, недовольство каторжанина Достоевского, жалобы спецпоселенца Короленко. Вот что значит — неволя!..

Зная о своем скором уходе из жизни, Чехов ловит щук, он со спокойным удовольствием отмечает, наверное, что у равнодушной природы все на месте: березы, скворцы и щуки. У молодого Пастернака щенячий восторг — таково общее для всех равнинных жителей первое впечатление при знакомстве с севером или горным Уралом. В его стихах ивакинские и камские детали ландшафта часто сравниваются с вещами рукотворного мира — вышло изящно и трудно представимо. Будто он стихи писал нотами, как маэстро, а музицировал, как поэт, и два верных призвания убедительно просили выбрать что-нибудь одно. В романе «Доктор Живаго» описано одно из путешествий в Иваку, оно замечательно само по себе, но сориентироваться не поможет. Вот почему: из Юрятина-Перми в Варыкино-Иваку Живаго, Лариса Федоровна и Катя выехали утром, приехали на место засветло, по ухабистой дороге, по намокшему снегу. Наверное, и лошадка была такой же, какую видно на фотоснимке 1916 года, где Фанни Збарская заботливо держит ее за уздечку, а верхом сидит Борис Пастернак. О лошадке сказано в его письмах к родителям: «неутомимая

сибирка... само лошадиное благоразумие». Животное неуклюжее, даже корявое, с выпирающими коленками и острой холкой, и вообще мосластое. Но при этом явно верхового, а не упряжного типа: ростом заметно выше «сибирки» или «обвинки» и вполне цыбатое (высоконогое). В общем, получается, что до Варыкино не более тридцати километров. Так что не доедем мы — до подлинной Иваки верст сто семьдесят, не менее. К тому же груженные сани с тремя пассажирами направились по Сибирскому тракту, т.е. на восток, а не «на полночь». Итого — мимо.

На восточном склоне Уральского хребта как будто все просто. Предгорий, позволю себе сказать, нет: обрыв, и вот равнины и скоро степи.

Два градуса широты важны нам для наглядности описания отдельной страны на среднем Урале в западной его части, «аккурат» между Соликамском и Кизелом. Здесь Урал понижается и к реке Каме, и от севера к югу, а высоких камней, увалов и сопок, как Тулым, Кваркуш, Тылайский камень, Косьюинский уже нет на его гребне или в предгорьях. «Урал теряет вид сплошной гряды... Далее короткие горные кряжи... Подъем и перевал его по бывшему Сибирскому тракту и железной дорогой из Перми в Екатеринбург почти незаметен», — пишет Иван Кривошеков в «Географическом очерке Пермской губернии». Кто-то сравнивает это понижение с наклоненным блюдцем или с такой сервировкой чашек в походных условиях. В сервировку входит,

повторю, территория примерно от долины реки Яйвы до реки Чусовой. Но, видимо, чтобы этот натюрморт с блюдцем разглядеть, надо забраться в космос.

Оглядимся как-нибудь и выберем из научных книжек что-нибудь соответствующее личным впечатлениям.

В западных предгорьях Урала самые древние рудоносные слои приподняты и отчасти поставлены на ребро... (их) узкие полосы простираются параллельно от севера к югу, меж тем как вся остальная западная часть губернии занята образованиями пермской эпохи... (это) горизонтальные пласты осадочных пород, например песчаники (по И.Я. Кривошекову). «Урал оттого и славится изобилием всякого рода полезных ископаемых, что рудоносные пласты,

выдвинутые подземными силами с большой глубины, атмосферными деятелями уже в значительной степени обнажены. На этих обнажениях и сосредоточилась горнозаводская промышленность».

«Оные железные руды... находятца почти наруже земли, которые с малым трудом без бурования и стрельбы порохом, но кирками и ломанами добываютца великими штуками... Розвариваютца в горну житко и так плод из себя дают богатой, что из ста пуд выходит пятьдесят пуд чугуна», — хвалил генерал-майор Вильям де Геннин в 1737 году уральские природные кладовые.

«В условиях Российской Империи нет столь богатой губернии, как Пермская», — писал Василий Берх в 1821 году. При этом: «Можно сказать, что до появления описания Киевской губернии ни одна губерния не была так превосходно описана, как Пермская», — отмечал уральский историк Наркис Чупин, говоря о книге Никиты Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии» 1804 года, составленной по поручению губернатора Карла Модераха. Можно тут же напомнить, что с 1825 года выходил «Горный журнал для русских горных людей».

При этом отдельной карты Соликамский уезд не имел даже в конце XIX века, «что составляет большое неудобство», — справедливо писал краевед, историк Иван Кривошеков. В самом деле, два с половиной миллиона гектаров по обоим камским берегам, их осваивают более двухсот тысяч жителей, а карты нет. Вот и «веди пальцем по Каме». Впрочем, имелись карты на все сразу тридцать миллионов гектаров Пермской губернии.

В 1765 году строгановский рудоискатель Горюнов открыл богатейший Кизеловский рудник. Масса бурого железняка и «огнепостоянной» глины. «Эта древность, источник к общему обогащению многих заводов... находится в 14 верстах от Александровского завода», — пишет александровский геолог К.А. Мехоношин в 1861 году. («Пермские губернские ведомости», №23). — Богатейшее место-

Борис Збарский

рождение первоначально было открыто на поверхности горы в виде вулканического потопа».

До 1747 года «Пребывало имение Строгановых нераздельным. К чести Строгановской фамилии служило примерное их согласие» (Василий Берх, 1821 год). А в 1773 году после продажи уже очередной части необъятного майоратного владения Усолье, Пожвинский завод и вообще правый и левый берега Камы — почти целиком два

Фанни Збарская, Борис Пастернак и та самая лошадь...

Мост через Вильву

Збарский и Пастернак во Всеволодо-Вильве

градуса «западноуральской широты» Пермского наместничества, десятую часть владения Строгановых, покупают Всеволожские.

К югу от них, по Чусовой и восточнее, территории осваивают Демидовы, Строгановы и казна,

Савва Морозов

для которых губернский город Пермь — прежде всего пристань, как Всеволодо-Вильва для Всеволожских. Так они двигались друг к другу: к Чусовой Строгановы, Всеволожские, Лазаревы, от Чусовой Демидовы и казна. Встретились в Кизеле — Александровске — Всеволодо-Вильве. Позднее в Копях-Александровске встретились и строители Луньевской ветки рельсовых путей.

Во время последней смены общественного строя Всеволодо-Вильва, территория поссовета, была сдана в металлолом, со всеми бывшими узкоколейками ГУЛАГа, оборудованием ЛПХ, имуществом совхоза и металлом химического завода — цистернами, алюминием, «нержавейкой». Нашлись хваткие люди и поклядистые, возводить новое или перестраивать устаревшее они не собирались. Вывезли с мигалками тонну серебра — катализатора в производстве формалина, подумав, может, что сами вильвенцы все равно не подарят им серебряный портсигар, как подарили когда-то Борису Збарскому, управляющему заводами вдовы Саввы Морозова.

Так случилось во второй раз в истории Всеволодо-Вильвы: лет полтора тому назад во время «французского нашествия», как называют аренду заводов Всеволожских на левом берегу Камы франко-бельгийской компанией, когда Всеволодо-Вильву тоже сдали на переплавку, содрав даже печные заслонки. Лет через двадцать после французской аренды завод уже «не значился в списках действовавших», сообщал словарь Брокгауза и Ефрона. У соседей на юге, например, у Демидовых или в «Лазаревской Сибири», или севернее у солеваров И.И. Любимова — дела шли. У Всеволожских — стоп-машина, «голина совсем Шабурное, лоском лежит» в последние десятилетия их владения. Почему — не понятно. Идут миллионные дела, к слову, на купоросных заводах Ушкова в Тихих Горах возле Елабуги, куда в конце 1916 года из Всеволодо-Вильвы переедут Збарские и Пастернак...

Была жизнь «слишком тяжелая, чтобы изобразить ее в пьесе», по словам классика. Не думаю, что эта оценка относится только к какому-нибудь томлению пермских чиновников. Она одинаково применима и к первой жизни горного завода, данной ему Всеволожскими, и ко второй, данной Саввой Морозовым, и к третьей, советской. Лет через сто, для рабочих на сухой перегонке древесины, Чехов попросил: «При такой работе нужен восьмичасовой рабочий день». А первое, что сделал Юрий Зенков, став руководителем советского химического завода — вильвенского «Метила», запретил старушкам-работницам наливать из чайника в пробирки 10-процентный формалин и «белый порошок сыпать голыми руками». Аптекоуправление было очень недовольно запретом. И т.д. и т.п.

В новых условиях вильвенский завод «Метил» стал уже не партнером, а конкурентом губахинского «Метафракса». Разница между ними только в том, что губахинский химзавод использует в производстве метанола (метилового спирта), а затем формальдегида и формалина собственное сырье — газ, а в распоряжении «Метила» опять оказывались только чурки для их перегонки в ретортах по морозовскому способу. Более чистый и привлекательный для покупателей, если можно так сказать, «газовый» формалин «Метил» производить уже не мог, завися от привозного сырья. Видимо, нечто такое предвидел в свое время Савва Тимофеевич, пригласив для разведки на уголь (метанол можно получать сухой перегонкой угля и торфа), Александра Тихонова-Серебров, благодаря чему и появился его замечательный очерк о трех днях пребывания А.П. Чехова во Всеволодо-Вильве.

JEWA

Как же их милость, гофмейстер Высочайшего Двора и действительный статский советник князь Всеволожский, изволили добираться «ч. знает куда», по выражению классика?

Добирались на Урал через Великий Устюг или Казань. Из Москвы

Дом управляющего во Всеволодо-Вильве

до Соли Камской путь занимал месяца полтора-два. Еще был путь из Москвы через Вятку, 1730 верст. Он указан в «Книге Большому чертежу», в его нескольких редакциях первой половины XVII века, вместе с верстовыми отметками между остановками, сама же карта, напомним, не сохранилась: ... Котельнич — Хлынов (нынешний Киров) — дальше через Каигородок (т.е. к северу от Хлынова) — Коса — Уролка, от нее к юго-востоку до Соли Камской. В Уролке в последние полвека располагается мужская колония-поселение для осужденных «первоходов». В таких же примерно ретортах, только

не обложенных кирпичом, в каких ивакинцы и вильвенцы перегоняли древесину на спиртосодержащие пары, осужденные пережигают такие же поленья, только на древесный уголь для мангалов, а пары, наоборот, не используют. И только это производство среди прочих в колонии идет с перевыполнением плана.

О пути через Устюг рассказывает «Правдивое описание далекого путешествия из Москвы в Тобольск, которое я сам совершил, прилежно наблюдая, в 1666 г., в обществе 46 офицеров» (Исторический архив, т. 1, 1936 г. статья М.П. Алексеева). Пишет немец,

Всеволодо-Вильва. Морозовский парк

возможно, ветеран тридцатилетней войны в Европе, тертый калач.

«5 января. Отбыли мы из Слободы на подводах» (из Москвы. — С.Б.)... 9 числа февраля рано утром приехали к большой реке Каме, переезжали через нее целую милю, затем лесом еще одну милю до города Соликамска. Здесь 13-е подводы... Жители называются пермяками... высокие, крепкие люди... Впечатление, что в Соликамске стоят много сот кораблей с мачтами, благодаря черпакам, которые черпают соленую воду... Мала и узка пробитая здесь дорога; поэтому через леса могут проехать только одни сани, так что когда сани встречаются с другими, сильнейший опрокидывает сани на бок, лошадей же толкает в снег, так что видны только их головы».

13 февраля немцы «через густой лес прибыли в деревню Jewa». То есть почти к устью реки Вильвы, впадающей в реку Яйва. Отсюда до будущей Всеволодо-Вильвы километров семнадцать, до будущего Кизела двадцать шесть. Но приехали они ночью и деревня Яйва так описана в дневнике, что, по-моему, речь идет о Верх-Яйве, главной ямщицкой слободе на Бабиновской дороге. Проезжая далее по этой государственной дороге, немецкий солдат то и дело записывает: «на скалы прямо страшно смотреть», «только лишь поднимаемся вверх и опять спускаемся в глубину ужасными ущельями, и возницы принуждены крепкими стволами деревьев с ветвями обвязывать сани, чтобы они не так стремительно летели вниз!» Вот так они ехали до Чикмана, то есть километров двадцать к востоку.

От Верх-Яйвы в сторону Чикмана (ямщик на чике, т.е. сменный ямщик, читаем в александровской газете «Боевой путь», 1996 г. №75. — С.Б.) прошел я пешком по дороге примерно пять километров — этот отрезок совпадает с Бабиновской дорогой, а дальше она заезжена лесовозной просекой и куда нырнула, сказать не могу. Отсюда современный проезжий путь отворачивает к селу Скопкарное (пишу его название по дореволюционному указателю И.Я. Криво-

щекова, потому что в современных картах то изменяются гласные и согласные буквы в названии поселка, то появляются новые). До села еще километров пятнадцать, затяжных подъемов больше, чем спусков, но ни одной «страшной скалы» или «ужасного ущелья». Они дальше, и между ними Артемий Бабинов устроил ямы, ямщицкие слободы: Чикман, Молчан, Верх-Косьва, Ростесс (70 верст от Верх-Яйвы) — на западном склоне, Павдинская слобода и Караульная — на восточном.

Примерно там, где нынешний поселок Скопкарное, проходила восточная граница владений Строгановых по реке Чаньве до похода атамана В.Т. Аленина-Ермака.

Пройдем все-таки хотя бы мысленно с немецким отрядом дальше, ведь любопытно же взглянуть на Бабиновскую дорогу как часть мирового пути. Тем более что на широте, на которой примерно расположена дорога, кроме Питера, Таллинна и Магадана, известных городов, по-моему, больше нет.

18 февраля они наконец прибыли на конечный пункт Бабиновской или Усольской или Верхотурской или государевой казенной дороги на таможду в Weriketur (Верхотурье), «здесь в 14-й раз сменили подводы». Урал позади, и семьсот верст степью в Тобольск, где немцы и остались. В Тобольске — бухарская торговля хлопком, полосатым шелком и драгоценными камнями,

«которые в Сибири продаются из-под полы». До Бухары шесть недель на верблюдах «гуськом в один ряд», оттуда двухмесячный путь в Китай... Дорогу от Соликамска на запад иногда называли «русская ворга», а на восток «верхотурский волок». Трудны были дороги, говорят такие названия. Все остальные пути в Сибирь правительство приказывало «засечь накрепко, чтоб отнюдь конным людям проезду, а пешим проходу не было». Причина суровости не только в таможенном крохоборстве. Дорога — корявая, поворотливая, «совкая», как лошадка казака-первопроходца, была здесь единственной «горизонтально власти». Иначе Сибирь только зимой государева, а в остальное время ничья или общая.

Вогульские и татарские набеги терзали незваных гостей, пока тем некуда было идти за Каменным поясом. А затем русские воспользовались как трофеями и вогульскими городищами, и военными тропами, как для самого первого зимника и летника с лежневками — Бабиновского, так, может, и в XIX веке, прокладывая Луньевскую железную дорогу. Именно поэтому первый уральский инженер-путеец Артемий Бабинов сразу выполнил волю царя Федора Иоанновича по его первому требованию «провести прямую дорогу в Сибирь от Соли Камской». А через год-два воевода Сарыч Шестаков выстроил в один год на месте городища

Бабиновская дорога сегодня

Неромкарского русскую крепость Верхотурье, для береженья от калмыцких и иных орд: «Место то добре крепко, никоторыми делы взлести не можно», — сказал воевода. А «прежнею дорогою хаживала денежная и соболиная казна и хлебные запасы по смете с две тысячи верст; а тою дорогою, сухим путем, что он Ортюшка прочистил от Соли-Камской до Верхотурья верст с полтретьяста, а от Верхотурья до Тюмени верст с семь сот», — говорит Соликамский летописец.

При жизни Артемия Бабинова в Верх-Яйвинской слободе «для проезда воевод и служилых и всяких людей» обосновались шесть поселенцев. «Больше же того, — говорил Бабинов, — на такую пустошь никто ниоткуда нейдет, что место пустое, пашни нет, а кормятся привозным хлебом», «пространство реки Яйвы, от села до истока ее, и в настоящее время представляет вид совершенной пустыни», — пишут «Пермские Епархиальные Ведомости» в 1875 году (№№ 19, 20, 39).

В девятнадцатом веке при устройстве горных заводов и тракта Пермь — Кунгур — Екатеринбург на волоке остался только зимний проезд, нужный купцам Устюга и Чердыни для торговли на Ирбитской ярмарке, второй по значимости в России после Нижегородской. «Летом же вовсе нет проезда и только кое-как верхом или пешком можно с трудом пробраться по ней» («Пермские губернские ведомости», 1861 г., №22).

В интернете имеется отчет о позапрошлом году путешествии трех пермяков на велосипедах по дороге А.С. Бабинова (Nero.Perm.Ru). Замечательная попытка, и если я правильно понял, то примерно треть пути им все-таки удалось проделать именно по этой дороге и на велосипедах!

«ОСОБЛИВЫЙ КУРИОЗИТЕТ»

Верх-Яйва. В месте перевоза на Бабиновской дороге реку Яйву летом можно кое-где перейти вброд. Где именно, покажут рыбаки-харю-

зятники, ведь летом они — часть верх-яйвинского пейзажа.

На бывшей главной улице села огромные тополя, которые и полвека назад были такие же огромные. Клуб-церковь без маковки — прежняя Введенская церковь, четвертой или пятой постройки. Еще домик со слюдяным окошком, сквозь окна видны щели на другой стене — «дневной свет». Кое-где по дороге еще проступает лежневка, поперечно уложенные стволы, чтобы путь не зарастал.

На высотке, к северу от села, поставлен кем-то четырехметровый крест на бывшей силосной яме, в память о трудах Артемия Софоновича Бабинова (по-разному его отчество пишут, буква «р» то появляется, то пропадает). Вниз по Яйве, в шести-семи километрах, Тихий камень с пещерой Подъельничной (это только одно из ее названий). Вверх по ее течению на таком же расстоянии двухъярусная Камешковская пещера, будто бы место укрытия ерзовских и бе-

резовских мужиков от призыва в армию адмирала Колчака.

У Тихонской пещеры радовался, как в детстве, генерал-майор де Геннин. Признается, что хотя «Особливых курьезностей в Пермии не находитца, но токмо... во оной горе, где камень весь голой, есть скважина яко очаг печной, можно каретою с шестью лошадьми въехать. Свод имеет от природы своей плоской и страшной... Бросали с огнем береста, но токмо самую глуть оной пропасти достигнуть зрением не могли».

Десятки пещер и гротов обозначают, схематично и не очень верно говоря, весь Александровский район, с севера по Яйве, с востока по Чаньве. Окружают полумесяцем новой луны. Надо ли говорить, что в каждой из них атаман Ермак и его командиры напрятали несметные сокровища. В полнолуние светлый известняк особенно отсвечивает, мелькает как загадочные слова и растворяется в атмосфере таинственности и предчувствий.

«В Тихонской я как-то чуть не погиб, — рассказывает Геннадий Васильевич Пенягин, один из четырех жителей, не покинувших Верх-Яйву. — Я тогда электромехаником еще работал, полез с берестой, лез-лез ползком и застрял. Ребята стали меня тащить и чуть мне тазобедренный сустав не свернули. Проход-то внутри уже завалило, но пещера длинная. Как-то геологоразведка бурила в километрах десяти от Тихонской пещеры по дороге на поселок Камень, так у них бур провалился куда-то». «А он провалился с плеском, шумом или тихо, как в бездну?» «Упал, и все». «Неужели вы и вправду верите в клады? Ведь, в самом деле, погибнуть можно!» Геннадий Васильевич ответил что-то в том духе, что, мол, не захо-чешь, а поверишь...

В пяти километрах от Верх-Яйвы по Бабиновской дороге, чуть к югу от дороги, — Большая Махневская пещера. Она состоит из нескольких вертикальных линзовидных трещин до шести метров длины, соединенных узкими лазами. Летом стенки ее трещин

Река Яйва, начало XX века

воглые и склизкие, соваться туда в это время без фонарей и еще веревки и перчаток, значит искушать судьбу. Она может пожалеть по своему великодушию к невеждам, а может и не пожалеть. Вот, если угодно, пещера Березовская, по дороге от Верх-Яйвы до поселка Скопкарное. Бывший источник экспорта скелетов пещерных медведей. Пока экспорт не иссяк, к пещере вела даже лежневка! Но и теперь еще видно просеку, ведущую в ее сторону от дороги. Сбиться с той дороги невозможно.

КРЕЩЕННЫЕ ПРЕДКИ

«Во времена репрессий все тут было заполнено переселенцами: Молчан, Чикман, Березовка, Камешки (выше Ерзовок), Скопкарное, Чертеж, База, Сухая, Ворониха, Долгая, Яйва, Кизел, Вильва, — перечисляет здешние поселки Лидия Байбакова, жительница Скопкарного. Большая часть их оставлена, и кладбища селений заросли и сравнялись с «дневной поверхностью». — И вот мне уже девятый десяток, а все интересно, почему поселок «10-й барак» назывался десятым, ведь не было других номеров? И почему на Молчане можно было жить с вольными, а на Чикмане нельзя?.. Вот, видишь, какой у нас народ — забытый, а чем интересуемся». Книга о политических репрессиях в Прикамье у нее вся в закладках и записях: например, подчеркнута на букве «Б», что в деревне Коченгиной были репрессированы трое Бабиновых. Настольная книга для зимнего досуга пожилой учительницы, а летом в ее большом огороде только картошкой заняты не меньше четырех соток. Одна садит, и сорнякам даже высунуться не дает. Каков «досуг» пожилого человека старой закалки! «Ой, сколько я знаю травы съедобной! — говорит за чаем с конфетой. — Я все хочу на День Победы пострелять лепешки из сеной трухи».

Артемий Софонович Бабинов и государева дорога, названная в народе его именем, и сегодня, думаю, участвуют в жизни селений поссоветов, ближайших к бывшей главной ямской слободе. Когда вы

спросите о Бабиновской дороге кого-нибудь из местных жителей и неверно поставите ударение, вас деликатно поправят, повторив название с ударением на букве «о», и не важно, будет ли ваш собеседник из Усть-Игума, Всеволодо-Вильвы, Скопкарного или самой Верх-Яйвы.

Чем он пришелся по душе далеким-далеким потомкам? Они не знают, каков он был на лицо. Никто, думаю, уже не вспомнит точно, когда и как был снят или сколот и увезен колокол 1597 года, звонивший в Введенской церкви Верх-Яйвы, во всех ее четырех или пяти постройках. Когда и куда была увезена плита с могилы Артемия Бабинова. «Оному Ортюшке» и его потомкам два царя подписали обельные дарственные грамоты. Первой грамотой, от царя Феодора Иоанновича, ему не дали воспользоваться: «соликамские посацкие и уездные люди тех грамот не слушают и ево Ортюшку во всякие подати воротят с собою вместе» (Н. Комлев, «Студенческий меридиан», 1983 г. №11). Вторую такую же обельную грамоту, царя Михаила Феодоровича, потомки Бабинова прятали в березовом туеске. Пропала и она, вместе с туеском.

Остался Артемий Софонович в памяти как человек, ходивший «на своих двоих», не на чужом горбу. Если чем пользовался, так тем, что

Бабиновская дорога или, вернее, то, что от нее осталось

передано было ему самим помазанником почти что из рук в руки. В остальном же, как раб Божий, подчинялся без ропота необходимости, умудряясь при этом себя не терять и полезные дела приращивать. Таким примерно выглядит он в представлениях потомков. Получил ли он третью обельную грамоту от Царя Небесного, с отпущением грехов? Знать не можно, но можно пожелать такую завидную судьбу рабу Божию Артемию.

Когда-то дорога вместе с Камой, Яйвой, Косьвой и рельсовым путем «доставляла значительный заработок населению». В советские времена покосы верх-яйвинского отделения всеволодо-вильвенского совхоза простирались от Тихонской горы до Чаньвы. В трех километрах к востоку от села Верх-Яйва залез я по сыпучему берегу-рухляку к бывшей деревне Ерзовке. Она вместе с двумя своими оврагами заросла иван-чаем и крапивой, ничего в ней нет, живут только слепни и паузы, и от построек осталась только почерневшая часовенка, она накренилась и почти уже улеглась в гору кверху маковкой. Но вид из крапивы на долину Яйвы и, если не ошибаюсь, долину Яйвы и, если не ошибаюсь, Чикманский увал с брошенными покосами, отличный.

«Зерна, бывало, намолотим, не знаем, куда девать, и скота было

«Сей крест поставлен в честь 400-летия основания Артемием Бабиновым дороги в Сибирь»

море», — вспоминает о прежнем достатке Геннадий Васильевич Пенягин. Он с женой и сегодня держат две коровы и мерина 18 лет, хотя и для такой старой лошади на зиму обкосить нужно до полутора гектаров или немногим меньше.

«Больница тут была на всю вселенную. Аэродром для кукурузников. Водяная мельница, чайная, — перечисляет возвращающийся в родное село на лето Николай Аникушин, — пятнадцать деревень в округности было. Разъезжаться стали где-то к восьмидесятым годам».

В селе Верх-Яйва зимуют теперь в четырех домах, как в 1607 году, вот имена оставшихся: Байбаковы, Геннадий Васильевич Пенягин, Людмила Степановна Андросова и Александр Николаевич Васев по прозвищу Туесок.

Административные границы Всеволодо-Вильвенского поссовета почти совпадают с его географическими очертаниями: Верх-Яйва на севере, на западе Усть-Игум с его нетопкими ягодными болотами с «глубеникою и брусницею» (как их де Геннин называл). Самые старые жители самых старых селений: в Усть-Игуме — это кедр у заводского пруда, неведомо кем посаженные. Во Всеволодо-Вильве четыре лиственницы возле быв-

шего морозовского дома, кем-то высаженные квадратом. В Верх-Яйве тополя, стоящие аллеей возле бывшей церкви, переделанной в клуб.

Усть-игумцы Троицу праздновали в деревне Гора, Иванов день в Гремяче, Петров день в Тунегово. Гармошки и качели до утра, овсяная бражка — не брага — «с хохолком». Здесь это называлось «сходить на полянки». В Иваке такое же веселье звалось «сходить на горку». Горку представить себе могут даже не бывавшие здесь читатели романа о докторе. На одной из таких горок-шихане, каких на территории района множество, пусть и помещенной автором романа где-то в Сибири, в ее степях, партизаны расстреляли своих самогонщиков и анархистов.

Чьи-то ульи с пчелами, чей-то садок с мальками форели и собака по имени Лаврентий Палыч — это все летние постройки и сезонные жители нынешней Иваки. Имеется в бывшей деревне холмамфитеатр, даже с отдельной «ложей» — сто лет назад вынутым уголком холма для постройки заводской конторы на его склоне. С этой ложи, например, Юрию Зенкову, прежнему директору «Метила», виделся в долине речки Иваки, как на сцене, не существо-

вавший никогда пруд с лодочками и дамочками в шляпках. И он, промышленный генерал, также оказался во Всеволодо-Вильве, отмечу, по принуждению судьбы, как названные в этом очерке известные всему миру или всей России личности. «В 1964-м году из культурной тагильской провинции оказался я на экскурсии в дремучей провинции и плевался: в этой деревне, Всеволодо-Вильве, пытаящая дрезина тащит 500-литровую кадушку! А через десять лет сюда и приехал! «Отработавшь два-три года, и в науку, в Москву», — посулили мне в моем ведомстве», — вспоминает о своих первых впечатлениях Юрий Петрович.

Неудивительно, что ученый, художник и меценат Савва Морозов сразу оценил эту уютную ивакинскую долину с играющей в прятки речкой, увидев ее, скорее всего, с этого же холма. А как он мог разглядеть и лошину, и ее холм в дремучем лесу, объяснила краевед Евгения Тунегова: «Лысая гора всегда была лысой, говорила мне моя бабушка, ничего на ней не росло никогда». И Евгения Сергеевна, приезжая в родную бабушкину Иваку, в своем платочке снова становится крестьянской девушкой, а не программистом и автором дипломной работы по географии Александровского района. «Люди отсюда ушли, и грибы ушли. На пути от Всеволодо-Вильвы к Иваке чувствуется подъем, особенно если добираться на велосипеде, и воздух становится душистее и как будто слаще», — говорит и, как географ, отмечает еще, что во вторичном ивакинском лесу откуда-то взялся широколиственный подлесок.

Из Иваки грибы ушли, в тополях Верх-Яйвы не живут, как раньше, белки. Жаль, конечно, — убыток опушкам и тополиному хозяйству. И, как видим, больше того случились трудности. Но правда и то, что живут здесь люди не хлебом единым. Так же, как их далекие и недавние предки. Что же до указателей, обозначающих местность, надеюсь, мне удалось, идя по ним, немного сократить дорожку.

Сергей БОРОДУЛИН